

ISSN 0321-0359

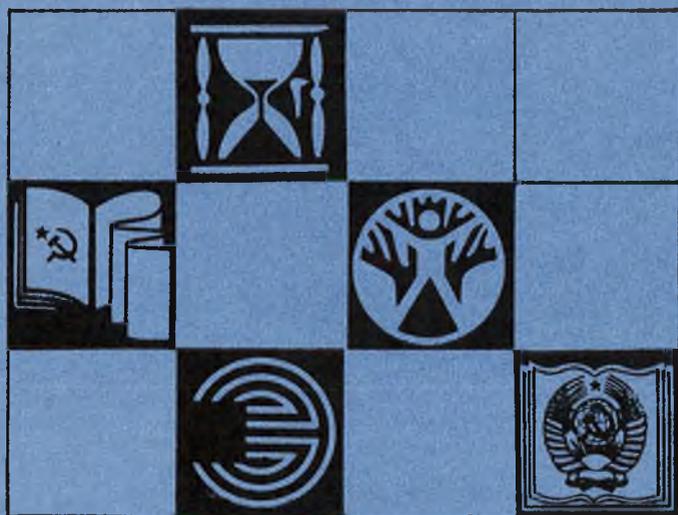
2

СЕРЫЯ 3, 1986

ВЕСНИК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У.І.Леніна

Гісторыя
Філасофія
Навуковы камунізм
Эканоміка
Права

2

СЕРЫЯ 3, 1986

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У.І.Леніна

Гісторыя
Філасофія
Навуковы камунізм
Эканоміка
Права

МІНСК
ВЫДАВЕЦТВА
„УНІВЕРСІТЭЦКАЕ“
1986

Галоўны рэдактар В. Р. РУДЗЬ
Адказны сакратар П. М. БАРАНОЎСКИ

Рэдакцыйная калегія серыі:

І. І. ЖБАНКОВА (адказны рэдактар),
М. І. БАЗЫЛЕЎ (адказны сакратар), Г. П. ДАВІДЗЮК,
П. П. ДРОНЬ (нам. адказнага рэдактара), М. І. ЖУКАЎ,
А. С. КЛЯУЧЭНЯ, У. К. КОРШУК (нам. адказнага рэдактара),
М. І. КРУКОЎСКИ, Т. І. ПРЫТЫЦКАЯ, М. В. РОЖЫН,
В. С. СЦЕПІН, І. О. ЦАРУК, В. Г. ЦІХІНЯ, В. Ф. ЧЫГІР,
С. Я. ЯНЧАНКА

ВЕСТНИК БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. ЛЕНИНА

Серия 3, № 2, 1986

Издательство «Университетское»
220048, Минск, проспект Машерова, 11, Дом книги.
Адрес редакции: 220080, Минск, Университетский городок, тел. 20-65-42

На русском и белорусском языках

Рэдактар *А. А. Сычоў*
Малодшы рэдактар *Л. Ф. Мілушава*
Мастацкі рэдактар *С. У. Балянок*
Тэхнічны рэдактар і карэктар *Г. І. Хмарун*

Здадзена ў набор 05.05.86. Падпісана да друку 07.07.86. АТ 06104.
Фармат 70×108^{1/16}. Папера друк № 2. Друк высокі. Ум. друк. арк. 7.0.
Ум. фарб.-адб. 7,44. Ул.-выд. арк. 8,6. Тыраж 820 экз. Заказ 961.
Адрес редакцыі: 220080, Мінск, Універсітэцкі гарадок, тэл. 20-65-42.
Выдавецтва «Універсітэцкае». 220048, Мінск, праспект Машэрава, 11.
Дом кнігі.

Ордэна Працоўнага Чырвонага Сцяга друкарня выдавецтва ЦК КП
Беларусі, 220041, Мінск, Ленінскі праспект, 79.

© Веснік БДУ імя У. І. Леніна, 1986.

Рашэнні XXVII з'езда КПСС— у жыццё

В. К. КОРШУК

XXVII СЪЕЗД КПСС: СТРАТЕГИЯ УСКОРЕНИЯ

XXVII съезд КПСС знаменует собой новую важную веху в истории партии и советского народа. В его решениях определены новые рубежи политического, социально-экономического и духовного развития советского общества, намечена обширная программа ускорения нашего мирного строительства.

В Политическом докладе, с которым выступил тов. Горбачев М. С., подведены итоги работы за период, прошедший после XXVI съезда КПСС, с марксистско-ленинских позиций всесторонне проанализированы положения внутри страны и на международной арене, характерные процессы общественного развития на современном историческом этапе. В нем охарактеризованы достижения СССР в коммунистическом строительстве, вскрыты причины имеющихся у нас трудностей и недостатков, указаны средства и способы их преодоления.

В докладе определены стратегия и тактика всестороннего совершенствования социализма и дальнейшего поступательного движения к коммунизму, внутренняя и внешняя политика КПСС и Советского государства. В ее основе — курс на ускорение социально-экономического развития страны, упрочение мира на Земле.

Высшая цель ускорения в том, чтобы неуклонно поднимать благосостояние народа, улучшать все стороны жизни советских людей, создавать благоприятные условия для совершенствования личности. Намечается новая техническая реконструкция народного хозяйства, более решительный его перевод на рельсы интенсивного развития. Суть ускорения — в новом качестве роста: всемерной интенсификации производства на основе научно-технического прогресса, структурной перестройке экономики, эффективных форм управления, организации и стимулировании труда.

С направленностью созидательных планов нашей страны неразрывно связаны и миролюбивые внешнеполитические устремления КПСС, деятельность которой на международной арене вселяет уверенность и надежду в сердца миллионов. Подлинным гуманизмом проникнуты мирные инициативы съезда. Содержащаяся в них комплексная программа ликвидации всех видов оружия массового уничтожения еще и еще раз показывает, что социализм и мир неразделимы.

Ход работы съезда явился смотром коллективной мысли, коллективного опыта партии и народа. Миллионы советских людей — коммунистов и беспартийных с исключительной активностью и заинтересованностью участвовали в обсуждении предсъездовских документов, демонстрируя высокий идейно-политический уровень сознания, монолитную сплоченность партийных рядов, нерушимое единство партии и народа. XXVII съезд с особой силой подтвердил, что наша партия выражает коренные, жизненные интересы народа и пользуется его безграничной поддержкой.

КПСС исходит из того, что решить задачу мобилизации всех факторов ускорения можно, лишь имея научно обоснованную перспективу, критически оценивая достигнутые результаты. Как подчеркивал В. И. Ленин: «Все революционные партии, которые до сих пор гибли, — гибли от того, что

зазнавались и не умели видеть, в чем их сила, и боялись говорить о своих слабостях. А мы не погибнем, потому что не боимся говорить о своих слабостях и научимся преодолевать слабости»¹. Напомнив эту мысль В. И. Ленина, М. С. Горбачев призвал исходить из того, что воздействие партии на общественные процессы тем сильнее и эффективнее, чем многообразнее, насыщеннее внутрипартийная жизнь. А добиться этого можно только усилиями всех коммунистов, всемерно развивая внутрипартийную демократию, осуществляя на всех уровнях принцип коллективности руководства, развивая критику и самокритику. Морально-политический климат, утвердившийся в нашей стране под воздействием решений апрельского (1985) Пленума ЦК КПСС, правильность взятого партией курса, всецело одобренная трудящимися концепция ускорения социально-экономического развития страны, которой пронизан Политический доклад, определили всю атмосферу работы съезда.

Ныне, когда масштабы, новизна и сложность решаемых задач предъявляют высокие требования ко всей деятельности партии, делом первостепенной важности является перестройка партийной работы. Ее суть в утверждении в каждой партийной организации атмосферы творчества, принципиальной требовательности и самокритичности, поиска новых действенных решений социально-экономических, научно-технических и идейно-воспитательных проблем. Съезд подчеркнул, что залогом успешного решения поставленных задач является непрерывное развитие и самосовершенствование партии, сплоченность ее рядов, облик каждого коммуниста.

Поставлена задача полностью, с максимальным эффектом использовать все наши возможности, привести в действие дополнительные резервы, использовать накопленный опыт. А это зависит от каждого коммуниста, каждого советского человека, от его организованности, дисциплины, четкой работы. Именно в активизации человеческого фактора, в развитии сознательности, творческой инициативы и самостоятельности широких трудящихся масс партия видит ключ к решению важнейших социально-экономических проблем.

В опоре на массы, в развитии их инициативы и активности В. И. Ленин видел важнейшую сторону партийного руководства строительством нового общества. И эта идея красной нитью проходит через решения XXVII съезда КПСС. Партия поставила задачу «пробуждать у каждого советского человека органическую потребность работать инициативно, качественно, с высокой производительностью и с наименьшими затратами ресурсов... постоянно заботиться о развитии славных традиций советского рабочего класса, всеми средствами повышать морально-политический престиж новаторов производства, мастеров своего дела»².

Политический курс партии как в области внутренней жизни, так и по международным проблемам нашел отражение в принятых на съезде новой редакции Программы КПСС, Уставе партии, Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года.

Принятая XXVII съездом новая редакция Программы КПСС поставила задачи планомерного и всестороннего совершенствования социализма, дальнейшего продвижения СССР к коммунизму на основе ускорения социально-экономического развития страны, борьбы за мир и социальный прогресс. Этот документ подтверждает выдвинутые ранее главные цели КПСС, основные закономерности коммунистического строительства, в нем воспроизводятся выдержавшие испытание временем основополагающие теоретические и политические установки. Вместе с тем он свидетельствует о творческом осмыслении КПСС накопленного исторического опыта, выработке стратегии и тактики в соответствии с особенностями переживаемого момента. «В необходимости перемен, усилении динамизма развития общества состоит смысл стратегии КПСС, изложенной в новой редакции Программы»³, — подчеркнул на XXVII съезде М. С. Горбачев.

Главное, чем новая редакция Программы КПСС обогащает марксизм-ленинизм, теорию и практику научного социализма, составляет развернутая концепция ускорения социально-экономического развития страны и на этой основе — достижение нового качественного состояния советского общества. Это магистральный путь, по которому нашей Родине предстоит выйти на новые рубежи, когда с наибольшей полнотой раскроются преимущества социалистического строя, будут решены проблемы, доставшиеся в наследство от предшествующих этапов.

Успешное выполнение выдвигаемых партией на современном этапе задач во многом зависит от коммунистов, от деятельности первичных партийных организаций, их вышестоящих органов. Принципы партийного строительства, стиль и методы партийной работы, нравственные нормы поведения коммунистов закреплены в принятом на съезде Уставе КПСС. С учетом всестороннего обсуждения этого документа акцент в нем сделан на повышение авангардной роли членов партии, боеспособности первичных парторганизаций, развитие внутривнутрипартийной демократии, обеспечение постоянного контроля за деятельностью каждой парторганизации, каждого работника.

Программные положения о путях всестороннего и планомерного совершенствования социализма, продвижения советского общества к коммунизму на основе ускорения социально-экономического развития страны конкретизируют утвержденные на съезде Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года. Этот документ полностью отвечает жизненным интересам советских людей, их надеждам на будущее. Подтверждение тому — подлинно всенародный масштаб его обсуждения, в котором приняло участие около 110 миллионов человек⁴. Ход обсуждения, его характер убедительно свидетельствуют о возросшей политической зрелости трудящихся, их глубокой заинтересованности в укреплении могущества нашей страны. Научно обосновывая коренные вопросы экономической политики на предстоящий период, съезд учитывал своеобразие задач и условий, в которых приходилось действовать партии в истекшей пятилетке, тот факт, что нам не удалось полностью выйти на намеченные рубежи.

В предстоящие пятнадцать лет намечается удвоить объем национального дохода и промышленной продукции, добиться создания экономического потенциала, примерно равного накопленному за все предшествующие годы Советской власти, сделать крупный шаг в построении материально-технической базы коммунизма.

Важным этапом на этом пути является двенадцатая пятилетка, в ходе которой «необходимо обеспечить коренной перелом в работе, полнее мобилизовать наши ресурсы и возможности, привести в действие все резервы для безусловного выполнения намеченных планов. Открывая простор творческой инициативе масс, укрепляя дисциплину и порядок, наращивать темпы движения вперед на всех направлениях социально-экономического развития»⁵.

Съезд определил главной задачей двенадцатой пятилетки повышение темпов и эффективности развития экономики на базе ускорения научно-технического прогресса, технического перевооружения и реконструкции производства, интенсивного использования созданного производственного потенциала, совершенствования системы хозяйственного механизма и достижения на этой основе дальнейшего роста благосостояния советского народа. За 1986—1990 годы прирост национального дохода планируется на 19—22 %, увеличение производительности труда на 20—23, в том числе в промышленности — на 23—25 %. Поставлена задача добиться перелома в интенсификации производства на основе широкого использования достижений науки и техники, прогрессивных сдвигов в структуре и организации производства, повышения дисциплины. Делом первостепенной важности съезд назвал коренное повышение качества продукции⁶.

Дальнейшее развитие получит экономика всех союзных республик. Так, в Белоруссии намечено увеличить производство промышленной продукции на 22—25 %. Обеспечить опережающее развитие станкостроения, приборостроения, радиотехнической, электронной и электротехнической промышленности, машиностроения для животноводства и кормопроизводства. Увеличить среднегодовой объем валовой продукции сельского хозяйства на 12—14 %. Осушить за пятилетие 520 тысяч гектаров переувлажненных и заболоченных земель⁷.

Съезд намечил широкую социальную программу, которая включает дальнейшее улучшение условий труда и быта советских людей, увеличение доходов населения при совершенствовании механизма их распределения, системы оплаты труда и экономического стимулирования, создание лучших условий для воспитания детей. Внимание партийных организаций привлечено к совершенствованию управления народным хозяйством, повышению роли трудовых коллективов. Намечена большая программа в области народного образования, развития науки.

Серьезный критический анализ пройденного и решительные поиски нового открывают перед советскими людьми перспективы успешной реализации намеченных планов. На съезде честно и откровенно сказано о важнейших проблемах современности, решительно подчеркнута необходимость сохранения и укрепления мира на Земле.

Революционный характер и масштабность планов ленинской партии обусловили глубокий интерес в мире к решениям XXVII съезда КПСС, его большое международное значение.

То, что говорилось с трибуны съезда, обращено к каждому человеку, к нашим повседневным делам, к нашей совести. Поддержка делом — вот главное в отношении советских людей к задачам и целям, выдвинутым на партийном съезде.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 45.— С. 118.

² Резолюция XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза по Политическому докладу Центрального Комитета КПСС // Постановления XXVII съезда КПСС.— М., 1986.— С. 27.

³ Горбачев М. С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза.— М., 1986.— С. 120.

⁴ См.: Рыжков Н. И. Об основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года: Доклад XXVII съезду КПСС. 3 марта 1986 г.— М., 1986.— С. 4.

⁵ Резолюция XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза по Политическому докладу Центрального Комитета КПСС.— С. 31.

⁶ См.: Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года.— М., 1986.— С. 18, 20.

⁷ Там же.— С. 76.

П. П. ДРОНЬ, В. Ф. ШАЛЬКЕВИЧ

ГУМАНИЗМ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ КПСС

Вопросы социальной политики, забота о человеке всегда были в центре внимания нашей партии. Социальная сфера охватывает интересы классов и социальных групп, наций и народностей, отношения общества и личности, условия труда и быта, здоровья и досуга. «Именно в этой сфере, — отмечал в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду М. С. Горбачев, — реализуются результаты экономической деятельности, затрагивающие жизненные интересы трудящихся, воплощаются высшие цели социализма. Именно здесь наиболее широко и наглядно выявляется гуманистическая природа социалистического строя, его качественное отличие от капитализма»¹.

В качестве основных задач социальной политики КПСС выдвигает: неуклонное улучшение условий жизни и труда советских людей; все более полное осуществление во всех сферах общественных отношений принципа социальной справедливости; сближение классов и социальных слоев, преодоление существенных различий между умственным и физическим трудом, городом и деревней; совершенствование национальных отношений, укрепление братской дружбы наций и народностей нашей страны.

Гуманизм социальной политики КПСС находит свое выражение прежде всего в производственно-трудовой сфере, в создании наилучших для человека условий труда, в повышении культуры социалистического производства. Основную роль в усилении творческого содержания и коллективистского характера труда, повышении его культуры призвана сыграть техническая реконструкция народного хозяйства — механизация, автоматизация, компьютеризация и роботизация производства. Социальная политика партии предусматривает резкое сокращение доли ручного труда, а в перспективе полную ликвидацию монотонного, физически тяжелого и мало-квалифицированного труда, которым в нашей стране занято еще около 50 млн. человек².

Одновременно усилия партии направлены на постоянное сокращение рабочего и увеличение свободного времени, что самым тесным образом связано с осуществлением гуманистической цели коммунизма — воспитанием всесторонней, гармонически развитой личности. В перспективе КПСС планирует дальнейшее сокращение рабочего дня, увеличение продолжительности оплачиваемых отпусков.

Качественные преобразования труда в условиях научно-технической революции повышают требования к образовательной и профессиональной подготовке кадров, ставят в повестку дня создание единой системы непрерывного образования. В новой редакции Программы КПСС указывается, что партия «будет продолжать совершенствовать систему народного образования с учетом потребностей ускорения социально-экономического развития, перспектив коммунистического строительства, требований, выдвигаемых прогрессом науки и техники»³.

XXVII съезд КПСС поставил задачу поднять народное благосостояние на качественно новую ступень. Если за годы 11-й пятилетки среднемесячная заработная плата рабочих и служащих возросла на 13 % и достигла в 1984 году 190 руб., то в 12-й пятилетке намечено увеличить ее на 13—15 % и довести к концу пятилетки до 215—220 руб.⁴

Другим важнейшим источником доходов трудящихся и повышения их жизненного уровня являются общественные фонды потребления, за счет которых обеспечиваются бесплатное образование и производственное обучение, бесплатная медицинская помощь и оплачиваемые отпуска, содержатся детские сады и ясли, выплачиваются пенсии.

Размеры общественных фондов потребления из года в год неуклонно растут. Так, в 1985 году выплаты из общественных фондов потребления на душу населения составили 530 руб. За 12-ю пятилетку они значительно увеличатся и составят в расчете на душу населения в 1990 году свыше 600 руб.⁵

Задачей первостепенной важности КПСС считает удовлетворение возрастающего спроса населения на высококачественные и разнообразные товары. Партией намечены меры по развитию торговли и общественного питания, созданию современной высокоразвитой сферы обслуживания. Это позволит облегчить домашний труд, создать лучшие условия для отдыха и содержательного использования свободного времени.

Гуманизм социальной политики КПСС проявляется также в заботе об обеспечении советских людей современными благоустроенными жилищами, в осуществлении грандиозной программы жилищного и культурно-бытового строительства. «Партия считает делом особой социальной значимости ускорение решения жилищной проблемы с тем, чтобы к 2000 году практически каждая советская семья имела отдельное жилье — квартиру или индивидуальный дом»⁶.

На страже здоровья советского человека стоит самая гуманная в мире система здравоохранения. В СССР самая высокая в мире обеспеченность населения врачами. В стране трудится 1136 тыс. врачей. Охрана здоровья советских людей обеспечивается планомерным развитием всей сети медицинского обслуживания населения, повышением качества медицинской помощи, систематическим сближением уровней медицинского обслуживания городского и сельского населения. На содержание одного больного государство тратит ежедневно около 11 руб.⁷ «Партия ставит задачу, — отмечается в новой редакции Программы КПСС, — добиться повсеместного и полного удовлетворения потребностей жителей города и села во всех видах высококвалифицированного медицинского обслуживания, кардинального повышения его качества»⁸.

Во имя здоровья общества и человека в стране развернулась борьба против пьянства и алкоголизма. Партия ставит задачу настойчиво и последовательно продолжать ее, чтобы обеспечить окончательный перелом в сложившихся вредных для здоровья людей привычках. Борьба с пьянством, нарушителями трудовой дисциплины, другими антиобщественными явлениями, как правило, успешно решается в тех организациях, где должное внимание уделяется развитию физкультуры и спорта. КПСС делает все возможное, чтобы расширять физкультурную и спортивную работу, улучшать ее организацию по месту жительства, трудовой деятельности и учебы, укреплять материальную базу спортивных организаций. «Надо поставить дело так, — отмечается в новой редакции Программы КПСС, — чтобы каждый советский человек смолоду заботился о своем физическом совершенствовании, обладал знаниями в области гигиены и медицинской помощи, вел здоровый образ жизни»⁹.

В документах съезда дан глубокий анализ социально-классовой структуры социалистического общества. Закономерностью развития социальных отношений на современном этапе, как отмечается в новой редакции Программы КПСС, является сближение рабочего класса, колхозного крестьян-

ства и интеллигенции, становление бесклассовой структуры общества при решающей роли в этом процессе рабочего класса.

В своей политике партия не только постоянно учитывает диалектику социально-классовой структуры нашего общества, интересы составляющих ее классов и слоев, но и специфику интересов самых различных социально-демографических групп: женщин, ветеранов войны и труда, молодежи. В частности, партия считает необходимым значительно усилить внимание к социальным проблемам молодежи, к развитию и более полному удовлетворению общественно значимых интересов и потребностей юношей и девушек в сфере труда и быта, образования и культуры, профессионального и служебного роста, разумного использования свободного времени.

Всесторонне учитывая в своей социальной политике общность интересов классов, социальных слоев и групп, КПСС обеспечивает прочное единство общества, создает максимум возможностей для утверждения коллективизма и всестороннего развития личности.

Гуманизм политики КПСС ярко проявляется и в области национальных отношений, характерными особенностями которых является как дальнейший расцвет наций и народностей, так и неуклонное их сближение. «Партия исходит из того, — отмечается в новой редакции Программы КПСС, — что последовательное проведение ленинской национальной политики, всестороннее укрепление дружбы народов — составная часть совершенствования социализма, проверенный общественной практикой путь к дальнейшему процветанию нашей многонациональной социалистической Родины»¹⁰.

Достижения советского общества в социальной сфере грандиозны и неоспоримы. В стране обеспечено равное право на труд и его справедливое вознаграждение. Все граждане пользуются такими великими социальными благами, как бесплатное медицинское обслуживание, просвещение, жилье с минимальной оплатой. В обществе утвердился нерушимый союз рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции, женщинам предоставлены равные права с мужчинами, молодому поколению открыты все пути в завтрашний день, гарантировано социальное обеспечение ветеранов труда.

Все эти социальные завоевания, которыми советские люди по праву гордятся, достигнуты под руководством Коммунистической партии Советского Союза. Но жизнь, ее динамизм диктуют необходимость дальнейших глубоких перемен в сфере труда, материальных и духовных условий человеческого бытия. Программная цель партии — «достижение полного благосостояния и свободного, всестороннего развития всех членов общества»¹¹.

Советские люди уверены, что и эта грандиозная социальная программа будет выполнена, ибо она отвечает коренным интересам рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции, всех наций и народностей нашей страны, каждой советской семьи, каждого советского человека.

¹ Горбачев М. С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза, 25 февраля 1986 г. — М., 1986. — С. 55.

² См.: Политическое самообразование. — 1986. — № 1. — С. 132.

³ Программа Коммунистической партии Советского Союза: Новая редакция. Принята XXVII съездом КПСС. — М., 1986. — С. 56.

⁴ См.: Рыжков Н. И. Об основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года: Доклад XXVII съезду КПСС, 3 марта 1986 г. — М., 1986. — С. 56.

⁵ Там же. — С. 57.

⁶ Программа Коммунистической партии Советского Союза. — С. 40.

⁷ См.: Правда. — 1986, 16 января.

⁸ Программа Коммунистической партии Советского Союза. — С. 40.

⁹ Там же. — С. 40—41.

¹⁰ Там же. — С. 45.

¹¹ Горбачев М. С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. — С. 56.

ОБОБЩЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА И РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРИРОДООХРАННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

В основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года предусматривается осуществление целого комплекса долговременных мероприятий по бережному расходованию природных ресурсов, сохранности и улучшению сельскохозяйственных угодий, созданию и развитию кадастров природных ресурсов, совершенствованию государственного управления и усилению контроля в области природопользования и охраны окружающей среды. «Социализм с его плановой организацией производства и гуманистическим мировоззрением, — отметил в Политическом докладе ЦК XXVII съезду КПСС М. С. Горбачев, — способен внести гармонию во взаимоотношения между обществом и природой». Социалистическое государство выделяет на эти цели огромные средства; уже достигнуты существенные результаты в природоохранных мероприятиях. И тем не менее существующее положение дел вызывает тревогу. Это связано с тем, что в данной сфере человеческой жизнедеятельности «недопустимо медленно используются научно-технические достижения. В проекты строительства новых и реконструкции действующих предприятий все еще закладываются устаревшие решения, слабо внедряются безотходные и малоотходные технологические процессы. При переработке полезных ископаемых подавляющая часть добываемой массы идет в отходы, засоряя окружающую среду. Здесь необходимы более решительные меры экономического, правового, воспитательного характера»¹.

К настоящему времени в нашей стране создан развитый административно-правовой механизм охраны окружающей среды. Однако, как показывает и отечественная, и зарубежная практика, применение только административно-правового механизма не в состоянии решить все проблемы в области рационализации использования природных ресурсов. Это в значительной мере связано с тем, что административно-правовые методы регулирования отношений между предприятиями и обществом по использованию и охране природных ресурсов не всегда подкрепляются мерами экономического воздействия.

Если общество несет большие издержки на охране и воспроизводстве природных ресурсов, каждое хозрасчетное звено народного хозяйства должно ощутить на себе эти расходы. Размеры затрачиваемых средств должны быть тесно связаны с объемом производства. Крупное производство в состоянии выделить на охрану окружающей среды большой процент отчислений от прибыли. Для обеспечения экономической целесообразности выделения средств на охрану природы необходимо заинтересовать предприятия в защите окружающей среды. Степень очистки воздуха, качество воды, потребляемой и очищаемой на производстве, должны стать такими же важными показателями работы предприятий, как себестоимость продукции или уровень производительности труда. Как только природоохранные затраты станут таким же элементом хозрасчетной деятельности, как и другие важнейшие экономические показатели, можно будет со всей обоснованностью говорить об экологической эффективности производства. Экологические издержки производства должны включаться в себестоимость продукции, быть плановыми издержками. Любой проект строительства или реконструкции предприятий должен утверждаться лишь тогда, если в нем заложена смета возможных потерь экологического потенциала.

Необходимо поднять уровень экологической дисциплины. Для этого надо наладить общую профессиональную экологическую подготовку кадров, создавать природоохранные методологические центры — Дома природы. Экологические знания нужно прививать молодежи еще в школе.

Для последовательного удовлетворения экологических потребностей на интенсивной основе развития первоочередное значение имеет совершенствование организационной структуры управления природопользованием посредством формирования совокупности природно-индустриальных комплексов, выступающих целостными подсистемами единого народнохозяйственного комплекса страны. Природно-индустриальные комплексы должны включать: природохозяйственные отрасли, обеспечивающие воспроизводство компонентов окружающей природной среды и выступающие ядром природно-индустриальных комплексов; отрасли, осуществляющие добычу, за-

готовку и переработку природного сырья и материалов; специализированные отрасли машиностроения; сферы производственной и социальной инфраструктуры.

Каждый природно-индустриальный комплекс должен объединять все звенья единой производственно-технологической цепочки, начиная с восстановления, добычи, переработки определенного природного сырья, вплоть до производства из него конечной продукции, и создавать наиболее благоприятные условия для комплексной безотходной утилизации природных ресурсов, обеспечивать четкое межотраслевое взаимодействие, состыковку интересов производителей и потребителей, подчинение их деятельности общей конечной цели.

На межотраслевой основе должна быть осуществлена перестройка деятельности производственных звеньев природно-индустриальных комплексов посредством создания горнодобывающих, лесопромышленных и т. п. объединений и комбинатов, которым под силу окажется решение экологических программ, требующих значительных средств и рассчитанных на получение долговременной экономической отдачи. В связи с этим появляется необходимость выработки длительных целевых программ, направленных на рациональное сочетание мер по охране природы и благоустройству населенных пунктов и прилегающей к ним территории — старых парков, заповедников, озер и рек.

Обязательным условием достижения высоких результатов в охране природы является научная оценка народнохозяйственных экологических мероприятий и их результатов, а также отражение их в системе плановых и оценочных показателей. Подобная система мер позволит изменить существующий порядок оценки деятельности предприятий ряда природоохранных отраслей по промежуточным показателям. Для измерения эффекта средозащитной деятельности необходимо в первую очередь использовать натуральные показатели, непосредственно характеризующие изменения структуры и качества результатов этой деятельности и способствующие удовлетворению конкретных экологических потребностей.

Улучшение планирования природоохранных мероприятий должно сопровождаться совершенствованием хозрасчетных стимулов удовлетворения экологических потребностей. Предприятия, производственные объединения должны быть экономически заинтересованы в реализации запланированных экологических мероприятий в полном объеме и при заданной структуре. Это можно обеспечить, если деятельность всех отраслей и звеньев природно-индустриальных комплексов будет оцениваться по традиционным параметрам в зависимости от удовлетворения потребностей общества в соответствующих видах природного сырья, продуктах переработки при строгом соблюдении экологических стандартов. Так, отрасли машиностроения должны экономически стимулироваться и нести материальную ответственность, в числе прочих параметров, за соответствие системы машин экологическим требованиям, за создание ресурсосберегающей и безотходной технологии; отрасли перерабатывающей промышленности — за комплексное, безотходное использование природного сырья, позволяющее существенно снизить размеры его добычи.

Остро стоит проблема использования природных ресурсов и налаживания безотходного производства в добывающих отраслях экономики. Огромные территории при шахтах, рудниках не просто портят ландшафт, загрязняют атмосферу, но и содержат в себе весьма ценные полезные ископаемые.

Успешное выполнение Продовольственной программы СССР немыслимо без рационального использования земель и водных ресурсов. В Продовольственной программе подчеркивается, что ускоренное и устойчивое наращивание производства зерна — ключевая проблема сельского хозяйства. Задача состоит в том, чтобы в ближайшие годы обеспечить возрастающие потребности страны в высококачественном продовольственном и фуражном зерне, иметь необходимые государственные резервы зерна и ресурсы его для экспорта.

Интересы народнохозяйственного отношения к природным ресурсам требуют, а укрепление материально-технической базы сельского хозяйства позволяет более эффективно использовать для производства кормов не только пашню, но и природные кормовые угодья. При этом мероприятия по интенсификации полевого и лугового кормопроизводства не должны противопоставляться задачам увеличения производства фуражного зерна и

использования в животноводстве концентрированных кормов. Увеличение сборов кормов с каждого гектара природных пастбищ и сенокосов позволяет высвободить часть пашни от трав и использовать ее для получения других видов продукции земледелия, в том числе и фуражного зерна.

Задачей исключительной важности является повышение отдачи мелиорированных земель. Площади орошаемых земель намечено довести в 1990 году до 23—25 млн. га и осушенных земель—до 18—19 млн. гектаров.

Необходимо усилить экономические меры, направленные на охрану природной среды. К их числу можно отнести полное или частичное финансирование за счет средств государственного бюджета строительства природоохранных объектов, преимущественное освобождение очистного оборудования от платы за производственные фонды, взимание с потребителей платы за пользование водой из коммунальных водопроводов и сброса использованной воды в канализационную сеть, штрафы за нарушение условий и требований природоохранного законодательства и другие. Средства, поступающие в виде платы за сброс загрязненных вод, целесообразно концентрировать в виде фонда водного хозяйства, предназначенного для финансирования мероприятий по рациональному использованию водных ресурсов и их охране.

Среди мер по охране и рациональному использованию природных ресурсов особое место отводится организации социалистического соревнования. Социалистические обязательства, творческие планы специалистов должны содержать обязательства, касающиеся рационального использования природных ресурсов, мероприятий, направленных на улучшение охраны окружающей среды.

В Белоруссии работа по охране окружающей среды ширится год от года. Только за десятую и одиннадцатую пятилетки на эти цели израсходовано почти 500 миллионов рублей². Правительством республики рассмотрены и утверждены научно-технические прогнозы использования отдельных территорий и важнейших природных ресурсов, разработаны генеральная схема комплексного использования и охраны водных ресурсов и прогноз возможных изменений в биосфере в результате развития отраслей народного хозяйства на перспективу до 2000 года. Природоохранные мероприятия включены в новую редакцию Программы КПСС. «Все большее значение, — отмечается в ней, — приобретает гармоничное взаимодействие общества и природы, человека и окружающей среды. Социалистическое общество... осуществляет планомерное, бережное природопользование, занимает авангардные позиции в борьбе человечества за сохранение и умножение природных ресурсов планеты»³.

В решении экологических проблем огромную роль призвано сыграть экономическое образование и воспитание. В стране сложилась и продолжает совершенствоваться система государственных и общественных форм экологического образования и воспитания. В систему государственных форм включаются дошкольное и школьное образование, профессионально-техническое, специальное среднее и высшее образование, а также курсы повышения квалификации специалистов различных отраслей народного хозяйства и подготовка специалистов-экологов. Экологическое образование и воспитание осуществляется также через общества «Знание» и охраны природы, народные университеты и научно-технические общества, в системе партийного образования и комсомольской учебы, научных кружках и школьных лесничествах. Экологическое образование направлено на то, чтобы воспитать у каждого человека сознание, необходимое для формирования чувства личной ответственности за состояние окружающей среды, сохранение животного и растительного мира, строгое выполнение требований законодательства по сбережению и охране природных богатств.

¹ Горбачев М. С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза.— М., 1986.— С. 63.

² См.: Сельская газета.—1984, 20 января.

³ Программа Коммунистической партии Советского Союза. Новая редакция.— М., 1986.— С. 41.

ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ В СВЕТЕ РЕШЕНИЙ XXVII СЪЕЗДА КПСС

XXVII съезд КПСС поставил перед советской юридической наукой столько проблем, сколько, пожалуй, не ставил ни один съезд. Для ученых-юристов особенно методологически значимы сформулированные съездом положения о совершенствовании социализма, советской демократии, политической системы, государственного механизма, правовой основы в связи с ускорением социально-экономического развития страны на современном этапе.

На съезде отмечалось, что ускорение должно охватить все стороны жизни советского общества, оно предполагает дальнейшее совершенствование общественных отношений, углубление и развитие социалистической демократии, государственности, всей советской политической системы¹. Ученым-юристам в соответствии с этими положениями предстоит глубоко разработать прежде всего концепцию социалистического самоуправления народа путем выявления закономерностей развития и функционирования политической системы, ее каждого звена, форм их проявления, методов и пределов осуществления властных полномочий на основе строгого учета механизма действия объективных законов развития общества в конкретных исторических условиях, тщательного учета общности коренных интересов классов и общественных групп, их специфических интересов, изучения новых проявлений народной инициативы, социально-политического творчества масс в процессе выполнения решений съезда.

Сформулированное в новой редакции Программы КПСС положение о том, что общенародное государство «выступает главным орудием совершенствования социализма в нашей стране, а на международной арене осуществляет функции защиты социалистических завоеваний, упрочения позиций мирового социализма, противодействия агрессивной политике империалистических сил, развития мирного сотрудничества со всеми народами»² влечет необходимость глубокого познания закономерностей функционирования Советского государства в современных условиях, присущих ему функций, форм и методов их осуществления.

Сегодня необходимо по-новому решать проблемы о внутренних и внешних функциях социалистического общенародного государства, связывая их не столько со статичной его стороной (сущностью), сколько с динамичной (содержанием), исходя из проявляющейся тенденции их дифференциации в свете неотложных задач, вставших перед нашим обществом на современном этапе его развития. Назрел вопрос о рассмотрении в качестве самостоятельных функций государства таких важных направлений его деятельности, как планирование, финансирование, внедрение научно-технического прогресса, осуществление научной организации труда. Требуется более углубленное исследование функций охраны социалистической собственности, контроля за мерой труда и потребления, социального развития, охраны природы и рационального использования ее ресурсов. Исследование закономерностей развития и функционирования Советского государства создает условия для рационального совершенствования и самой его структуры, всего механизма в целом и особенно хозяйственного.

Исходя из объективно обусловленной тенденции дальнейшей демократизации общенародного государства, все более полного осуществления социалистического самоуправления народа на основе активного и действительного участия трудящихся, их коллективов и организаций в решении государственных дел, эффективного использования всех форм представительной и прямой демократии, сегодня нуждаются в разработке многие проблемы прикладного характера, предусматривающие прежде всего совершенствование деятельности местных Советов народных депутатов. В связи с тем, что местные Советы «могут и должны стать одним из наиболее эффективных звеньев мобилизации масс на ускорение социально-экономического развития страны»³, заслуживает более тщательного изучения практика применения правовых норм, регулирующих их координационную деятельность, разработка научных рекомендаций для дальнейшего повышения эффективности советской работы. Актуальными сегодня представляются также исследования проблемы совершенствования деятельности местных Советов народных депутатов по усилению социального равенства граждан.

Ученым-юристам следует больше проводить экспериментов в области

советского строительства. Такие эксперименты, как показывает опыт, обладают высокими познавательными возможностями, позволяют определить, в каком направлении должно быть обеспечено правовое регулирование тех или иных общественных отношений.

В связи с тем, что партия «будет неуклонно проводить линию на демократизацию управления, процесса выработки и принятия государственных решений, обеспечивающую выбор их оптимальных вариантов, учет и сопоставление различных мнений и предложений трудящихся»⁴, признает необходимость осуществления глубокой перестройки хозяйственного механизма, создания целостной, эффективной и гибкой системы управления, основанной на принципе демократического централизма, нуждается в специальных исследованиях комплекс вопросов, относящихся к теории управления, конкретизации ее принципов и особенно к разработке таких мер, гарантирующих проведение указанных требований в жизнь.

Ученые-юристы еще недостаточно уделяют внимания исследованию повышения эффективности права в ускорении научно-технического прогресса, в обеспечении интенсификации социалистической экономики на современном этапе.

«Наше законодательство — гражданское и трудовое, финансовое и административное, хозяйственное и уголовное, — отмечалось в Политическом докладе, — должно еще активнее помогать внедрению экономических методов управления, действенному контролю за мерой труда и потребления, проведению в жизнь принципов социальной справедливости»⁵.

Важно исследовать с правовых позиций компетенцию соответствующих звеньев агропромышленного, машиностроительного и других крупных народно-хозяйственных комплексов, а также групп взаимосвязанных и однородных отраслей. Ждет обстоятельного научного обоснования правовое обеспечение всех крупных программ, в частности, энергетической, машиностроительной, продовольственной, развития производства товаров народного потребления и сферы услуг.

Заслуживают внимания исследования, проводимые сегодня на стыке юридических, экономических и других наук. Здесь, по нашему мнению, открываются новые возможности для плодотворных исследований как теоретического, так и прикладного характера.

«Предметом постоянной заботы партии, — говорится в новой редакции Программы КПСС, — были и остаются **укрепление правовой основы государственной и общественной жизни**, неуклонное соблюдение социалистической законности и правопорядка, улучшение работы органов правосудия, прокурорского надзора, юстиции и внутренних дел»⁶. В этой связи необходима разработка теории правовой основы как категории и реального явления, глубокого познания механизма закономерностей правовой системы в целом и каждой отрасли законодательства в отдельности; исследования как положительных, так и отрицательных тенденций — всех наиболее важных факторов, подлежащих учету в процессе правотворчества, особенно при издании законов.

На заседании Политбюро ЦК КПСС, состоявшемся 20 марта 1986 года, намечено «уже в ближайшее время организовать подготовку проектов ряда правовых актов по вопросам выполнения установок съезда»⁷. Ученые-юристы считают участие в законопроектной работе важнейшим направлением своей научной деятельности, но пока еще мало уделяют внимания разработке научной концепции проектов того или иного нормативного акта.

Повышение эффективности и качества судебной деятельности по гражданским и уголовным делам всегда было одним из актуальных направлений советской юридической науки. В современных условиях, когда в центр работы всех партийных, советских и хозяйственных органов поставлена задача по изысканию и приведению в действие всех резервов повышения эффективности производства, исследования в этом направлении для ученых-юристов приобретают особую теоретическую и практическую значимость. Дальнейшее повышение эффективности деятельности судов сегодня уже не может быть обеспечено лишь мерами экстенсивного характера — за счет увеличения количества народных судов, судей и т. п. Здесь, очевидно, как и в народном хозяйстве, нужно смелее переходить к интенсивным методам работы. К сожалению, крупных научных исследований этой проблематики, добротных практических рекомендаций еще нет.

XXVII съезд КПСС поставил задачу «в ближайшее время закончить подготовку предусмотренного Конституцией закона о порядке обжалования

в суд неправомερных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан»⁸. Неотложной является и проблема дальнейшего укрепления социалистической законности во всех сферах жизни и деятельности нашего общества, в духе программных установок КПСС о необходимости обеспечить надежную охрану социалистической собственности, личного имущества, чести и достоинства граждан, вести решительную борьбу с преступностью, пьянством и алкоголизмом, предупреждать любые правонарушения и устранять порождающие их причины.

Юридическая наука прямо или косвенно причастна ко всем социально-значимым процессам, нуждающимся в государственно-правовом регулировании. В этом плане особенно важны действия компетентных координирующих органов по выработке и исследованию всего комплекса проблем, поставленных жизнью и ждущих своевременного их разрешения.

В свете современных требований ученым-юристам необходим новый качественный сдвиг в научных исследованиях. Важнейшая их задача состоит в том, чтобы наряду с разработкой теоретических проблем сконцентрировать свои усилия на решении ключевых народнохозяйственных задач.

К смелым, новаторским постановкам, к состоятельности в области науки, выработке ответственных выводов, предложений и рекомендаций призывают решения XXVII съезда КПСС. Долг каждого ученого-юриста — активно включиться в осуществление этих решений.

¹ См.: Горбачев М. С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза.— М., 1986.— С. 27, 69.

² Программа КПСС. Новая редакция.— М., 1986.— С. 45.

³ Горбачев М. С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза.— С. 71.

⁴ Программа КПСС.— С. 47.

⁵ Горбачев М. С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза.— С. 77.

⁶ Программа КПСС.— С. 48.

⁷ Правда.— 1986, 21 марта.

⁸ Горбачев М. С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза.— С. 78.

В. П. ОСМОЛОВСКИЙ

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ УКРЕПЛЕНИЕ СОВЕТОВ БЕЛОРУССИИ ВЕСНОЙ И ЛЕТОМ 1918 ГОДА

К весне 1918 года революционным творчеством трудящихся масс, руководимых большевистской партией, была в основном и главным создана новая государственность, новый тип государства. Это было Советское рабоче-крестьянское государство диктатуры пролетариата.

Мирная передышка, полученная в результате Брестского договора, позволила Советской Республике сосредоточить свои силы на главной задаче социалистической революции — задаче созидательной, что потребовало точной и согласованной работы всего государственного аппарата, его дальнейшего укрепления. Прежде всего это относилось к Советам. Дело в том, что к весне 1918 года организационный период в строительстве Советов еще не завершился. Выступая 18 апреля на заседании ВЦИК, В. И. Ленин говорил, что многие Советы недостаточно организованы, не всегда могут проводить в жизнь решения центральных властей¹.

Это в полной мере относилось и к Советам Белоруссии, которые еще сохраняли значительный разноряд в структуре и организации аппаратов. Так, в одних уездах (Оршанский) имелись исполкомы, избираемые на съездах Советов, в других (Городокский) — советы Советов из представителей местных Советов. В одних Советах были исполкомы (Лепельский), в других — только президиумы (Климовичский). В некоторых исполкомах были организованы отделы или комиссариаты, секции или комиссии. Число отделов в уездных Советах Белоруссии колебалось от 3—4 до 15—20. Существовали учреждения, выполнявшие одну и ту же работу, что вызывало несогласованность и параллелизм в работе. Добиваясь единообразия и стройности в организационной структуре Советов, большевики Белоруссии провели огромную работу по изучению и обобщению опыта местных Советов, что нашло отражение в решениях 2-го съезда Советов Западной области². Господствующей на съезде была фракция большевиков (из 429 делегатов было 277 коммунистов, 69 эсеров всех течений, 9 меньшевиков, 66 беспартийных и 8 от прочих партий)³. Поэтому съезд по всем вопросам, и прежде всего по вопросам укрепления органов государственной власти, принял большевистские решения. 13 апреля съезд принял постановление об организации Советской власти в Западной области. В нем говорилось, что Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов являются единым государственным аппаратом, единой руководящей властью как в центре, так и на местах. В этом документе определялась структура Советов от областного до сельских и волостных. Постановление, а также принятое съездом обращение «К трудящимся Западной области» утверждали принцип демократического централизма как единственную основу строительства органов Советской власти. Съезд принял решение упразднить в пределах области всякие комиссариаты и всякие совнаркомы и создать при всех Советах, как в областном масштабе, так и на местах, отделы. Эти решения съезда имели большое значение для усиления борьбы с сепаратизмом и местничеством, позволили большевикам Белоруссии унифицировать опыт масс в советском строительстве. Начиная с апреля 1918 года этот процесс в Белоруссии обретает все более система-

тизированный характер. Как отмечалось в решениях IV Северо-Западной областной конференции РКП(б), состоявшейся в начале июня 1918 года, в строительстве советского государственного аппарата начался новый этап, характеризующийся планомерностью и согласованностью всех его звеньев⁴.

К лету 1918 года во многих Советах Белоруссии сложилось относительное единообразие в структуре исполкомов и численности членов. Этому способствовали также инструкции и рекомендации Наркомата внутренних дел, непосредственно руководившего процессами советского строительства в масштабах страны. Инструкторы Наркомвнудела выезжали в губернии, уезды и волости Белоруссии, где они проводили инструктаж членов Советов, участвовали в работе губернских, уездных съездов Советов, оказывали помощь в организации выборов. Очень эффективной массовой школой для работников Советов были съезды председателей исполкомов и заведующих отделами. Решения съездов имели характер рекомендаций и проводились в жизнь после утверждения соответствующими исполкомами.

Организационное укрепление Советов Белоруссии как органов диктатуры пролетариата шло одновременно на всех уровнях, сверху донизу. Процессу создания и организационного оформления новых органов сопутствовал и революционный, творческий подъем масс, который в определенной степени обуславливал и разнообразие организационных форм советского строительства. Это разнообразие объяснялось и конкретной обстановкой в тех или иных уездах Белоруссии, в которой создавались и действовали Советы. Однако общее направление этого процесса было верным и в основном совпадало с общероссийским. Это совпадение обуславливалось общностью классовых интересов трудящихся, общей целью создания и упрочения власти Советов. Из всего многообразия форм и методов, выдвинутых массами в ходе организации Советской власти, надо было отобрать и узаконить то, что отвечало интересам диктатуры пролетариата, создать единообразный советский аппарат на местах. Поэтому исключительно большое значение для укрепления советского государственного аппарата имело принятие V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 года Советской Конституции.

Принятие и введение в действие первой Советской Конституции открыло новый период в советском строительстве. Оценивая Конституцию, В. И. Ленин выразил уверенность, что теперь, когда она «выявила отношение волостной власти к уездной, уездной к губернской и этой последней к центру... начнется в государственном нашем строительстве более легкий период»⁵.

На местах развернулась перестройка системы советских государственных органов в соответствии с формами, зафиксированными Конституцией, что должно было придать госаппарату структурное единообразие, а деятельности его — стройность, согласованность и деловитость. Проведение этих важнейших мероприятий в Белоруссии натолкнулось на многочисленные трудности, заключавшиеся в живучести сепаратистских настроений, отсутствии средств, нехватке подготовленных кадров для аппарата управления. Поэтому реорганизация белорусских советских органов растянулась на несколько месяцев, охватив в основном август — ноябрь 1918 года. Строительство Советов Белоруссии, определение их структуры и функций проходило в обстановке ожесточенной борьбы с мелкобуржуазными партиями. По сравнению с дореволюционным периодом блок правых эсеров и меньшевиков весной 1918 года имел в Советах Белоруссии ничтожное количество своих представителей. На губернских и уездных съездах Советов рабочие и крестьяне выбирали в свои органы власти, как правило, большевиков и частично левых эсеров, в то время не выступавших еще открыто против революции. Сознывая свое полное политическое бессилие, правые эсеры и меньшевики наконец сбросили с себя «социалистическую» маску и вместе с внутренней и внешней контрреволюцией открыто выступили против Советской власти. В конце марта 1918 года В. И. Ленин писал, что «...и меньшевики и правые эсеры ведут себя у нас, как наиболее подвижные, иногда даже как наиболее наглые, деятели контрреволюции, ведя против Советской власти борьбу гораздо более резко, чем они позволяли себе вести ее против реакционных и помещичьих правительств, и полагаясь на защиту ярлыком или названием своей партии»⁶.

В тех Советах, где еще оставались меньшевики и правые эсеры, их не допускали на заседания, выносили постановления о лишении полномочий. Так, в апреле 1918 года Витебский исполком городского Совета при-

нял решение исключить из состава исполкома представителей всех партий, не стоящих на платформе Советской власти⁷. Процесс вытеснения меньшевиков и правых эсеров из Советов шел с первых дней Октября до лета 1918 года. 14 июня 1918 года ВЦИК, рассмотрев материалы о контрреволюционной деятельности меньшевиков, правых эсеров и эсеров центра, постановил исключить их из своего состава и предложил всем Советам удалить из своей среды представителей их фракций.

Если на областных и губернских съездах Советов Белоруссии в первой половине 1918 года меньшевики, правые эсеры и эсеры центра имели соответственно 1,4 и 0,4 % состава съездов, то во второй половине 1918 года их представителей на этих съездах вообще не было. Что касается уездных съездов, то на них весной 1918 года меньшевики имели всего лишь 0,8 % делегатов, а правые эсеры и эсеры центра не были представлены совсем. Таким образом, правые эсеры и меньшевики потеряли доверие масс и как партии умирали своей естественной смертью еще до исключения их из Советов на основании постановления ВЦИК от 14 июля 1918 года.

Важное значение для упрочения Советской власти имела гибкая тактика большевиков Белоруссии по отношению к партии левых эсеров. До тех пор, пока в деревне решались задачи буржуазно-демократической революции, левые эсеры были за Советскую власть. В этот период партия большевиков была в блоке с ними, поскольку они вели за собой значительную часть крестьянства. Особое значение этот блок имел для белорусских губерний, где отсутствие сотрудничества большевиков с левыми эсерами замедлило бы процесс установления и укрепления Советской власти.

Если до весны 1918 года левые эсеры в какой-то степени выражали интересы трудящегося крестьянства, то после заключения Брестского мира и особенно в период углубления аграрных преобразований стали открыто защищать кулачество. Все это в итоге привело к разрыву соглашения с большевиками.

Сразу же после получения известий о провале левоэсеровского мятежа в Москве Советы Белоруссии решительно осудили это предательское выступление. На всей неоккупированной территории Белоруссии началось массовое изгнание левых эсеров из Советов, которое закончилось в основном в сентябре 1918 года. В это время в уездных исполкомах большевики составляли 85, а левые эсеры — 12 %. В Советах остались лишь те представители левых эсеров, которые поддерживали политику Советского правительства.

Усиление большевистского ядра Советов Белоруссии, удаление из них левых эсеров имело огромное значение: это был удар по всей контрреволюции и, в частности, по кулачеству, которое лишилось своего идейного руководителя. Изгнание левых эсеров и прочих антисоветских элементов из губернских и уездных исполкомов еще выше подняло авторитет большевистской партии у трудящихся.

Так, число делегатов коммунистов на губернских съездах Советов во второй половине 1918 года увеличилось с 70,7 до 92,4 %, а на уездных — с 37,8 до 80,6 %⁸. К осени 1918 года губернские и уездные Советы Белоруссии по своему партийному составу стали почти полностью большевистскими. Беспартийные депутаты Советов в основном поддерживали большевиков. Все это позволило выработать стройную систему органов государственной власти в форме Советов, организационно и политически укрепить их, тем самым создав необходимые условия для победы в годы гражданской войны.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 36.— С. 226.

² В мае 1917 года была образована Западная область, в которую вошли Минская, Виленская и Могилевская губернии. После оккупации немецкими интервентами значительной части Белоруссии в состав области, кроме неоккупированных 15 уездов Витебской и Могилевской губерний, вошла и Смоленская губерния.

³ См.: 2-й съезд Советов Западной области.— Смоленск, 1918.— С. 3.

⁴ См.: Правда.—1918, 15 июня.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 37.— С. 21, 22.

⁶ Там же.— Т. 36.— С. 129.

⁷ См.: Правда.—1918, 23 апреля.

⁸ Подсчитано на основе данных архивных документов и периодической печати.

РАЗВИТИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ СВЯЗИ РАБОЧЕГО КЛАССА БССР С КРАСНОЙ АРМИЕЙ В ДОВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Переход к мирному социалистическому строительству после окончания интервенции и гражданской войны в условиях небывалой разрухи и враждебного капиталистического окружения вызвал необходимость проведения военной реформы 1924—1925 годов. Важнейшим ее элементом явилось окончательное оформление и укрепление смешанной кадрово-территориальной системы комплектования и боевой учебы Красной Армии. В Белоруссии на положение территориальных соединений были переведены 2-я Белорусская, а затем 33-я и 29-я стрелковые дивизии и несколько полков 27-й Омской и 37-й дивизий.

Новая система открывала широкие возможности для укрепления связи рабочего класса с армией. Неслучайно реформу активно поддержали трудящиеся. В республике участились массовые кампании в помощь воинским частям, развивалось шефство предприятий над ними, активизировали работу общественные оборонные организации.

Внимание рабочего класса СССР, в том числе и БССР, было обращено в первую очередь на пополнение, обучение и воспитание личного состава армии. Удельный вес рабочих в ней, снизившийся в начале восстановительного периода, постепенно возрастал. Если в 1928 году среди красноармейцев Белорусского военного округа они составляли 14,9, то в 1934—39 %¹. Много выходцев из рабочих было среди командных кадров, они являлись костяком армейских партийных организаций.

В войсках красноармейцы, бывшие рабочие, выступали, как правило, инициаторами социалистического соревнования. Вот один из примеров. Прибывшие в 1930 году на службу в Н-ский стрелковый полк Шилов, а вслед за ним Тяпкин и Едигарьев заявили, что переносят ударные темпы работы в казарму. На доске объявлений появились их обязательства в сжатые сроки тщательно изучить винтовку и станковый пулемет «Максим», старательно соблюдать Устав РККА, оказывать помощь товарищам. Скоро в это соревнование, которое получило название «штурма боевой подготовки», включилось большинство красноармейцев полка².

Между коллективами предприятий и воинскими частями заключались договоры о социалистическом соревновании за успешное выполнение промфинпланов и задач боевой учебы, а также об участии в таких хозяйственно-политических кампаниях, как укрепление режима экономии, подписка на заем, сельскохозяйственные работы. В 1930—1932 годах такие договора заключили минский завод «Коммунар» с эскадрон 3-го кавалерийского корпуса, кожзавод «Большевик» с одним из полков 7-й Самарской дивизии, обувная фабрика с 37-м конным артиллерийским дивизионом. Соревнующиеся предприятия и воинские части периодически проверяли ход выполнения обязательств и брали на «буксир» отстающих. Артиллеристы, например, помогли рабочим фабрики своевременно выпустить 17 тыс. пар обуви³.

Минский завод «Большевик» и другие предприятия учредили красные знамена для награждения частей, добившихся наилучших результатов в боевой и политической подготовке. Благодаря развитию в армии движения ударников боевой и политической подготовки 2-я Белорусская дивизия, установившая прочные связи с рабочими минских предприятий, по итогам службы за 1933 год вышла в ряд лучших национальных формирований РККА⁴.

Одной из действенных форм укрепления связи рабочих с воинами стали в это время «недели» и «декады» обороны. Они зародились еще в годы гражданской войны и тогда использовались в наиболее острые моменты борьбы, когда возникала необходимость в быстрой и эффективной мобилизации трудящихся на отпор врагу, а в мирное время — в связи с осложнением международной обстановки или подготовкой к юбилеям Красной Армии. Так, в «неделю» обороны с 10 по 17 июня 1927 года, поводом для проведения которой послужил разрыв Англией дипломатических отношений с СССР, рабочие республики собрали в фонд «Наш ответ Чемберлену» 45,5 тыс. руб. Не менее важным явилось идейное сплочение масс в ходе патриотических кампаний. На Витебской окружной партийной конференции отмечалось, что за время проведения «недели» обороны произошло

«значительное укрепление связи между рабочими и частями Красной Армии», «Красная Армия и рабочий класс живут одними интересами»⁵. К 10-й годовщине окончания гражданской войны была приурочена «декада» обороны, которая проводилась с 15 по 25 ноября 1930 года. Коллективы ряда предприятий в этот период заметно активизировали оборонно-массовую работу. На заводах и фабриках Витебска было организовано 10 производственных бригад имени «Декады обороны», создано 26 ячеек ОСОАВИАХИМа, в ряды которого вступило три тысячи новых членов. В счет «декады» профсоюз строителей Минска провел 76 субботников, коллектив гомельского завода имени Ланццукго объявил свое предприятие «крепостью обороны»⁶. Собранные осоавиахимовскими организациями деньги были перечислены на изготовление шести военных самолетов. В республике развернулась кампания по сбору средств на постройку эскадры дирижаблей имени В. И. Ленина.

«Недели» и «декады» способствовали дальнейшему совершенствованию шефской работы фабрично-заводских коллективов над воинскими частями. Истоки традиции этого шефства восходят к 1923 году, когда Совет профессиональных союзов Белоруссии стал оказывать регулярную помощь 7-й кавалерийской дивизии. На одном из его заседаний отмечалось, что союз печатников регулярно снабжает красноармейцев газетами, союз деревообделочников оборудовал для них красный уголок, союз металлистов изготовил несколько спортивных снарядов и передал их своим подшефным⁷. Со второй половины 20-х годов шефство стало массовым. XIII съезд КП(б)Б (май—июнь 1930 года) констатировал: «...Сейчас нет почти ни одного завода и ни одной фабрики, которые не содружествовали бы с Красной Армией»⁸.

Вначале внимание шефов сводилось главным образом к оказанию материальной помощи воинским частям (ремонт и строительство казарм, создание и оборудование красноармейских клубов, комплектование библиотек), затем оно переклочилось на проведение политико-воспитательных и культурно-массовых мероприятий (лекции, экскурсии, киносеансы, вечера художественной самодеятельности), что способствовало росту идейно-политического и общеобразовательного уровня красноармейцев.

Немаловажное значение имела деятельность шефов-рабочих по подготовке для армии достойного пополнения. Так, в июне 1931 года по призыву ЦК ЛКСМБ состоялся Всебелорусский поход за подготовку грамотных призывников, во время которого многие заводы и фабрики создали военно-учебные пункты. В 1934 году в республике успешно прошел конкурс на лучшего призывника.

В середине 30-х годов шефские связи предприятий были организационно упорядочены: устранялось такое положение, когда об одной и той же части заботилось одновременно несколько коллективов. Шефами утверждались наиболее крупные предприятия республики. Среди них витебская фабрика «Знамя индустриализации», «Гомсельмаш», минские машиностроительные заводы имени Кирова, имени Ворошилова, швейная фабрика «Октябрь», Оршанский льнокомбинат и другие.

В течение продолжительного времени, начиная с 1924 года, комсомол республики оказывал разностороннюю шефскую помощь команде линкора «Парижская Коммуна», входившего в состав Черноморского, а затем Балтийского военного флота. 18 марта 1931 года прибывшая на корабль делегация ЦК ЛКСМБ, состоявшая наполовину из представителей рабочей молодежи, вручила морякам подарки и 5,5 тыс. руб.⁹ В канун 16-й годовщины Октябрьской революции, по постановлению ЦИК и СНК БССР, на оборудование корабля и премирование победителей социалистического соревнования было выделено три вагона лесоматериалов и 30 тыс. руб.¹⁰ Молодые рабочие всегда были в активе комсомола республики в его шефстве также над частями воздушного флота и пограничных войск, над Объединенной белорусской военной школой.

Развивая шефские связи, рабочий класс БССР заботился об укреплении осоавиахимовских организаций, которые в 30-е годы вели большую оборонно-массовую работу среди населения. Производственные ячейки ОСОАВИАХИМа, включавшие 1/3 членов республиканского общества, были его основой. Они развернули массовое соревнование за овладение военными специальностями. Осоавиахимовцы-рабочие показывали пример другим в военной учебе. В кружках военных знаний занимался каждый второй из них, в то время как в целом по обществу — каждый четвертый — шестой¹¹.

По их инициативе создавались осоавиахимовские отряды, учебно-строевые команды пулеметчиков, саперов, связистов, формировались санитарные посты и дружины. Главным образом через них распространялись билеты лотерей оборонных обществ, производились различные сборы средств на нужды обороны. Молодые рабочие составляли и основную часть осоавиахимовских подразделений, которые участвовали в маневрах.

Первичные ячейки ОСОАВИАХИМа были инициаторами движения рабочих за превращение предприятий в «крепости обороны» т. е. за 100 %ное вовлечение членов коллектива в оборонные общества, массовую военную учебу, активную военно-шефскую работу в помощь Красной Армии и колхозам, в соревнование за перевыполнение производственных планов. Уже в 1931 году ячейка при витебском заводе «Красный металлист», объединявшая коллективы пяти предприятий, в том числе завода «Коминтерн», рапортовала в вышестоящие инстанции, что она охватила своей работой 80 % рабочих, ликвидировала их «химическую» неграмотность, осуществляет шефство над Витебской школой гражданских летчиков, участвует в проведении сельскохозяйственных работ и дорожном строительстве. В июле 1932 года ударники модельного цеха минского завода имени Ворошилова призвали всех рабочих республики начать массовое движение за превращение предприятий в «крепости обороны». Уже в августе только в Минске в это движение включилось 20 заводов и фабрик¹².

Плодотворно вела военно-патриотическую работу ячейка минского завода имени Мясникова, в состав которой входило 622 рабочих. За 1934 год она подготовила мастера стрелкового спорта, 20 инструкторов по стрельбе, 61 «Ворошиловского стрелка», обучила ПВО 80 человек и плавному искусству — 25. Благодаря ее усилиям каждый второй допризывник завода сдал нормы комплексов «Ворошиловский стрелок» и ГТО, а 74 молодых рабочих — военно-технический экзамен¹³.

Массовое движение за овладение военными знаниями стимулировали постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР, а также ЦК КП(б) об усилении осоавиахимовской работы, принятые в августе — ноябре 1935 года¹⁴. В ходе выполнения этих постановлений заметно оживилась работа аэроклубов, а Гомельский аэроклуб на Всесоюзных осоавиахимовских соревнованиях занял четвертое место. На предприятиях республики появились школы снайперов, клубы ПВХО, пулеметно-зенитные и танковые. 9 октября 1936 года газета «Рабочий» писала, что с ощущением ветра войны «как-то даже не приходится агитировать за посещение занятий военных кружков». Получила распространение сдача норм на значок ГСО, популярными стали летние военизированные лагеря. Вся страна приветствовала воспитанников минской фабрики «Октябрь» А. Кисель, Б. Сверщук, Тимофееву, Жук и других, совершивших в противоипритных костюмах и противогазах переход по маршруту Минск — Москва, а затем Минск — Киев, и удостоенных высоких наград Родины¹⁵.

Рабочие Белорусской ССР всемерно укрепляли единство армии и народа — один из главных источников победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. Традиции этого единения получили развитие в последующие годы. В новой редакции Программы КПСС подчеркивается, что «важной задачей идейно-воспитательной работы остается военно-патриотическое воспитание, формирование готовности защитить социалистическую Отчизну, отдать ей все свои силы, а если потребуется, и жизнь»¹⁶. В свете этого требования опыт оборонно-массовой работы, накопленный рабочим классом, имеет немаловажное значение для современности.

¹ См.: Краснознаменный Белорусский военный округ. — Минск, 1973. — С. 101, 123.

² См.: Бейлин Е. Е. Сацыялістычнае спаборніцтва ў РСЧА. — Минск, 1938. — С. 27.

³ См.: Красноармейская правда. — 1930, 1 октября.

⁴ ПА ИИП при ЦК КПБ. — Ф. 4, оп. 2, д. 111, л. 281.

⁵ Там же. — Ф. 330, оп. 1, д. 221, л. 7.

⁶ ЦГАОР БССР. — Ф. 263, оп. 4, д. 32, л. 3—4; ф. 265, оп. 1, д. 2588, л. 36.

⁷ Там же. — Ф. 265, оп. 1, д. 1038, л. 269.

⁸ ПА ИИП при ЦК КПБ. — Ф. 4, оп. 2, д. 70, л. 284.

⁹ См.: Чырвоная змена. — 1931, 15 сакавіка.

¹⁰ См.: Лінкор «Парыжская Камуна». — Минск, 1935. — С. 5.

¹¹ ЦГАОР БССР. — Ф. 263, оп. 4, д. 8, лл. 7—77 (подсчитано автором).

¹² См.: Красноармейская правда. — 1932, 22 августа.

¹³ См.: Школа мужества и патриотизма: Краткий очерк истории организации ДОСААФ БССР. — Минск, 1976. — С. 66.

¹⁴ См.: Советская Белоруссия.—1935, 4 ноября.

¹⁵ См.: Химия и оборона.—1938.—№ 3.—С. 3.

¹⁶ Программа КПСС. Новая редакция.—М., 1986.—С. 54.

А. Н. БАДУЛИН

АВАНГАРДНАЯ РОЛЬ ПАРТИЙНОГО ПОДПОЛЬЯ ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В ОРГАНИЗАЦИИ БОРЬБЫ ПРОТИВ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С самого начала Великой Отечественной войны, еще до вступления гитлеровцев на территорию Гомельской области, партийная организация развернула планомерную работу по созданию партийного подполья и формированию партизанских отрядов.

Значительную помощь обкому партии в этом оказал ЦК КП(б)Б. 10 июля 1941 года ЦК КП(б)Б созвал в г. Кричеве совещание секретарей райкомов партии Гомельской области, а 18 июля бюро ЦК обсудило отчет Гомельского ОК КП(б)Б об организации партийного подполья и партизанских отрядов в области. 28 июля прошло второе совещание секретарей райкомов партии области, на котором рассматривался ход выполнения постановления ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск»¹.

Руководствуясь директивами ЦК КП(б)Б о создании невыносимых условий для врага на временно оккупированной территории, обком партии заблаговременно создавал и переводил на нелегальное положение партийные органы и организации, формировал партизанские группы. В каждом районе области было создано 4—5 подпольных организаций. Так, например, Чечерским райкомом партии было образовано 5 подпольных партийных организаций и 4 партизанские группы². К 10 августа 1941 года областным и районным комитетами партии было создано 64 подпольные партийные организации, включавшие в свои ряды 226 коммунистов³.

Гомельский подпольный ОК КП(б)Б охватывал партийно-политическим влиянием всю территорию области и направлял деятельность Гомельского подпольного горкома партии, Жлобинского подпольного межрайкома, 13 подпольных райкомов партии, которые объединяли 84 первичные подпольные организации, 893 коммуниста и 795 кандидатов в члены партии. В тылу противника, выполняя директивы ЦК КП(б)Б, остались на нелегальном положении секретари ОК КП(б)Б И. П. Кожар, А. А. Куцак, секретари горкома партии Е. И. Барькин, С. Ф. Антонов, секретарь ОК ЛКСМБ А. Д. Рудак, секретари райкомов А. М. Болховитин, В. В. Юдин, Е. И. Рамбаев — почти весь состав областного и городского комитета партии. К концу июля 1941 года все РК КП(б)Б области перешли на нелегальное положение, а к середине августа 1941 года во всех районах были сформированы руководящие подпольные партийные органы — тройки. Однако не все райкомы партии смогли успешно развернуть свою деятельность⁴.

С первых дней в невероятно сложных условиях жестокого произвола и насилия оккупантов районные комитеты партии повели активную организационно-политическую работу по мобилизации всех сил и средств на борьбу с врагом. Уже в сентябре—октябре 1941 года Рогачевский подпольный РК КП(б)Б рассматривал следующие вопросы: о мероприятиях по расширению связей с населением; о работе по учету и организации всех оставшихся на временно оккупированной территории коммунистов; распределение коммунистов по зонам района для создания и налаживания подпольной партийной сети; установление связей с советским и комсомольским активом⁵.

В трудной, полной ежедневной опасности работе подпольные партийные комитеты опирались на первичные партийные организации, через которые партия имела возможность поддерживать постоянную связь с населением, влиять на него, выбирать наиболее правильные формы и методы борьбы против захватчиков. Создавались первичные партийные организации в партизанских отрядах. Уже в августе 1941 года была создана партийная организация в партизанском отряде «Большевик». В ней насчитывалось более 30 членов и кандидатов в члены ВКП(б)⁶. Подпольные партийные органы — обком, горком, райкомы партии — действовали тоже на

базе партизанских отрядов. Как правило, секретарь подпольного РК КП(б)Б был комиссаром отряда и руководил всей партийной работой. Такое совмещение позволяло лучше сочетать партийное руководство с военно-организаторской деятельностью.

Коммунисты Гомельской областной партийной организации своим личным примером действовали как организующая и направляющая сила. В проведении первых боевых операций в сентябре 1941 года на шоссе Гомель—Чернигов участвовали секретари подпольных объёма партии А. А. Куцак, райкома партии—В. В. Юдин, коммунист Г. И. Климович и др. На 14-м километре они вместе с группой партизан, устроив засаду, сожгли 3 автомашины и уничтожили свыше 70 солдат и офицеров противника. Инициаторами диверсионной работы на железных дорогах противника также выступили коммунисты. Первую диверсионную группу возглавил секретарь подпольного горкома партии Е. И. Барыкин. 12 июня 1942 года на железной дороге Гомель—Чернигов, недалеко от станции Терюха, был подорван эшелон с живой силой и техникой врага. В проведении диверсий на железных дорогах противника участвовали секретари подпольного ОК КП(б)Б И. П. Кожар, А. А. Куцак, секретарь подпольного ГК КП(б)Б С. Ф. Антонов и многие другие ⁷.

Партийные организации заботились об установлении и поддержании сознательной строгой дисциплины среди бойцов партизанских формирований, требовали быстрого и точного выполнения распоряжений командиров и комиссаров.

В отряды часто вступали люди без военной подготовки. Надо было научить их владеть оружием, ознакомить с партизанской тактикой, воспитать из них отважных, умелых, морально стойких бойцов. Этому способствовали политзанятия. Так, в Гомельском партизанском соединении на политзанятиях изучались следующие темы: «Немецкий фашизм—злейший враг трудящихся», «О всенародном партизанском движении в тылу врага», «Дисциплина в отряде», «Политико-моральный облик партизана». Партийные комитеты давали рекомендации, как лучше раскрыть тему, какие вопросы выделить. Например, в разделе «Немецкий фашизм—злейший враг трудящихся» рекомендовалось раскрыть следующие вопросы: программа гитлеровского фашизма в закабаленных странах; Гитлер и Европа; зверства фашистов в нашей стране; издевательства над пленными. Перед началом политзанятий ежедневно проводились политинформации ⁸.

Партийные организации вникали во все сферы жизни партизанского отряда. За январь—март 1944 года, например, в партийных организациях 257-го партизанского отряда было проведено 7 партийных собраний, на которых рассматривались следующие вопросы: прием в члены ВКП(б) и постановка на партийный учет; боевая деятельность отряда; политико-массовая работа в отряде; комсомольская работа; хозяйственные вопросы; выполнение приказов и ведущая роль коммунистов; роль боевых листов в жизни отряда и т. д. За время пребывания в тылу врага партийная организация партизанского отряда «Большевик» провела 13 общих партийных собраний, на которых рассмотрено 35 различных вопросов боевого, политического и организационного содержания ⁹.

На основе обобщения боевого опыта партийные организации пропагандировали наиболее эффективные способы борьбы с врагом. По инициативе партийной организации партизанской бригады им. П. К. Пономаренко между старшими подрывных групп, партизанами А. К. Примаком и И. С. Ткаченко, 2 февраля 1943 года был заключен договор о социалистическом соревновании за досрочное выполнение заданий по подрыву эшелонов врага. В партизанском отряде «Смерть фашизму» было организовано соревнование между подразделениями на лучшую постановку боевой и политической работы. Лучшему подразделению вручалось переходящее Красное Знамя ¹⁰.

Коммунисты олицетворяли собой несгибаемую волю партии, ее решимость разгромить фашистских захватчиков. Сотни партизан стремились связать свою судьбу с партией. Однако, хотя партийное подполье в области действовало с первых дней оккупации, систематическую работу по приему в партию партийные организации области смогли развернуть с весны 1943 года. Объяснялось это прежде всего тем, что массовое пополнение партизанских отрядов начинается с весны 1942 года, а, согласно требованиям Устава партии, чтобы дать партийную рекомендацию, бойца в партизанском отряде должны знать не менее года. О том, насколько важное

значение придавалось укреплению партизанских сил партийными кадрами, свидетельствует следующее. Журавичский подпольный РК КП(б)Б был создан 8 марта 1943 года и завершил свою работу в условиях подполья 2 октября того же года. Из 21 заседания подпольного райкома, проведенного за это время, вопрос о приеме в ряды партии рассматривался на 20. Всего за время деятельности Журавичского подпольного РК КП(б)Б из партизан было принято в члены ВКП(б) — 26, кандидатами в члены ВКП(б) — 36 чел.¹¹

В ряды коммунистов принимались те, кто своими боевыми делами доказал верность Родине, партии, проявил умение бить ненавистного врага. Так, в октябре 1943 года на заседании Гомельского подпольного ОК КП(б)Б в партию были приняты лучшие партизаны-подрыльники соединения Ф. Ф. Кечко и Ф. П. Котченко. На счету каждого из них было более десяти подорванных эшелонов врага¹².

В постановлении ЦК КПСС «О 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов» говорится: «Вдохновителем и организатором Победы советского народа явилась ленинская Коммунистическая партия. По ее призыву вся страна поднялась на смертельный бой с фашизмом. Коммунистическая партия была подлинно сражающейся партией. Коммунисты находились на самых трудных и решающих участках борьбы с врагом»¹³. В чрезвычайных обстоятельствах работы на оккупированной территории Гомельская областная партийная организация сумела организовать и наладить работу партийного подполья так, что оно стало руководящей и организующей силой во всенародной борьбе против врага.

¹ ПА ИИП при ЦК КПБ.— Ф. 4, оп. 33а, д. 4, л. 26—28; Тозик А. А. В дни суровых испытаний: Укрепление рядов КП(б)Б в условиях подполья в годы Великой Отечественной войны (1941—1944).— Минск, 1985.— С. 25.

² ПА ИИП при ЦК КПБ.— Ф. 3922, оп. 1, д. 2, л. 1; Ф. 4, оп. 33а, д. 184, л. 4.

³ Там же.— Ф. 4, оп. 3, д. 1227, л. 175—176; оп. 33а, д. 248, л. 21 об.

⁴ См.: Подпольные партийные органы Компартии Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941—1944).— Минск, 1975.— С. 127, 129.

⁵ ПА ИИП при ЦК КПБ.— Ф. 3919, оп. 1, д. 4, л. 9—10, 35.

⁶ См.: Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941—июль 1944): Документы и материалы в 3 т. (далее: Всенародное партизанское движение в Белоруссии).— Минск, 1978.— Т. 2.— Кн. 2.— С. 144, 152—154.

⁷ ПА ИИП при ЦК КПБ.— Ф. 4, оп. 33а, д. 68, л. 65; д. 184, л. 40; Ф. 3940, оп. 1, д. 13, л. 3.

⁸ Там же.— Ф. 3947, оп. 1, д. 4, л. 10—11.

⁹ Там же.— Ф. 3919, оп. 1, д. 3, л. 34—34 об; Всенародное партизанское движение в Белоруссии.— Т. 2.— Кн. 2.— С. 144.

¹⁰ ПА ИИП при ЦК КПБ.— Ф. 3940, оп. 1, д. 11, л. 22 об; Ф. 3948, оп. 1, д. 1, л. 62.

¹¹ Там же.— Ф. 3916, оп. 1, д. 1, л. 1—31 об; Ф. 3946, оп. 1, д. 3, л. 39а; Ф. 3500, оп. 4, д. 201, л. 60.

¹² Там же.— Ф. 3914, оп. 1, д. 1, л. 25—27 об., 30.

¹³ Правда.—1984, 17 июня.

А. В. ДМИТРИЧЕНКО

ПАРТИЙНОЕ РУКОВОДСТВО СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ СОРЕВНОВАНИЕМ МЕЖДУ КОЛЛЕКТИВАМИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ БЕЛОРУССИИ И ЛИТВЫ (1971—1980)

Руководствуясь решениями XXIV съезда, постановлениями ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении организации социалистического соревнования» и «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик»¹, ЦК КП Белоруссии обязал республиканские партийные комитеты, советские, хозяйственные, профсоюзные и комсомольские органы развивать разнообразные плодотворные контакты с коллективами предприятий других братских республик, которые цементируют неразрывную дружбу народов, обеспечивают интернационализм в действии². Межреспубликанское экономическое сотрудничество — это не только борьба за высокие производственные показатели, но и обмен передовым опытом и взаимопомощь соревнующихся предприятий.

Задачи развития соревнования промышленных предприятий Белоруссии и Литвы рассматривались на пленумах и бюро ЦК, пленумах и активах обкомов, горкомов и райкомов КПБ, в первичных партийных организациях соревнующихся предприятий.

Собрание партийно-хозяйственного актива Минской области 2 ноября 1971 года, рассмотрев вопрос о ходе соревнования между Минским и Каунасским радиозаводами, отметило, что подведение итогов соревнования, обмен между заводами опытом и делегациями различных категорий работников способствовали внедрению в производство передовых методов труда, прогрессивных технологий, новейшего оборудования³. Например, слесарь Минского радиозавода Г. Желток так усовершенствовал специальный автоматический станок, что увеличилась не только его производительность, но и качество изготавливаемых деталей. Модернизированный станок был передан Каунасскому радиозаводу. Кроме этого, литовским производственникам был передан комплект технической документации на 10 различных установок, полуавтоматов и пневматических прессов.

Партком Минского станкостроительного завода им. Кирова, рассмотрев вопрос об экономическом сотрудничестве с коллективом Вильнюсского станкостроительного завода «Жальгирис», принял решение о совершенствовании и развитии социалистического соревнования с этим предприятием, о необходимости активно использовать опыт литовских станкостроителей. Придавая большое внимание гласности соревнования, партком завода им. Кирова поручил профсоюзному комитету организовать освещение хода социалистического соревнования с заводом «Жальгирис», активно используя для этого наглядную агитацию, стенную печать, заводской радиоузел.

С каждым годом сотрудничество родственных предприятий соседних республик совершенствовалось и расширялось. Коллективы обменивались производственным опытом, делегациями, в состав которых входили рабочие, инженеры, партийные и комсомольские работники. Заключались договоры между рабочими ведущих профессий. Так, например, шлифовальщик В. Копач и токарь К. Барашкевичус с «Жальгириса» соревновались с коллегами завода им. Кирова А. Макейчиком и И. Лагуновским. Они регулярно встречались в Минске и Вильнюсе, подводили итоги трудового соперничества. Соревнование рабочих ведущих профессий завода им. Кирова с литовскими коллегами способствовало расширению внутривзаводского социалистического соревнования.

В постановлении ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «О развертывании Всесоюзного социалистического соревнования работников промышленности, строительства и транспорта за досрочное выполнение народнохозяйственного плана 1973 года» подчеркивалась целесообразность организации социалистического соревнования отраслей, областей, краев и республик⁴.

ЦК КП Белоруссии, обобщив опыт организации соревнования и сотрудничества с коллективами трудящихся Литовской ССР и руководствуясь постановлением ЦК КПСС, принял решение о переходе к качественно новому рубежу в организации социалистического соревнования. Состоявшийся 26 февраля 1973 года IX Пленум ЦК КП Белоруссии рекомендовал активизировать соревнование с Литовской ССР и заключить договор с братской республикой о социалистическом соревновании за успешное выполнение планов и социалистических обязательств⁵.

Центральный комитет Компартии Белоруссии внимательно следил за межреспубликанским социалистическим соревнованием, его ход контролировался отделами ЦК. Итоги соревнования между Белоруссией и Литвой были обсуждены на бюро ЦК КП Белоруссии 17 декабря 1973 года. Трудящиеся Белоруссии активно включились в соревнование с трудящимися Литовской ССР. Договоры о соревновании заключили 29 министерств и ведомств, 72 города и района, 140 предприятий и организаций, 270 колхозов и совхозов⁶.

В ходе межреспубликанского сотрудничества расширились и укрепились связи партийных организаций соревнующихся предприятий Белоруссии и Литвы. Они обменивались опытом партийной и хозяйственной работы, намечали мероприятия по развитию соревнования, повышению его эффективности. Коммунисты Минского завода холодильников на собрании 12 февраля 1974 года приняли решение более тесно сотрудничать с партийной организацией Мажейкяйского завода компрессоров в мероприятиях по улучшению качества выпускаемых литовцами компрессоров⁷. Коллектив завода оказал практическую помощь Мажейкяйскому предприятию,

разработав новые технологические процессы и усовершенствовав конструкцию изделия. Получили дальнейшее развитие дружеские связи и социалистическое соревнование Минского завода им. Кирова с «Жалгирисом». В 1976 году в этом соревновании участвовало 3 бригады, одна смена, пять цехов и более 20 рабочих ведущих профессий завода⁸. На 10 мая 1976 года договора о социалистическом соревновании с Литвой заключили 29 министерств и ведомств, 296 объединений и предприятий⁹. Соревнование способствовало улучшению производственных показателей промышленности Белоруссии и Литвы, увеличению общего вклада в укрепление и развитие экономики страны. Оно сыграло огромную роль в выполнении планов 9-ой пятилетки обеими республиками. Производство промышленной продукции в Белоруссии увеличилось на 64 % вместо 53—56 по директивам XXIV съезда КПСС и 58 % по плану. Сверх плана в БССР было выпущено промышленной продукции на 3 млрд. рублей. Производительность труда повысилась за пятилетку на 43 % вместо 40, предусмотренных планом. За счет этого фактора получено 76 % прироста промышленной продукции. По сравнению с 1970 годом, в 1975 году производство металлорежущих станков увеличилось с 27,6 до 32,4 тыс. шт., холодильников бытовых с 216 до 557 тыс. шт., обуви кожаной с 37,5 до 41,7 миллионов пар¹⁰.

При составлении директив десятого пятилетнего плана и при определении перспектив развития промышленности БССР учитывалось усиление процессов экономической интеграции союзных республик. ЦК Компартии Белоруссии, оценив опыт социалистического соревнования с Литовской ССР, его действительное влияние на упрочение сотрудничества, которое прошло путь от заключения договоров между отдельными коллективами к соревнованию целых отраслей народного хозяйства, основной задачей 10-й пятилетки провозгласил дальнейшее развитие и совершенствование соревнования с братской республикой. В резолюции XXVIII съезда КПБ по отчетному докладу ЦК подчеркивалось, что необходимо развивать и обогащать существующую плодотворную практику социалистического соревнования трудящихся республики с трудящимися Литовской ССР, которая дает возможность широко использовать результаты совместных поисков, усилий и достижений на всех участках хозяйственного и культурного строительства¹¹.

Партийные комитеты Белоруссии в практической работе по совершенствованию и расширению межреспубликанского соревнования руководствовались решениями XXV съезда КПСС и XXVIII съезда КПБ. Всесоюзный партийный форум, высоко оценив эту форму социалистического соревнования, отметил, что в годы минувшей пятилетки, как никогда раньше, широкое развитие получило социалистическое соревнование между отдельными трудовыми коллективами, районами, городами, республиками¹².

Партийно-хозяйственный актив г. Витебска 21 января 1977 года обсудил ход социалистического соревнования промышленных предприятий Витебска и Каунаса. Было отмечено, что отношения между соревнующимися предприятиями приобретают с каждым годом все более деловой и творческий характер. Трудовое состязание, обмен опытом, новой технологией витебских и каунасских станкостроителей, чулочно-трикотажной фабрики «КИМ» и фабрики «Котон» из Каунаса и другими соревнующимися предприятиями способствовали досрочному выполнению витебчанами задания 1976 года. Сверх плана было реализовано продукции на 24 млн. рублей. За год объем производства возрос на 4,2 %, причем 76 % роста получено за счет повышения производительности труда¹³.

Городская партийная организация Могилева, целенаправленно проводя работу по организации творческого сотрудничества с промышленными предприятиями Клайпеды, стремилась максимально конкретизировать соревнование, перенести его центр непосредственно в трудовые коллективы, бригады, участки, вовлечь в него как можно больше рабочих. Так, на заводе «Строммашина», который соревновался с клайпедским судостроительным заводом «Балтия», были заключены договора между цехами, бригадами, рабочими. Плодотворно, например, соревновались бригады слесарей-сборщиков Л. Дагестанского с бригадой сборщиков Л. Ромашкевича, рабочие М. Стельмах и И. Шапов — с рабочими завода «Балтия» В. Маргусом и А. Евлампиевым. Как подчеркивалось на партийно-хозяйственном активе Могилева 15 марта 1978 года, достижения промышленных

предприятий города рождались в трудовом соперничестве с трудящимися Клайпеды¹⁴.

Соревнование с Литовской ССР способствовало тому, что промышленность Белоруссии по темпам роста объема производства досрочно вышла на уровень, предусмотренный Основными направлениями развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы. Выпуск продукции увеличился на 42 %, сверх задания было произведено ее на сумму 1,6 миллиарда рублей¹⁵.

¹ См.: В. И. Ленин, КПСС о социалистическом соревновании.— М.,—1980.— С. 235, 251.

² ПА ИИП при ЦК КПБ.— Ф. 4, оп. 20, д. 505, л. 178.

³ ПА Минского ОК КПБ.— Ф. 1, оп. 67, д. 71, л. 84, 85.

⁴ См.: В. И. Ленин, КПСС о социалистическом соревновании.— С. 286.

⁵ ПА ИИП при ЦК КПБ.— Ф. 4, оп. 20, д. 510, л. 168.

⁶ Там же.— Ф. 4, оп. 81, д. 2512, л. 13.

⁷ ПА Минского ОК КПБ.— Ф. 10705, оп. 1, д. 97, л. 46.

⁸ См.: Вечерний Минск.—1976, 6 августа.

⁹ Архив Белорусского республиканского комитета профсоюзов.— Ф. 265, оп. 11, д. 1687, л. 57, 58.

¹⁰ См.: Материалы XXVIII съезда Коммунистической партии Белоруссии.— Минск, 1976.— С. 9.

¹¹ См.: Материалы XXVIII съезда Коммунистической партии Белоруссии.— С. 138.

¹² См.: XXV съезд КПСС, стенографический отчет.— М., 1976.— Т. 1.— С. 251.

¹³ ПА Витебского ОК КПБ.— Ф. 102, оп. 46, д. 20, л. 28, 29.

¹⁴ ПА Могилевского ОК КПБ.— Ф. 9, оп. 159, д. 181, л. 35.

¹⁵ См.: Материалы XXIX съезда Коммунистической партии Белоруссии.— Минск, 1981.— С. 9.

К. И. АФОНИНА

ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ ПЕЧАТЬ О БЕЛОРУССИИ

А. И. Герцен и Н. П. Огарев с большой заинтересованностью следили за событиями, происходившими в Белоруссии, привлекавшей их внимание в связи с резким ухудшением положения крестьянства, которое в канун реформы 1861 года было почти безземельным, а после «великой реформы» оказалось в экономическом тупике. Именно эта проблема—освещение тяжелого, почти рабского положения крестьян, разоблачение злоупотреблений помещиков накануне и после реформы 1861 года—является основной в белорусской тематике Вольной русской типографии Герцена. В многочисленных статьях и заметках, опубликованных в «Колоколе», таких, как «Пьянство, возведенное в православную и государственную обязанность», в серии корреспонденций «Из Минской губернии», «Трезвость в привилегированных губерниях», «Мадам Шпейер и 15 розог», «Акцизный откуп в Гродненской губернии», «Дремучее дело», в дорожных набросках «Из Витебска до Ковна»¹, в письме декабриста барона В. Штейнгеля к Николаю I, помещенном в первой книге «Исторического сборника», в статье «Проект действительного освобождения крестьян», опубликованной на страницах 8-й книги «Голосов из России», в материалах о Белоруссии, содержащихся в 7-й книге «Полярной звезды» и др. герценовских изданиях, изображается тяжелая жизнь пореформенного белорусского крестьянства и появление в его среде ростков недовольства таким положением. Статья «Из Витебска до Ковна», помещенная в трех номерах «Колокола» (№№ 128, 129, 130), дает очень яркие картины жизни беднейших белорусских крестьян. В ней говорится о том, что когда проезжаешь по белорусской земле, то «...встречаются какие-то развалины вместо жилищ человеческих... картина пустынная, грустная! Это Беларусь под властью русского правительства и под властью своих добрых помещиков, это та страна, которою любовалась Екатерина, когда изволила проезжать чрез вновь приобретенные земли»². Как бы специально для этой статьи А. И. Герцен дает выразительный портрет крестьянина-белоруса: «Белорусский мужик, без шапки, обезумевший от страха, нужды и тяжелой работы, руки за поясом, стоит середь поля и как-то косо и безнадежно смотрит вниз»³. Публикации такого рода вызвали у передовых представителей русского народа стремление оказать помощь братскому белорусскому

народу, воспитывали чувство ненависти к социально-экономическому и политическому строю царской России.

Другой важной темой, нашедшей отражение в изданиях Герцена и Огарева, была тема религиозных преследований в Белоруссии. На страницах «Колокола» много внимания уделялось разоблачению политики царского правительства в Северо-Западном крае. Политика насильственной русификации, насаждаемой в Белоруссии царизмом, проводилась чрезмерно жестоко и вызывала резкое противодействие местного населения, особенно Западной Белоруссии. Автор статьи «Мысли вслух об истекшем тридцатилетии России», напечатанной в «Голосах из России», спрашивает: «Не надежней ли было бы, если б вместо насильственного обрусения белорусов и латышей правительство предоставило времени и силе вещей такое превращение?»⁴ Слово отвечая на данный вопрос, Н. П. Огарев разъяснял на страницах «Колокола», почему царское правительство не желало предоставить народу свободу вероисповедания. «Русское правительство полагает, — пишет он, — что ему, для поддержания самого себя, выгодно поддерживать особую религию, казенную и преследовать полицейским образом, запрещением церквей, молельнь, словом гласного вероисповедания, а подчас ссылкой и наказаниями — всякое другое вероисповедание»⁵. Именно о таких действиях русского правительства рассказывается в статьях «Колокола» «Секущее православие» и «Бешенство православия»⁶.

В первом же томе «Исторических записок» (1859 год) были опубликованы три секретных документа «Симашко, Филарет и Николай»⁷, в которых разоблачалась реакционная сущность николаевского административного и церковного управления.

Тема Белоруссии с новой силой зазвучала на страницах Вольной русской печати в 1863—1864 годах, когда большая часть Белоруссии стала ареной боев участников восстания с царскими войсками.

Особую роль в освещении восстания 1863 года А. И. Герцен и Н. П. Огарев отводили «Колоколу». В частности, на его страницах опубликовано 189 статей и заметок, посвященных этому восстанию. Из них 70 касаются непосредственно Белоруссии. На основании присланных из Белоруссии материалов на страницах «Колокола» были опубликованы такие статьи, как «Генерал-губернатор Куселев-Минский и победы его», «Молодецкое поведение солдат», «Казни и пытка» и др. Со страниц «Колокола» звучит страстный призыв к солдатам царской армии не применять оружия против восставших.

Мужество Герцена и стойкость позиций «Колокола» в польском вопросе высоко оценил В. И. Ленин: «Когда вся орава русских либералов отхлынула от Герцена за защиту Польши, когда все «образованное общество» отвернулось от «Колокола», Герцен не смутился. Он продолжал отстаивать свободу Польши и бичевать усмирителей, палачей, вешателей, Александра II. Герцен спас честь русской демократии»⁸.

Несмотря на богатейший материал о Белоруссии на страницах Вольной русской печати, тема эта до настоящего времени не изучена. Существует всего лишь несколько небольших статей, которые в основном посвящены «Колоколу»⁹.

Совершенно не изучена связь издателей «Колокола» с белорусскими корреспондентами, фамилии которых до настоящего времени неизвестны. Пока можно только предположить, что одним из них является И. П. Огрызко (1826—1890), занимавший пост вице-директора департамента неокладных сборов Министерства финансов¹⁰. Он был хорошо известен в прогрессивных кругах Петербурга как владелец типографии и издатель газеты «Slowo», был близким знакомым Н. Г. Чернышевского¹¹. В 1863 году И. П. Огрызко принимает активное участие в восстании, будучи агентом Центрального Народного Комитета в Петербурге¹². М. Клевенский в своей статье «Герцен — издатель и его сотрудники»¹³ называет И. П. Огрызко корреспондентом А. И. Герцена в основном по проблемам крестьянской реформы.

Поиски корреспондентов Герцена затруднены не только давностью событий, но также и строжайшим соблюдением издателями Вольной русской печати тайны корреспонденций. В декабре 1859 года Герцен писал по этому поводу художнику Т. Я. Будковскому: «Я знаю мою обязанность относительно тех, кто посылает мне чтоб то ни было, а потому ни одна строка, ни разу, никогда не выходила из-под ключа, а чтоб не было много рукописей, я их жгу. Ни одно собственное имя не произносилось»¹⁴.

За каждой анонимной корреспонденцией, опубликованной издателями Вольной русской печати, скрывается непрочитанная страница истории освободительного движения, в котором немаловажную роль сыграла деятельность А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Говоря о поучительности этой деятельности, В. И. Ленин подчеркивал, что пролетариат учится на примере Герцена «великому значению революционной теории; — учиться понимать, что беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы...»¹⁵.

¹ См.: Колокол.—1859.— № 44.— С. 364; 1860.— № 64.— С. 538; № 76.— С. 635; 1861.— № 94.— С. 796; № 109.— С. 912; № 108.— С. 905; № 117.— С. 979; 1862.— № 119.— С. 997; № 128.— С. 1065; № 129.— С. 1074; № 130.— С. 1081.

² Колокол.—1862.— № 128.— С. 1066.

³ Герцен А. И. Собр. соч. в 30 т.— М., 1957.— Т. 12.— С. 99.

⁴ Голоса из России: Сборники А. И. Герцена и Н. П. Огарева / Факсимильное изд.— М., 1974.— Вып. 1.— Кн. 1.— С. 113.

⁵ Колокол.—1865.— № 206.— С. 1691.

⁶ См.: Колокол.—1858.— № 27.— С. 224; 1860.— № 63.— С. 525.

⁷ См.: Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне А. И. Герцена и Н. П. Огарева / Факсимильное изд.— М., 1971.— Кн. 1.— С. 126.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 21.— С. 260.

⁹ См.: Жукоўскі А. Герцэн і «Мужыцкая праўда». — Беларусь.— 1956.— № 9; Цікоцкі М. «Колокол» Герцэна аб жыцці і барацьбе беларускага народа.— Польшча.— 1957.— № 8; Кісялёў Г. З думай пра Беларусь.— Мінск, 1966; Сейбіты вечнага.— М., 1963; Фридман М. Б. Материалы о Белоруссии в «Колоколе» Герцена // Советское славяноведение.— Минск, 1969; Букчин С. Народ издревле нам родной.— Минск, 1984; Мелишкевич В. У. Русско-белорусские культурные связи второй половины XIX в.— Минск, 1984.

¹⁰ См.: Смирнов А. Ф. Восстание 1863 г. в Литве и Белоруссии.— М., 1963.— С. 318.

¹¹ См.: Герцен А. И. Собр. соч. в 30 т.— Т. XIV.— С. 482.

¹² См.: Смирнов А. Ф. Восстание 1863 г. в Литве и Белоруссии.— С. 165.

¹³ См.: Клевенский М. Герцен-издатель и его сотрудники // Литературное наследство.— М., 1941.— Т. 41/42.— С. 603.

¹⁴ Герцен А. И. Собр. соч. в 30 т.— Т. XXVI.— С. 319.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 21.— С. 261.

М. А. АКУЛИЧ

БЕЛОРУССКАЯ УЧЕБНАЯ КНИГА XVI—ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII ВЕКОВ НА БАЛКАНАХ

Одним из основных направлений белорусского книгопечатания XVI—первой четверти XVII веков было просвещение народа, создание учебников славянского языка. Основатель белорусского книгопечатания Франциск Скорина эту задачу поставил во главу угла своей книгоиздательской деятельности. Для просвещения народа «посполитого доброго» он начал издание церковно-богослужебной литературы, которая в то время использовалась и для обучения детей грамоте. Изданные Скориной книги предназначались для белорусов, украинцев, русских, а также сербов, хорватов и болгар. В деятельности Скорины проявился принцип общеславянского единства, который получил дальнейшее развитие у белорусских просветителей XVI—первой четверти XVII веков П. Мстиславца, В. Тяпинского, С. Будного и др.

В конце XVI века на территории Белоруссии появляется первый светский учебник, изданный белорусскими предпринимателями Мамоничами. На содержание этого учебника оказали огромное влияние традиции южнославянской литературы. В основу его были положены сочинения древнеболгарского писателя Иоанна Экзарха¹. После «Грамматики» Мамоничи издали «Букварь» и «Азбуку». В последней используется древнеболгарское литературное наследие—раздел «Сказание, како состави святыи Кирил Философ Азбуку».

Дальнейшую разработку основ грамматической мысли и создание учебника славянского языка продолжали белорусские гуманисты Мелетий Смотрицкий и Лаврентий Зизаний.

Свою деятельность в Белоруссии Л. Зизаний начал в Брестской братской школе, а затем переехал в Вильно, где в 1596 году братская типо-

графья издала его «Грамматикѹ славенску» и «Азбуку». Учебники Л. Зизания были известны на Балканах. К сожалению, до наших дней дошел только один печатный экземпляр «Азбуки», и то в плохом состоянии². По рукописным листам, приложенным во время обновления ее, можно определить, что в начале XVII века книга была в Болгарии. О знакомстве болгар, сербов и хорватов с этим учебником свидетельствует и тот факт, что он был положен в основу славянской грамматики сербов и хорватов, составленной Юрием Крижаничем (1666), и грамматики народного болгарского языка Христати-Дупничанина (1840)³.

Одним из лучших учебных пособий XVII века стала «Грамматика славенскія» Мелетия Смотрицкого. В то время это было самое популярное сочинение не только в Белоруссии и на Украине, но и в Московском государстве и на Балканах. «Грамматика» Смотрицкого сыграла важную роль в развитии просвещения болгар и сербов в период их национального и культурного становления. До наших дней в собраниях южнославянских библиотек сохранились рукописные списки «Грамматики» М. Смотрицкого. Упоминания об использовании ее на Балканах в XVII веке имеются в документах как сербов, так и болгар. Популярность «Грамматики» у южных славян подтверждают сделанные с нее копии и надписи на рукописях. Самой ранней из дошедших до нас является копия, сделанная иеромонахом Стефаном из города Ловеча в 1655 году с издания 1619 года⁴. С этого списка в 1666 году Михаил из села Врачеш сделал новую копию и внес в нее свои поправки. Список Михаила дошел до нас в хорошем состоянии и хранится в библиотеке бывшего педагогического училища в г. Ломе, в Болгарии⁵. «Грамматика» Смотрицкого находилась в собрании книг сербского монастыря Хилендаря и болгарского монастыря Зограф на Афоне, монастырей Болгарии и Сербии.

В течение XVII—XIX веков болгары и сербы сделали с «Грамматики» М. Смотрицкого большое количество рукописных списков. В сербских и болгарских школах «Грамматика» вплоть до XIX века была общепринятым учебным пособием. В 1733 году в Белграде открывается славянская школа, для преподавания в которой был приглашен из России учитель М. Суворов. Он привез с собой 400 букварей и 100 экземпляров «Грамматики» М. Смотрицкого. А в 1755 году сербами была предпринята перепечатка этого произведения с издания 1619 года. Она вышла под названием «Грамматика в пользу и употребление отроков сербских, желающих основательного изучения словенского диалекта, напечатана в Епископии Римничской»⁶. Эта перепечатка использовалась в болгарских и сербских школах в качестве учебного пособия. В предисловии к этому изданию говорится, в частности, следующее: «Книгопечатание предпринято для того, что грамматики, которой раньше было в избытке, теперь не стало».

«Грамматика» М. Смотрицкого использовалась в качестве учебного пособия и для сербских и болгарских школьников, и для учителей. Сохранился экземпляр книги, на котором содержится запись, как по нем учились учителя в г. Руме⁷.

Труд М. Смотрицкого стал основой для создания первого учебника грамматики Болгарии, оказал влияние и на развитие югославской грамматической мысли. «Грамматикѹ» М. Смотрицкого положил в основу своего труда «Грамматично исказание об руском језику» сербо-хорватский ученый, филолог XVII века Юрий Крижанич. Переработкой «Грамматики» по существу является и труд С. Вуяновского «Руководство к праволаголаню и правописанию во употребление сербских училищ», и работа А. Мразовича «Руководство к славенстей граматиче во употребление славено-сербских народных училищ».

Итак, белорусская учебная книга оказала определенное влияние на развитие грамматической науки и образования южных славян, становление их национальной культуры и языка.

¹ См.: Голенченко Г. Я. Источники по истории белорусской культуры // Из истории книги в Белоруссии.— Минск, 1979.— С. 133.

² См.: Атанасов П. Уникален памятник на руската средновековна култура в Народната библиотека Кирил и Методий // Известия на Народната библиотека Кирил и Методий.— София, 1972.— Т. 12.— С. 65.

³ См.: Ботвинник М. Б. У истоков учебной книги.— Минск, 1964.— С. 83.

⁴ См.: Атанасов П. Грамматика Мелетия Смотрицкого у болгарских книжников // Русско-болгарские связи в области книжного дела.— М., 1981.— С. 77.

⁵ См.: Дылевский Н. И. Русские и украинские рукописи и старопечатные кни-

ги в болгарских книгохранилищах // Исследования источников по истории русского языка и письменности.— М., 1966.— С. 220.

⁶ См.: Новаковић Ст. Историја српске књижевности.— Београд, 1871.— С. 186.

⁷ Там же.— С. 187.

НГУЕН КХАК ТХАЙ

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ ВО ВЬЕТНАМЕ В ЭПОХУ «ПРОБУЖДЕНИЯ АЗИИ»

Эпоха «пробуждения Азии» занимает особое место в истории национально-освободительного движения вьетнамского народа. Начало этой эпохи условно датируется для Вьетнама 1905 годом. В это время с помощью первых вьетнамских политических организаций были заложены основы национального самосознания народа, что способствовало подъему национальной борьбы за независимость и обновление Вьетнама.

К 1905 году в условиях жестокой эксплуатации французских колонизаторов в стране обозначился сложный процесс расхождения традиционных классов (крестьянства и феодалов) и формирования новых общественных сил (рабочего класса и национальной буржуазии). Крестьянство, находясь под двойным гнетом как колонизаторов, так и феодалов, приняло активное участие в национальной борьбе. Многие крестьяне уходили из своих деревень в города на поиски заработков, пополняя армию рабочих. Хотя к началу XX века вьетнамский рабочий класс был еще малочисленным и политически незрелым для того, чтобы сознательно встать на путь общественной борьбы, тем не менее жестокая эксплуатация и угнетение капиталистами-колонизаторами вызвали в нем стихийный протест, который постепенно наполнялся классовым и национальным содержанием.

Развитие капиталистического производства в стране сформировало национальную буржуазию, тяготившуюся колониальной зависимостью. Часть ее, не выдержав конкуренции со стороны иностранного капитала, обанкротилась и приняла активное участие в антиколониальной борьбе. Другая ее часть, в значительной степени утратив свой национальный характер, примкнула к колонизаторам. Особое место в социальной структуре вьетнамского общества занимала мелкая национальная буржуазия, которая стала движущей силой вьетнамского национально-освободительного движения.

В условиях разложения традиционных общественных отношений и образования новых национально-освободительное движение во Вьетнаме тоже должно было обрести новые формы. Именно тогда произошла буржуазно-демократическая революция в России. «Мировой капитализм и русское движение 1905 года, — писал В. И. Ленин, — окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забытого, одичавшего в средневековом застою, населения проснулись к новой жизни и к борьбе... за демократию»¹. Под влиянием первой русской революции и общего процесса пробуждения Азии во Вьетнаме, как и в других колониальных странах, наметился новый этап национально-освободительной борьбы, подготовленный предшествующим развитием страны в условиях французской оккупации и становления капитализма колониального типа². На политическую арену вышли новые общественные силы, разделявшие симпатии к революционным веяниям эпохи. Тогда ни вьетнамский пролетариат, ни буржуазия еще не сформировались как самостоятельные политические силы. Вдохновителями и организаторами политических и социальных движений в данный период выступали европеизированная интеллигенция и неоконфуцианцы, в той или иной мере воспринявшие идеи буржуазной демократии и понимавшие надежды и чаяния народных масс.

В условиях общественного подъема 1905—1913 годов происходила постепенная перегруппировка новых патриотических сил, вырабатывались организационные структуры национально-освободительного движения. Решающую роль в формировании идеологии и практики вьетнамского национализма сыграли общества «Обновление Вьетнама» (1904—1909) и «Возрождение Вьетнама» (1911—1916), а также организация «Тонкинская школа» (1907—1909).

Как известно, еще до эпохи «пробуждения Азии» в стране, в атмосфере острой идейной и политической борьбы вокруг вопроса об отношении к

французским колонизаторам и о путях достижения национальной независимости сформировались два течения: традиционалистов и новаторов. Первые выступали за вооруженное изгнание захватчиков и возрождение страны после достижения национальной независимости. Вторые призывали вести антифеодалную демократическую борьбу путем расширения народного просвещения и пропаганды социальных реформ, которые способствовали бы развитию в стране капитализма³. Характерной чертой борьбы новаторов являлось то, что сначала они действовали, используя «законные» (легальные) средства борьбы, но со временем их действия вышли за эти рамки.

Для осуществления своих целей традиционалисты создали в 1904 году политическую организацию — общество «Обновление Вьетнама» во главе с видным революционером Фан Бой Тяу. Конечной целью общества Фан Бой Тяу объявил подготовку к борьбе за восстановление независимого Вьетнама⁴. В состав общества наряду с неоконфуцианцами вошли и молодые патриоты из низших слоев вьетнамской интеллигенции, мелких собственников, а также часть участников антиколониального движения предшествующего периода, некоторые прогрессивно настроенные феодальные чиновники. Общество приступило к созданию своих местных организаций, с помощью которых оно вскоре охватило всю страну, и развернуло широкое движение «Донгзу» (на Восток) с целью подготовки кадров для национально-освободительной борьбы. Общество стало центральным штабом антиколониальной борьбы вьетнамского народа, оно оказалось первой вьетнамской политической организацией, которая активно пропагандировала в стране буржуазно-демократические идеи. Следовательно, можно считать, что национально-освободительное движение под руководством общества «Обновление Вьетнама» приобрело в той или иной мере буржуазно-демократический характер. Но существует и другая точка зрения. Так, по мнению А. П. Шилтовой, В. Ф. Мордвинова и других авторов, создатели общества «Обновление Вьетнама» были сторонниками монархических идей⁵. Известный французский историк Ж. Шено считал, что Фан Бой Тяу, руководитель общества «Обновление Вьетнама», стал сторонником буржуазной демократии только после своей поездки в Японию и Китай в 1905 году⁶. Большинство же историков Вьетнама полагает, что Фан Бой Тяу, хотя был выходцем из феодальной интеллигенции, уже в начале XX века находился под влиянием буржуазно-демократических идей. Однако эти идеи определенное время сосуществовали в его мировоззрении с идеями монархическими. В годы создания «Обновления Вьетнама» он уже стоял на позициях революционной демократии⁷.

После того, как в 1905 году общество «Обновление Вьетнама» потерпело поражение, в политической жизни страны наступило загишье. Однако под влиянием Китайской революции 1911 года в национально-освободительном движении Вьетнама появились качественно новые черты. Вьетнамские патриоты и революционеры предприняли конкретные шаги, направленные на создание руководящего центра освободительной борьбы. В результате, в 1912 году в Гуандуне была созвана специальная конференция, на которой было принято решение создать вместо «Обновления Вьетнама» новое общество — «Возрождение Вьетнама». Хотя новое общество фактически стало продолжателем дела, начатого обществом «Обновление Вьетнама», но в отличие от него «Возрождение Вьетнама» имело конкретную программу, выражавшую передовые буржуазно-демократические идеи. Общество смогло организовать революционную деятельность как в стране, так и за рубежом. Его первичные организации охватили территорию всего Вьетнама. В обществе были представлены разные социальные слои: именитые лица, чиновники, католики, вьетнамские солдаты, служившие в колониальной армии, члены разных политических организаций, студенты⁸. Стремясь мобилизовать эти силы на антиколониальную борьбу, руководители общества организовали ряд террористических акций против колонизаторов, активно готовились к восстанию⁹.

Несмотря на постигшие общество неудачи активизация им антиколониальной деятельности способствовала развитию национально-освободительного движения вьетнамского народа. Историческая заслуга общества «Возрождение Вьетнама» состоит в том, что ему удалось создать базу для развития борьбы за национальную независимость в последующий период.

Одновременно с обществами «Обновление Вьетнама» и «Возрождение Вьетнама», стремившимися направить антиколониальное движение в рус-

ло вооруженной борьбы, в стране действовали и сторонники социальных реформ во главе с известным европеизированным интеллигентом Фан Тю Чинем. Считая, что с помощью поэтапных преобразований колониального режима возможно решение национальной проблемы, Фан Тю Чинь и его сторонники стремились сочетать борьбу против колониального режима с критикой всего старого и пропагандой нового¹⁰. Ими в марте 1907 года была основана в Ханое «Тонкинская школа». Эта просветительская организация, в отличие от современных ей политических организаций, выступала за мирные демократические преобразования, которые, по мнению ее руководителей, должны были привести в конечном счете к полному национальному освобождению Вьетнама.

Таким образом, в начале XX века в национально-освободительном движении Вьетнама сформировались первые политические организации, которые сыграли решающую роль в пробуждении национального самосознания и безусловно внесли определенный вклад в последующее завоевание страной национальной независимости.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 23.— С. 146.

² См.: Новая история Вьетнама.— М., 1980.— С. 498.

³ См.: Чан Ван Зяу. История развития политических идей во Вьетнаме / На вьетнамском языке.— Ханой, 1975.— С. 29, 110, 140; Новая история Вьетнама.— С. 498.

⁴ См.: Чан Ван Зяу, Динь Суан Лам, Нгуен Ван Ши. История Вьетнама (1879—1914 гг.) / На вьетнамском языке.— Ханой, 1957.— С. 197.

⁵ См.: Шилтова А. П. и Мордвинов В. Ф. Национально-освободительное движение во Вьетнаме.— М., 1958.— С. 93, 94.

⁶ См.: Шено Ж. Очерк истории вьетнамского народа / Пер. с французского.— М., 1957.— С. 206—207.

⁷ См.: Чан Ван Зяу. История развития политических идей во Вьетнаме.— С. 140, 145.

⁸ Там же.— С. 147.

⁹ См.: Новая история Вьетнама: Материалы / На вьетнамском языке.— Ханой, 1970.— С. 64.

¹⁰ См.: Новая история Вьетнама.— С. 520, 521.

АННА ЛУИЗА ЛОПЕС ПЕНЬЯ

О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ КУБИНСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА (1933—1935)

Мужественная борьба кубинского народа против внутренней реакции и засилия американского империализма в 30-е годы, по словам Фиделя Кастро, оказала колоссальное влияние на жизнь страны¹. Куба в рассматриваемый период фактически являлась полуколонией Соединенных Штатов Америки. Американские монополисты господствовали в кубинской экономике, имевшей монокультурный характер. Половина всей обрабатываемой земли была занята под плантациями сахарного тростника, более трети национального дохода страны давала сахарная промышленность. Сахар составлял 85 % экспорта. Кубинские латифундисты, сахарные магнаты, крупные торговцы, политиканы, реакционная военщина являлись социальной опорой американского империализма.

С 1925 по 1933 год президентом Кубы был ставленник американского империализма Х. Мачадо, установивший в стране жестокую тиранию. Путем репрессий и убийств противников режима он пытался остановить растущее освободительное и демократическое движение в стране. Известный революционер-марксист Хулио Антонио Мелья обоснованно назвал Х. Мачадо «тропическим Муссолини».

Но освободительный дух кубинского народа не был сломлен. Он самоотверженно боролся против внутренней реакции и гнета монополий США. Развернувшееся революционное движение было закономерным явлением, вызванным тяжелым положением трудящихся, особенно ухудшившимся в связи с экономическим кризисом 30-х годов.

Важным этапом кубинского освободительного движения стала буржуазно-демократическая революция 1933 года. В августе под руководством Коммунистической партии Кубы и Национальной конфедерации рабочих Кубы (КНОК) началась всеобщая забастовка, вылившаяся в народное восстание. 12 августа трудящиеся массы свергли кровавую диктатуру Х. Мачадо. Говоря об этом периоде в истории страны, Фидель Кастро подчерки-

вал, что «в процессе революционной борьбы 1930 и 1933 годов кубинские революционеры находились под большим влиянием идей Ленина»².

Однако свержение диктатуры Мачадо не изменило положения кубинского неокOLONиального общества. Революция 1933 года оказалась незавершенной. Это объяснялось прежде всего тем, что у пролетариата еще не было сил, чтобы нейтрализовать национальную буржуазию, повести за собой крестьянские массы и мелкую городскую буржуазию. Низок был уровень организованности рядов Коммунистической партии Кубы, ей не хватало опыта революционной борьбы. Однако революционные события многому научили рабочий класс, который после этого стал играть ведущую роль в общественной жизни, выступая в тесном союзе с трудящимся крестьянством, городской мелкой буржуазией, студентами, левой интеллигенцией.

В результате революционных событий начала 30-х годов была упразднена ненавистная кубинскому народу «Поправка Плат». Этот унижительный документ, ставивший Кубу в политическую зависимость от США, потерял силу. Но подлинной свободы Куба не добилась.

В январе 1934 года в Гаване произошел военный переворот. К власти пришло правительство К. Мендиети, при котором фактическим диктатором страны стал командующий кубинской армией генерал Ф. Батиста. Новый режим последнего выполнял волю США и в своей политике руководствовался указаниями американского посла Кеффера.

В мае 1934 года был подписан торговый договор с США, а в августе — Кубино-американская конвенция. Хотя они провозглашали принцип взаимности, на деле американский империализм сохранял командные высоты в кубинской экономике, предусматривались пониженные таможенные пошлины на ввозимые на Кубу американские товары. Чтобы еще более усилить финансовую зависимость Кубы от США, американские банки предоставили ей заем в 10 миллионов долларов.

Положение рабочего класса значительно ухудшилось: возрождались жестокая эксплуатация труда времен Мачадо, сокращалась зарплата, повсеместно устанавливался двенадцатичасовой рабочий день³.

В годы мирового экономического кризиса кубинская сахарная промышленность вступила в период глубокого застоя, что еще более увеличило уровень хронической безработицы. В 1935 году, по сравнению с 1934, число безработных в стране увеличилось на 25 тысяч и в дальнейшем продолжало расти. Общее количество безработных достигло полумиллиона человек.

В рассматриваемый период дневной заработок рабочих, занятых как в сельском хозяйстве, так и в промышленности, был мизерным. Низкий семейный бюджет трудящихся масс не позволял им обеспечивать элементарные нужды. Постоянно росли цены на продукты питания, увеличивалась квартплата, повышалась стоимость жизни. Условия жизни сельскохозяйственных рабочих были теперь хуже, чем даже во времена диктатуры Мачадо. В результате усилилась миграция сельского населения в город, что и обусловило постоянный рост безработицы и дальнейшее обострение жилищного вопроса. Такое положение в стране сохранялось вплоть до победы революции в январе 1959 года.

В связи с ростом безработицы усиливается эмиграция кубинцев главным образом в США. В течение 1934 года Кубу покинуло 12 337 человек⁴.

Диктаторский проамериканский режим не был заинтересован в росте грамотности и профессионально-технического уровня населения. В стране ощущался недостаток квалифицированной рабочей силы, насчитывалось более миллиона неграмотных. В 1934 году были построены помещения для работы лишь 200 классов, в то время когда потребность составляла 15 тысяч. Зарплата учителей была крайне низкой⁵. Многие здания школ не были приспособлены для занятий, в них отсутствовали элементарные гигиенические условия. Дети рабочих были вынуждены принимать участие в материальном обеспечении семьи. Поэтому значительное количество школьников рано бросало учиться, окончив 4, 5 или 6 классов⁶.

Правительство Кубы игнорировало и социальные нужды населения. Денежные фонды социального обеспечения гарантировали лишь пенсии по инвалидности (в результате профессиональной болезни или производственного несчастного случая), старости и материнству. Однако эти пенсии не выполняли своих социальных функций. Так, например, в декабре 1934 года был принят закон о социальном обеспечении трудящихся, за-

нятых в сахарной промышленности. Он предусматривал отчисление 8 % зарплаты рабочего в фонд социального обеспечения. Но этот закон не распространялся на трудящихся, вступивших либо в непризнанные правительством организации, либо в региональные (федерации) или национальные (КНОК) профсоюзы, несмотря на то, что они тоже должны были отчислять 8 % своей зарплаты в фонд социального обеспечения⁷.

Стремясь ослабить рабочее движение, предприниматели прибегали к массовым увольнениям, отмене трудовых договоров. Так, в августе 1935 года под предлогом борьбы за «бережливость» были уволены 1000 рабочих железнодорожного транспорта, сокращено число поездов. Одновременно была увеличена плата за проезд в городском транспорте в три раза⁸.

Осенью 1935 года в городе Карденасе были закрыты два сахарных завода, на которых было занято более 1000 рабочих. Это было вызвано сокращением со стороны США кубинской квоты на ввоз сахара. Так на деле Соединенные Штаты использовали «Договор о взаимной торговле» с Кубой, когда возникала малейшая угроза их интересам. Такая политика подрывала и без того слабую экономику страны и влекла за собой дальнейший рост безработицы.

Ухудшалось медицинское обслуживание населения. Правительство не вело борьбы против хронических и инфекционных заболеваний. Специальная комиссия ФПА (Foreign Policy Association), посетившая Кубу в мае—июне 1934 года, констатировала, что в стране чрезмерно мало врачей, а медицинское обслуживание находится в крайне плохом состоянии.

Основная масса населения Кубы в 1930—1935 годах жила в страшной нищете, влачила полуголодное существование. Вот почему, несмотря на жестокий террор, развязанный кликой Ф. Батисты, национально-освободительная и демократическая борьба кубинского народа продолжала нарастать.

¹ I Съезд Коммунистической партии Кубы. Гавана, 17—22 декабря 1975 г.— М., 1976.— С. 23.

² Правда.—1970, 25 апреля.

³ См.: *Bandera Roja*.— La Habana, 1935.— № 26 (11).— Р. 3.

⁴ См.: *Del Toro González Carlos. Algunos aspectos económicos, sociales y políticos del movimiento obrero cubano // Edit. Arte y Literatura.*— La Habana, 1934.— Р. 78.

⁵ *Bandera Roja*.— 1935.— № 23 (7).— Р. 4.

⁶ *Ibid.*— Р. 5.

⁷ *Ibid.*— Р. 6.

⁸ *Ibid.*— № 15 (8).— Р. 3.

А. И. ЛОЙКО

ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО ЭМПИРИЧЕСКОГО И ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ПРИ ПОСТРОЕНИИ КОСМОЛОГИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

В современной астрономии происходят глубокие революционные процессы, которые не только расширяют ее познавательные возможности, но и вносят качественные изменения в самый стиль нашего мышления, преобразуют астрономическую картину мира. Научная революция в астрономии сделала актуальной традиционную проблему выяснения соотношений эмпирического и теоретического уровней познания. Конкретизация этой проблемы требует углубленного изучения как структур теоретического и эмпирического уровней познания, так и механизма их взаимоотношений.

В статье предпринята попытка проанализировать процесс построения моделей в современной космологии и выявить роль исходных эмпирических данных при их создании, а также рассмотреть характер влияния моделей, построенных с учетом эмпирических данных, на процесс исследования в релятивистской космологии.

Что же представляет собой метод космологического моделирования? Известный исследователь проблемы А. Турсунов отвечает на этот вопрос так: «Космологическое моделирование мы можем определить как процесс концептуального воссоздания целостного образа Вселенной на базе эмпирической информации о доступной непосредственному познанию ее части, с одной стороны, и локально-физического — с другой»¹, т. е. космологическое моделирование базируется на эмпирической информации о доступной наблюдению части Вселенной, на известных физических законах и, наконец, на определенных космологических принципах, допущениях. В астрономии, в зависимости от функционального предназначения, можно выделить два типа моделей Вселенной: пространственно-временные и физические. Основная цель первых состоит в описании Вселенной как целостной системы со стороны ее пространственно-временных характеристик. Физические модели описывают явления и процессы, связанные с различными уровнями космической материи, которые характеризуют Вселенную со стороны ее кинематики и динамики, позволяют делать выводы о ее происхождении и развитии.

В зависимости от того, какими эмпирическими данными располагала космология, на первый план соответственно выступала проблема происхождения и развития Вселенной или проблема ее пространственного устройства. Первые модели Вселенной в рамках релятивистской космологии были связаны с попыткой воссоздать ее пространственно-временные параметры на основе общей теории относительности. Наиболее известны модели А. Эйнштейна и А. Фридмана.

Астрономия в начале XX столетия располагала скудными данными о свойствах космической материи, природа туманностей еще не была раскрыта. Поэтому А. Эйнштейн при создании модели так называемой «цилиндрической Вселенной» исходил из разработанной им общей теории относительности и предположения, что количества материи во Вселенной достаточно, чтобы обеспечить общую положительную кривизну пространства. Пространство тогда во всех направлениях замкнулось бы само на себя. А. Эйнштейн получил модель конечной, но безграничной Вселенной. В 1922 году советский математик А. Фридман указал возможные реше-

ния уравнения Эйнштейна, из которых следовало, что Вселенная является либо конечной, либо бесконечной.

Модели А. Эйнштейна и А. Фридмана отличались абстрактностью, поэтому, чтобы получить подтверждение или быть опровергнутыми, они нуждались в физической интерпретации и последующей эмпирической проверке. Но в тот период из-за отсутствия эмпирических данных соответствующей апробации они получить не могли.

Если в теоретических исследованиях начала века обращалось внимание на единство Вселенной как системы, то в эмпирических исследованиях акцент делался на раскрытии природы составляющих ее элементов, т. е. планет, звезд, туманностей и т. д. Именно тогда, когда теоретики активно искали математические и физические следствия из уравнений общей теории относительности, главное внимание в области эмпирических исследований было сконцентрировано на выявлении природы туманностей.

Американский ученый Э. Хаббл провел целый комплекс наблюдений за туманностями. Еще до Э. Хаббла Дж. Ричи разделил туманности на созвездия. Чтобы доказать, что туманности являются качественно новым видом космической материи, потребовалось осуществить целую программу научных исследований. Эта программа включала определение расстояний до туманностей, исследование их химического состава. В результате эмпирических наблюдений было установлено, что галактики удаляются от нас с тем большей скоростью, чем дальше они от нас находятся. Из этого следовало, что Вселенная расширяется. Оценивая роль полученных эмпирических фактов для теоретических исследований Вселенной, Ч. Уитни пишет: «Старые работы по теории относительности приобрели новое звучание, а новые работы начали появляться, как грибы после дождя. То, что казалось чисто умозрительными построениями, внезапно превратилось в средство, позволяющее истолковать самое поразительное научное открытие XX столетия»².

Таким образом, эмпирические исследования позволили, во-первых, подтвердить модель изменения и эволюции Вселенной — модель А. Фридмана. Во-вторых, они дали импульс для новых теоретических и эмпирических исследований. В-третьих, оказали самое непосредственное влияние на формирование астрономической картины мира, развитие диалектико-материалистического учения о структурных уровнях материи.

В космологии сложилась ситуация, когда теоретические разработки должны были ограничиться строгим описанием конкретной материальной системы Вселенной и галактик как ее составных элементов. С другой стороны, открытие явления расширения и тем самым развития Вселенной привлекло внимание ученых к исследованию физических процессов, происходящих в космической материи различного уровня. В ходе изучения проблемы развития Вселенной неизбежно возникали вопросы более частного порядка. Так, в 30—40-х годах некоторые исследователи работали над разрешением проблемы происхождения химических элементов, в том числе и возникновения гелия. Американский ученый Г. А. Гамов высказал предположение, что тяжелые элементы могли возникнуть во время ядерных реакций, происходивших на ранних стадиях Вселенной, когда она находилась в сверхплотном и горячем состоянии. В таком случае от этого состояния должен был остаться след в виде реликтового (чернотельного) излучения. Но дальнейшие исследования не подтвердили правильности гипотезы Г. А. Гамова. Теория была забыта, забыто и средство — модель «горячей» Вселенной, а также возможное ее следствие — наличие реликтового излучения.

Статья Г. А. Гамова с изложением гипотезы о «горячей» Вселенной была опубликована в 1946 году. В этом же году в том же журнале другой физик, Р. Дикке, опубликовал результаты исследования излучения, которое, как предполагалось, представляло суммарный поток от далеких галактик. Если бы исследователи располагали соответствующей физической моделью Вселенной, полученные эмпирические данные могли бы найти адекватное объяснение. Но такой модели не было у группы Р. Дикке, о модели же «горячей» Вселенной Г. А. Гамова она не знала. Поэтому, полученный ею результат не привлек большого внимания и остался незамеченным.

Мы рассмотрели два примера, которые показывают, что при наличии лишь результата эмпирических наблюдений, фиксирующих новое явление, адекватная интерпретация его невозможна, если нет соответствующей модели Вселенной. С другой стороны, теоретическая модель «горячей» Все-

ленной Г. А. Гамова утратила научную ценность из-за отсутствия эмпирических данных, подтверждающих ее правильность.

В 60-е годы Р. Дикке возвращается к поискам реликтового излучения. Соответственно им разрабатывается модель Вселенной, в основу которой были положены результаты исследования природы туманностей. После открытия Э. Хабблом природы туманностей и классификации их на спиральные и эллиптические ученые заинтересовались их происхождением. Было установлено, что эллиптические туманности или шаровые скопления состоят из старых звезд и в них мало тяжелых элементов по сравнению со звездами в спиральных туманностях. Этот момент сыграл большую роль в интерпретации процесса формирования Вселенной.

Согласно модели Р. Дикке, исходным состоянием Вселенной был «огненный шар». По мере падения в нем давления и температуры образовалась единая газовая масса, состоящая из атомов водорода и гелия. Затем наступило разделение этой единой массы на газовые облака. Растекаясь во все стороны, они собрались в группы по 10^2 — 10^6 облаков, связанных гравитационным взаимодействием. Примерно через 200 миллионов лет после стадии «огненного шара» в группах начались процессы сжатия, обусловленные гравитационными силами. До столкновения членов групп, т. е. газовых облаков, газ в них превращался в звезды, и таким образом возникли шаровые звездные скопления. Столкновения остальных газовых облаков привели к образованию спиральных галактик с более молодыми звездами.

Кроме того, из описанной физической модели следовало, что после расширения Вселенной должен был остаться реликтовый след ее ранних горячих фаз в виде излучения. Р. Дикке начал строить соответствующую установку для поиска этого излучения. Но его опередили А. Пензиас и Р. Уилсон, которые в 1965 году открыли такое излучение. Была проведена целая серия наблюдений и определена его температура, равная 2,7 К. Сопоставление полученных данных с предполагаемыми по модели «горячей» Вселенной показало, что открытое излучение и есть реликтовый остаток, след ее ранних фаз развития.

Несколько иное положение сложилось с созданием пространственно-временных моделей Вселенной. Космология располагает здесь незначительной информацией, поскольку посредством имеющихся технических средств наблюдения невозможно зафиксировать Вселенную как целостную пространственно-временную систему. Поэтому, как и раньше, пространственно-временные модели Вселенной являются результатом теоретико-математических выводов. Созданные на их основе модели представляют Вселенную порой в самом невероятном и неожиданном виде. Но отсутствие эмпирических данных не позволяет подтвердить или опровергнуть ту или иную модель. Такое положение, как подчеркивают В. А. Амбарцумян и В. В. Казютинский, требует осторожности в оценке различных пространственно-временных моделей Вселенной³.

Конечно, при критике моделей Вселенной следует учитывать наличие эмпирического материала и его использование. Это обусловлено самим характером развития науки о Вселенной. «Объективно следует отметить, что требования современной космологии растут быстрее, чем экспериментальное знание. Поэтому приходится пользоваться также теориями, которые еще строго не обоснованы»⁴. Но это не значит, что они ненаучны. В основе их построения лежат философские принципы, космологические постулаты, фундаментальные физические константы. Так, разработанная А. Фридманом на основе общей теории относительности модель Вселенной смогла в общих чертах отразить идею ее эволюции и варианты пространственно-временного состояния.

Но решающим критерием, подтверждающим или опровергающим модель, является практика астрономических исследований, эмпирические данные. «Только после того, как предсказания теории подтверждены данными наблюдений, она становится достоверным знанием»⁵.

Таким образом, анализ развития современной космологии показывает, что эмпирические данные играют решающую роль в построении модели Вселенной и ее последующем функционировании. В то же время сама теоретическая модель оказывает влияние на адекватность интерпретации результатов, полученных в ходе эмпирических исследований. Следовательно, подтверждается неразрывное диалектическое единство теоретического и эмпирического уровней познания.

¹ Турсунов А. Проблема моделирования в космологии // *Философские проблемы астрономии XX века.*— М., 1976.— С. 209.

² Уитни Ч. Открытие нашей Галактики.— М., 1975.— С. 190.

³ Амбарцумян В. А., Казютинский В. В. Диалектика познания эволюционных процессов во Вселенной // *Диалектика в науках о природе и человеке: Труды III Всесоюзного совещания по философским вопросам современного естествознания.*— М., 1983.— С. 24.

⁴ Зельдович Я. Б. Современная космология // *Природа.*—1983.—№ 9.— С. 12.

⁵ Новиков И. Д. Эволюция космологических представлений // *Земля и Вселенная.*—1982.— № 6.— С. 38.

И. А. МЕДВЕДЕВА

ДИНАМИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СТИЛЕ НАУЧНОГО МЫШЛЕНИЯ

Сложная природа стиля научного мышления, переориентация методологии науки на выяснение места структур и средств, приемов научно-познавательной деятельности в целостном процессе научного исследования определили особенности разработки этого понятия. Ориентация на системно-структурный подход стала определяющей линией в процессе развития и обоснования содержания понятия «стиль научного мышления».

Проследить динамику развития представлений о стиле мышления — значит, прежде всего, выявить логику становления понятия. Феноменально выраженная в широком круге концепций, подчас противоположных, эта логика имеет внутреннюю линию развития, представленную как процесс становления и разрешения противоречий.

На первом этапе изучения стиля научного мышления доминировал «...вопрос об особенностях фундаментальных исследований, их месте и роли в системе научного познания»¹. Стиль мышления в этот период выступал как познавательный феномен метатеоретического характера, особенно сти которого (категориальный состав знания, определенный тип логической организации знания) полностью задавался господствующей наукой или какой-либо фундаментальной теорией эпохи. Фактически завершение формирования лидирующей теории оценивалось как завершение становления стиля и начало его функционирования уже в более или менее определенном виде. Делался вывод, что стиль научного мышления, сформировавшись на основе лидирующей фундаментальной теории, регулирует соответствующую перестройку других наук.

На этом этапе исследования стиля мышления были выявлены такие его характеристики, как историчность содержания, регулятивный характер, тесная связь с конкретно-историческими особенностями категориального аппарата и структуры теорий лидирующей науки. «Жесткая» связь стиля научного мышления с фундаментальной лидирующей теорией дала определенный простор для понимания эвристической функции понятия: в качестве основы для периодизации этапов научного познания, возможности конкретно-исторического анализа определенных этапов развития науки, выявления специфики взаимодействия наук (взаимоотношения лидера и аутсайдера, процесса интеграции наук и др.), анализа категориальной структуры стиля мышления, иерархичности категориальной структуры теорий, наук.

Завершение первого этапа разработки понятия стиля научного мышления было связано с выявлением противоречий в объяснении генезиса стиля. Исходная посылка о регулятивном, нормативном характере стиля по отношению к научному познанию не согласовывалась с представлениями о «жесткой» связи стиля с фундаментальными лидирующими теориями. Вопрос о генезисе и преемственности в развитии стилей мышления переводился в этом случае в плоскость закономерностей смены одной фундаментальной теории другой. Решение вопроса — «лидер» в науке задает идеалы и нормы построения теории, категориальный аппарат, но «что» задает их самому «лидеру» — выходило за пределы возможностей первоначальных концепций. Разрешение противоречия могло быть найдено при трактовке стиля научного мышления как предпосылочного знания. Идеал лидирующей фундаментальной теории, ее категориальный аппарат не могли быть поняты вне связи с философскими основаниями науки.

Таким образом, первоначальный этап изучения в советской литературе проблемы стиля научного мышления открывал поле дальнейшему на-

учному поиску. Противоречия, обнаружившиеся в ходе развития понятия, стимулировали разработку проблемы в двух основных направлениях: взаимосвязь стиля научного мышления и идеалов науки; взаимосвязь научного мышления и категориальных структур науки. Общим и обязательным для развития этих проблем было уточнение формы и содержания связи стиля научного мышления с философским знанием.

Оба направления исходили из представлений о стиле научного мышления как о предпосылочном знании. В процессе разработки обоих направлений стиль научного мышления стал определяться как «исторически сложившаяся, устойчивая система общепринятых методологических нормативов и философских принципов, которыми руководствуются исследователи в данную эпоху»; система принципов и нормативов, «детерминирующих структуру научного знания, его конкретно-историческую форму»². Выяснение предпосылок «лидерства» той или другой фундаментальной теории в науке привело к принципиально иному пониманию соотношения стиля научного мышления и теории. «...Не сам по себе выход вперед какой-либо отрасли знания представляет стержневой момент формирования единого стиля научного мышления соответствующей эпохи, а философское осмысление и обоснование места и роли отдельных дисциплин, фундаментальных теорий во всей системе научного знания...»³ становится главным для понимания стиля мышления и фундаментальной теории.

Таким образом, стиль научного мышления выступает как нормативное знание, предпосылочное научному исследованию и воплощающееся в нем. Но в такой постановке вопрос о «месте» формирования идеалов научной деятельности, предшествующих выработке норм этой деятельности, встает еще более остро. Решение этого вопроса, в свою очередь, потребовало более четкой субординации элементов системы научно-познавательных детерминант, определенности в оценке роли философии.

Например, попытка Микешиной Л. А. представить стиль научного мышления (наряду с картиной мира и методом) как элемент в системе детерминант научного познания, где метод обусловлен стилем, а стиль — картиной мира, показала, что слишком общий характер решения вопроса о конкретной форме взаимосвязи стиля с философией приводит к противоречиям и расплывчатости в определении внутренней структуры стиля, его взаимоотношений с другими элементами в системе детерминант науки.

Достаточно сказать, что в указанной точке зрения философские принципы и идеи включались в стиль мышления. Поскольку не указывались критерии отбора философских принципов, служащих основанием стиля и включенных в него, постольку, по логике, в него могла быть включена вся система философского знания, что не только неправомерно, но порождает новые противоречивые выводы.

Этот пример позволяет подойти к пониманию одного из главных противоречий развития понятия стиля научного мышления. Представления о структуре стиля научного мышления, механизме его преобразования, закономерностях формирования идеалов науки зависят от выяснения соотношения «философия — стиль научного мышления» и, наоборот, правильное решение указанного соотношения требует ясности в вопросах о структуре научно-познавательных детерминант и статусе стиля научного мышления в этой структуре.

Таким образом, вопрос о том, в какой мере и в какой форме в стиле научного мышления реализуется связь с философским знанием, показал, что категориальное значение понятия стиля научного мышления гораздо шире, чем это утверждалось первоначальными представлениями о нем. стиль мышления обладает междисциплинарным характером, является элементом механизма развития науки, «проводником» философии в естественнонаучном знании, т. е. включен в фундаментальную проблему взаимоотношений философии и науки.

Дальнейшее развитие проблемы (на основе более содержательных представлений о стиле мышления) возвращалось к уточнению природы стиля, механизмов его формирования. Это уточнение вновь шло через глубокое переосмысление первоначального соотношения стиля мышления и лидирующей теории. Лидирующие теории, будучи сами результатом становления нового стиля научного мышления, фокусируя наиболее значимые черты его, из «порождающих» определенный стиль становятся «порождаемыми», проводниками сущности стиля мышления. Фокусируясь в фундаментальных теориях, элементы содержания стиля мышления приобрета-

ют нормативный характер⁴. Таким образом, стиль научного мышления становится результатом развития науки в целом, продуктом метатеоретической взаимосвязи научных теорий, а не отдельной лидирующей фундаментальной теории. Но это не значит (как утверждает Кравец С. А.), что стиль является только внутринаучным феноменом. С самого начала динамика исследований закономерно вела к конкретизации содержания взаимоотношений стиля научного мышления и философии, уточнению форм этой связи. На первом этапе изучения стиля лишь указывалось на его глубокую связь с философией, затем осуществлялась попытка сделать философское знание наиболее широким основанием стиля, внести философские принципы в его структуру; обосновать стиль мышления как форму исторического выражения философского метода.

Думается, что наиболее плодотворной является концепция стиля мышления и, в частности, связи стиля научного мышления с философским знанием, разрабатываемая в настоящее время Степиным В. С., Козловой М. С., Зеленковым А. И. и др. Эвристичность их подхода проявляется в том, что они рассматривают тесную взаимосвязь между изменением стиля в ходе научных революций (и, соответственно, идеалов познания) и философской рефлексией над основаниями науки. Научная картина мира и определенная система философских принципов обеспечивают введение стиля в культуру, т. е. определяют его общезначимость для всего научного сообщества. Философская рефлексия над основаниями науки (и стилем в том числе) не только позволяет увидеть ограниченность старых идеалов научности и выработанных на их основе норм и правил научного исследования, но и участвует в сложном многоступенчатом процессе выработки новых идеалов. Сами идеалы научности не могут быть выработаны внутри самой науки, так как они необходимо имеют мировоззренческую, философскую основу, должны базироваться на том или ином понимании основной гносеологической проблематики. Такое понимание стиля научного мышления, генезиса идеалов научного познания ставит вопрос о стиле мышления как об одном из интегрирующих компонентов культуры определенной эпохи. Это убедительно показывают работы указанных исследователей, выявляющие тесную связь идеалов науки с вненаучными сферами духовного производства, например, искусством.

Выяснение сложнейшего процесса становления новых теорий, происходящего в рамках научных революций, означает, прежде всего, изменение определенного категориального состава науки. Соответственно этому в основе каждого конкретно-исторического стиля мышления лежит определенная система категорий. Выяснение функций категориальной структуры стиля, причин и условий ее трансформации становится одним из интенсивно разрабатываемых направлений в исследовании стиля научного мышления.

В начальный период исследования стиля научного мышления представления о его категориальном составе полностью определялись категориальным строем мышления ведущей фундаментальной теории, которой являлась категория детерминизма. Утверждалось, что конкретно-исторические особенности детерминизма определяют и особенности логической структуры знания. Исследователи переходили от анализа конкретных форм детерминизма определенных стилей научного мышления к рассмотрению эвристических возможностей определенных категориальных систем научного объяснения, выяснению закономерностей их дифференциации, а также к анализу соотношения категорий философии с категориями культуры⁵. В настоящее время в работах данного направления ставятся и обсуждаются следующие вопросы: чем определяется изменение категориальных структур, лежащих в основе стилей мышления? Если эти системы категорий историчны и преемственны, то формой выражения или реализацией развития какого, более глубокого, основания эти системы категорий являются? В связи с постановкой данных вопросов заслуживают внимания представления о том, что основанием изменений категориальной системы стиля научного мышления является философский метод. В такой трактовке стиль определяется как «...духовно-технологические приемы и законы исторической связи всеобщего метода с конкретным материалом духовного воспроизведения эпохи»⁶. Таким образом, стиль мышления предстает как реализация связи между категориями культуры и категориями философии определенной исторической эпохи.

Взаимосвязь и единство основных направлений развития содержания понятия стиля научного мышления проявляется в том, что они объективно выходят на проблему взаимосвязи стиля с философией. Глубокая историко-культурная детерминация формирования стиля ориентирует на более широкое понимание его как звена в механизме «духовной технологии» определенной эпохи. Расширяется категориальное значение понятия, выявляется его культурно-историческая сущность.

Итак, настоящий период в развертывании понятия стиля мышления характеризуется наличием довольно развитых представлений о структуре стиля, его месте в системе научно-познавательных детерминант, взаимоотношениях с философским знанием. Основные трудности и противоречия сосредоточены в области анализа генезиса стиля, его эволюции, функций в перестройке естественнонаучного знания. Решение этих и других проблем связано, во-первых, с необходимостью активизации исследования конкретно-научного материала. Плодотворность такого анализа показали работы В. С. Степина. Во-вторых, деятельностный подход к анализу стиля мышления позволит обосновать его практическую природу. А это, в свою очередь, даст основания для более глубокого решения проблем истоков возникновения, изменения стилей мышления, их преобразования в науке.

Таким образом, будучи ступенькой в разработке проблемы генезиса науки, в собственном развитии понятие стиля научного мышления в определенной мере воспроизводит путь развития познания, который В. И. Ленин охарактеризовал как «...бесконечный процесс углубления познания человеком вещи, явлений, процессов и т. д. от явлений к сущности и от менее глубокой к более глубокой сущности»⁷.

¹ Сачков Ю. В. Стиль мышления и методы исследования // Материалы III Всесоюзного совещания по философским вопросам современного естествознания.— М., 1981.— С. 258.

² Микешина Л. А. Детерминация естественнонаучного познания.— Л., 1977.— С. 63.

³ Серебрякова Э. С. Место стиля мышления в структуре научного познания // Стиль мышления как выражение единства научного знания.— Воронеж, 1981.— С. 42.

⁴ См.: Степин В. С. Идеалы и нормы в динамике научного поиска // Идеалы и нормы научного исследования.— Минск, 1981; Кравец А. С. Стиль научного мышления как понятие и реальный научный феномен // Стиль мышления как выражение единства научного знания.

⁵ См.: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры.— М., 1972.

⁶ Крымский С. Б., Парохонский Б. Я. Понятие метода и стиля теоретического мышления // Методологические проблемы развития материалистической диалектики.— Л., 1980.— С. 46.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 29.— С. 203.

Р. В. ШУТЬКО

СУЩНОСТЬ И СТРУКТУРА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО БЫТА

Активная гуманистическая социальная политика, провозглашенная XXVII съездом КПСС, является мощным средством ускорения социально-экономического развития страны, подъема трудовой и общественно-политической активности масс, формирования нового человека, утверждения социалистического образа жизни. В системе мероприятий социальной политики особое место занимают вопросы совершенствования бытовой сферы жизнедеятельности человека.

Решение задач совершенствования социалистического быта требует и дальнейшего теоретического изучения бытовой сферы: уточнения понятия «социалистический быт», раскрытия его содержания и структуры. В настоящее время исследование проблем социалистического быта осуществляется по нескольким направлениям, но анализ литературы показывает, что не существует единого общепринятого определения понятия «социалистический быт» и имеются значительные расхождения в его содержательной интерпретации.

Довольно часто понятие «социалистический быт» определяется как совокупность характерных для социализма способов и форм удовлетворения личных материальных и духовных потребностей человека. Однако единого мнения в отношении того, включать в это определение производственную и общественно-политическую сферы жизни человека или же ограни-

чивать содержание данной дефиниции только непроизводственной сферой, не сложилось.

Например, включая в содержание понятия «социалистический быт» производственную и общественно-политическую сферы, приверженцы данной точки зрения считают, что при явной качественной определенности этих сфер общественной жизни между ними существует не только взаимная связь, но и известное взаимопроникновение, что быт при современной его научной организации стал неотъемлемой частью и условием и трудовой, и общественно-политической деятельности.

Мы считаем, что здесь нужны некоторые дополнительные разъяснения. Для того чтобы дать определение понятия «социалистический быт», необходимо рассматривать его в качестве самостоятельного объекта, имеющего свои границы, специфику, особые закономерности. Без такого вычленения вообще невозможно научное познание любого явления или процесса, в том числе и быта.

В реальной действительности быт имеет свои существенные специфические признаки, которые сводятся к потреблению материальных и духовных благ. Если исключить потребление, то быт перестанет быть специфическим явлением социальной действительности, лишится своих основных черт. Речь идет о непроизводственном потреблении материальных и духовных благ в отличие от производственного потребления, потребления средств производства. Мы не можем отрицать наличия элементов трудовой деятельности в быту (в домашнем хозяйстве, в личном подсобном хозяйстве), но эти элементы не являются главными определяющими для быта как социального явления.

В целях дальнейшего анализа этой сферы человеческой жизни необходимо исходить из того, что реальный быт — явление неоднородное, гетерогенное, охватывающее различные стороны социального организма. Сложность и многогранность социалистического быта требует рассмотрения его в неразрывной взаимосвязи с другими явлениями общественной жизни.

В. И. Ленин, ограничивая понятие «быт» только непроизводственной сферой жизни человека, выделял одновременно производственный быт, обозначая его терминами «фабричный быт», «горнозаводской быт»¹. Следовательно, не отрицая того, что социалистический быт является непроизводственной сферой, необходимо различать формы проявления этого социального явления в различных областях жизни человека (производственной, общественно-политической).

Названные формы проявления быта нет необходимости включать в определение понятия «социалистический быт». Данное определение должно быть наиболее общим и кратким, раскрывающим сущность социального феномена. Этому требованию и соответствует функционально-содержательное определение, ограничивающее сущность социалистического быта непроизводственной сферой потребления материальных и духовных благ.

Но и сведение сущности социалистического быта только к удовлетворению личных материальных и духовных потребностей человека будет неверным. Во-первых, «...человек не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а воспроизводит себя во всей целостности»². Это означает, что процесс становления, развития и формирования человека как социально-активной личности происходит и должен происходить во всех сферах общества (производственной, общественно-политической, бытовой и др.). Если же ограничить сущность и содержание социалистического быта только потреблением материальных и духовных благ, то его роль в жизни нашего социалистического общества ограничится оптимальной организацией процесса удовлетворения потребностей человека. Проблема же формирования творческой, социально-активной личности не ставится и не решается при таком подходе, так как роль человека в быту ограничена пассивным потреблением материальных и духовных благ. Во-вторых, необходимо показать качественное отличие социалистического быта от быта капиталистического общества, в котором на первый план выдвигаются функции, связанные с восстановлением и воспроизводством рабочей силы. Все элементы бытовой сферы жизни человека развиваются здесь лишь постольку, поскольку они способствуют обеспечению производства рабочей силой необходимого качества. В социалистическом обществе потребление ради потребления (в целях формирования условий для воспроизводства работника) не было никогда идеалом социализма. Социалистический быт является такой сферой жизнедеятельности человека, где формируются и развиваются его «сущностные силы».

Следовательно, определение понятия «социалистический быт» должно отражать не только процесс удовлетворения личных материальных и духовных потребностей человека, но и направленность на формирование разумных потребностей. Роль человека в сфере социалистического быта не будет ограничиваться пассивным потреблением материальных и духовных ценностей. Исходя из идеала разумных потребностей, человек вырабатывает определенные меры и качество потребления и, следовательно, ведет себя в быту как творческая, социально-активная личность. Проблема формирования разумных потребностей в бытовой сфере жизнедеятельности человека очень актуальна в современных условиях, так как определяющим критерием разумности потребностей является «...развитие личности, совершенствование ее духовных и физических качеств, реализация ее творческих сил и задатков»³.

Таким образом, социалистический быт — это непродовольственная сфера общественной жизни, в которой происходит формирование и удовлетворение разумных потребностей в интересах всестороннего и гармоничного развития человека. Социалистический быт имеет сложную и многогранную структуру, которая отражает экономические, естественно-географические условия жизнедеятельности людей, социально-классовую структуру общества.

Рассматривая быт с точки зрения его основной функции — удовлетворения личных материальных и духовных потребностей человека, необходимо выделять в его структуре соответствующие стороны. Материальная бытовая сторона (или «материальный быт», как употреблял это понятие В. И. Ленин) включает все, что связано со способами и формами удовлетворения материальных потребностей людей. Сюда относятся: жилищные условия, материально-вещная среда, питание, организация коммунального, торгового, бытового обслуживания.

Значительное и относительно самостоятельное место в структуре социалистического быта занимает его духовная сторона, включающая то, что характеризует удовлетворение духовных потребностей человека. Это и система бытового общения советских людей, которая характеризуется высокой коммунистической идейностью и нравственностью, гуманностью и товариществом, дружбой и взаимопомощью. Сюда относятся сложившиеся и получившие широкое распространение новые социалистические обычаи, обряды, праздники.

В условиях социализма происходят коренные преобразования материальных и духовных сторон быта: совершенствуются структура и качественные характеристики бытовых потребностей, как материальных, так и духовных. удовлетворение материальных потребностей все в большей степени соединяется с реализацией духовных.

С точки зрения характера потребления в быту выделяют: индивидуально-организованную (чаще ее называют домашней) и общественно-организованную формы (организуется за счет государственных предприятий и учреждений). Традиционной формой быта в этом плане считается индивидуальный. Но более прогрессивной формой является общественный быт и закономерной тенденцией его развития является совершенствование его общественной формы. В. И. Ленин всегда рассматривал вопрос о перестройке мелкого домашнего быта и замене его крупным общественным как неотъемлемую часть общей задачи социалистического и коммунистического строительства. Он подчеркивал, что «настоящий коммунизм начнется только там и тогда, где и когда начнется массовая борьба против этого мелкого домашнего хозяйства, или вернее, массовая перестройка его в крупное социалистическое хозяйство»⁴.

Особое место в системе общественного быта как его разновидность занимает производственный, роль которого в современных условиях особо возрастает. Обычно в понятие «производственный быт» включаются: условия труда и отдыха трудящихся в сфере производственной деятельности, охрана и гигиена труда, медицинская помощь по месту работы, удовлетворение ряда потребностей на производстве (питание, кратковременный отдых и т. д.).

Структура социалистического быта включает и такой важный элемент, как бытовая деятельность. Виды трудовой деятельности в бытовой сфере разнообразны: домашний труд, труд в личном подсобном хозяйстве, воспитание детей и уход за ними, учеба и самообразование, занятие самостоятельным творчеством и др.

Закономерно выделение и такого структурного элемента быта, как социально-классовый. Содержание бытовой жизнедеятельности социальных слоев, групп, классов (интеллигенции, рабочего класса и крестьянства, наций, народностей и т. д.) является важной характеристикой общества. Социальная политика партии и государства в области совершенствования быта направлена на стирание бытовых различий между социальными группами, классами, нациями, народностями. Это проявляется в подъеме культурно-бытового уровня жизни крестьянства до уровня рабочих, инженерно-технических работников, интеллигенции, в насыщении быта всех социальных слоев и групп современной техникой, в улучшении их жизненно-бытовых условий, развитии всех сфер обслуживания.

Таким образом, социалистический быт, отражая степень зрелости общества, постоянно совершенствуется, приобретая качественно новые черты и особенности. Среди них наиболее характерны: коллективистская природа, проявляющаяся в развитии общественных форм социалистического быта; совершенствование и сближение социально-однородных черт быта социальных слоев, групп, классов, наций, народностей; возрастание социальной роли быта в воспитании всесторонне и гармонически развитой личности, формировании ее разумных потребностей.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 2.— С. 243; Т. 3.— С. 485.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.— Т. 46.— Ч. II.— С. 246.

³ Кавалеров А. И. Формирование и развитие разумных потребностей в сфере социалистического быта // Научный коммунизм.— 1986.— № 3.— С. 68.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 39.— С. 24.

А. А. ТИТОВЕЦ

УЧЕНЫЕ БГУ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА В БОРЬБЕ ЗА УТВЕРЖДЕНИЕ ЛЕНИНСКОГО ЭТАПА НАУЧНОГО АТЕИЗМА

Усвоив и творчески переработав все позитивное, что накопили предшествующие поколения атеистов, классики марксизма-ленинизма вместе с тем сумели вскрыть ряд их ошибок и заблуждений. Так, была преодолена историческая и классовая ограниченность, элитарный характер прежних атеистических учений и устранен чисто гносеологический подход к изучению религии, впервые были указаны пути преодоления религиозных верований. Философской основой атеизма стал диалектический и исторический материализм.

Значительный вклад в развитие атеизма и философии внес В. И. Ленин. Однако в 20-е годы атеистическое наследие В. И. Ленина далеко не всеми советскими философами оценивалось по достоинству.

Определенную недооценку теоретической деятельности В. И. Ленина в области атеизма допускали в это время и некоторые ученые Белгосуниверситета. Совершенно необоснованно упрекал в 1922 году профессор Н. М. Никольский В. И. Ленина и его соратников в том, что для них «религия есть прежде всего объект обличения и нападения, а не изучения и исследования»¹.

Именно В. И. Ленин обращал внимание на необходимость исследования социальной, гносеологической, психологической и классовой детерминации религии. Он не только ввел в оборот понятие «корни религии», но и в ряде своих работ дал блестящую по форме и чрезвычайно глубокую по содержанию характеристику их.

Негативное отношение к некоторым ленинским идеям в период становления советской философской науки тормозило разработку методологии научного атеизма. В частности, многие обществоведы БГУ (С. З. Каценбоген, С. Я. Вольфсон, Н. М. Никольский) оперировали термином «корни религии», однако либо вкладывали в это понятие неадекватное содержание, либо придавали содержанию паллиативный характер.

То же можно сказать и о других ключевых понятиях: религии, ее сущности и социальных функциях. В начале 20-х годов, когда практика антирелигиозного воспитания и сама жизнь поставили перед советскими обществоведами задачу всестороннего научного анализа религии, они оказались в затруднительном положении ввиду того, что не решались отдать

предпочтение какой-либо из многочисленных формулировок, предложенных классиками марксизма-ленинизма. Советские философы отдавали себе отчет в том, что к наследию буржуазного религиоведения (в рамках которого существовало множество концепций происхождения религии и, как следствие, определений ее) следует относиться весьма избирательно; с другой же — они не в состоянии были самостоятельно дать адекватной дефиниции религии.

Так, проф. С. Я. Вольфсон, автор первого в стране учебника по диалектическому материализму, приводил двенадцать (!) дефиниций понятия «религия», принадлежащих философам-идеалистам², даже не попытавшись самостоятельно определить содержание данного явления.

Встречались в печати 20-х годов и разного рода механистические положения, подрывавшие ленинский тезис о необходимости союза философов-материалистов с материалистами-естествоиспытателями с целью успешной борьбы против идеализма и фидеизма. Нужно отметить, что атеисты БГУ в своих антирелигиозных работах часто прибегали к естественнонаучной аргументации своей позиции, в целом поддерживая указанное ленинское положение (Б. Э. Быховский, П. Я. Панкевич, С. З. Каценбоген, Р. В. Выдра и др.). В то же время в высказываниях отдельных ученых проявлялась недооценка роли философии в борьбе с религией. Так, С. Я. Вольфсон солидизировался с американским биологом Жаком Лебом, утверждавшим, что «борьба с суевериями представляет исключительную заслугу естествознания... Лурду и Мекке угрожают не гуманитарные науки, а научная медицина»³.

Названные упущения, имевшие не только методологическое, теоретическое, но и практическое значение, свидетельствовали о синкретичности самой религиоведческой науки, сдерживали развитие научного атеизма и детерминировали изъяны в антирелигиозной работе с населением. Назревала необходимость серьезного анализа создавшегося положения, и поворот в этом направлении наметился в начале 30-х годов, когда научная общественность страны по-новому отнеслась к изучению теоретического наследия В. И. Ленина, обогатившего марксистскую философию и атеизм ценнейшими положениями.

В 1931 году выходит сборник «За поворот на философском фронте». Его авторы (М. Митин, В. Ральцевич и др.), подняв вопрос о состоянии теоретического фронта в философии, показали, что выход из создавшегося положения лежит на пути тщательнейшей разработки ленинских произведений. «По-новому встает проблема: Ленин и Плеханов в философии, — резюмировали авторы сборника. — Вполне назрела сейчас потребность критически пересмотреть ряд моментов плехановского разрешения философских вопросов»⁴.

И хотя такая постановка вопроса не означала, что ставилась под сомнение роль Г. В. Плеханова в развитии философии марксизма, однако творчество этого мыслителя с тех пор следовало рассматривать с точки зрения ленинского этапа в теории марксизма.

Научная общественность университета горячо поддержала давно назревший поворот в отношении ленинского вклада в сокровищницу мировой философской мысли. Одним из первых, кто назвал В. И. Ленина «глубоким мыслителем новой эпохи» и ценил его как философа наравне с К. Марксом, был проф. БГУ Б. Э. Быховский⁵. Проректор университета проф. С. З. Каценбоген также признавал основателя нашего государства блестящим теоретиком, внесшим значительный вклад в разработку научной, материалистической теории познания. В частности, ученый отмечал, что «Ленин подходит к разрешению сложнейших вопросов гносеологии с помощью вернейшего испытанного научного метода — диалектического»⁶.

В 1932 году в Минске была издана книга С. Я. Вольфсона «О ленинском этапе воинствующего атеизма», в которой он проанализировал теоретическое наследие В. И. Ленина в атеистическом аспекте. Главным выводом автора был следующий: «...осознание ленинского этапа воинствующего атеизма является необходимым условием всей нашей антирелигиозной работы»⁷.

Именно под влиянием ленинских работ С. Я. Вольфсон оценил важность изучения социальных корней религии. Ученый обращал также внимание на то, что в работах отдельных советских религиоведов, посвященных изучению проблем генезиса и функционирования религии, совершенно не учитывалось значение разработанного В. И. Лениным учения о со-

циальной и гносеологической детерминации этого явления. С. Я. Вольфсон самокритично признавал, что и сам он в книге «Плеханов», освещая антирелигиозную деятельность, «оставил вне критики ошибки, сделанные Плехановым в этой отрасли и не сравнил деятельность Плеханова с деятельностью Ленина, поднявшего атеизм на новую ступень»⁸. Исправляя этот недостаток, профессор БГУ обстоятельно проанализировал анимистическую концепцию Г. В. Плеханова.

Однако, заострив внимание на теоретических ошибках Г. В. Плеханова, ученый обошел в этой работе то позитивное, что внес великий марксист в копилку религиоведения. Более того, Вольфсон радикальным образом изменил прежнее мнение относительно роли Г. В. Плеханова в изучении социальных корней религии. Например, если ранее он справедливо утверждал, что Плеханов учитывал значимость социального фактора в процессе возникновения религии, то в дальнейшем необоснованно причислил последнего к оппортунистам именно за «игнорирование... социальных корней первобытной религии»⁹.

Не упомянул С. Я. Вольфсон и о трансформации своих собственных взглядов на проблему происхождения религии, хотя она представляется совершенно очевидной, если проследить творческую деятельность ученого на протяжении десяти лет (1922—1932). Так, в работах 20-х годов Вольфсон неоднократно выражал свои симпатии лишь анимистической концепции генезиса религиозных верований, а в начале 30-х годов он признает уже целый комплекс причин и предпосылок, вызвавших к жизни религию, отдавая приоритет социальным.

Эволюция взглядов по рассматриваемой проблеме была свойственна не только С. Я. Вольфсону и другим ученым университета, но также и многим советским исследователям. Эту эволюцию следует, на наш взгляд, рассматривать как совершенно естественный процесс, характерный для периода становления советского религиоведения. Овладение марксистско-ленинской теорией и методологией исследования позволило обществоведам интенсивно и плодотворно изучать многие аспекты проблемы генезиса религии, обогатило их творчество, дало надежную опору для критики всевозможных буржуазно-идеалистических концепций. Так, анализ «новомодных» буржуазных религиозных течений, появление которых было обусловлено развившимся в конце 20-х годов кризисом капиталистической системы, осуществил аспирант университета П. М. Кирюшин.

Интерпретируя причины религиозности мелкой буржуазии, которая в основном и продуцировала новые формы религии, П. М. Кирюшин подчеркивал неустойчивость ее социального статуса среди остальных классов современности, — «отсюда безнадежное отчаяние, которое проходит красной нитью через всю ее идеологию». Несмотря на внешнюю многообразность всевозможных религиозных объединений, между ними не существует принципиальных отличий, они, выражаясь ленинскими словами, «так же отличаются друг от друга, как желтый черт от зеленого». Более того, предостерегал исследователь, основываясь на выводах работ В. И. Ленина, — «нет никакого сомнения в том, что в годину грозного испытания для буржуазии все оттенки религиозной мысли сольются и буржуазия... выступит единым фронтом под знаменем религии и бога против революции»¹⁰.

Таким образом, глубина и прочность овладения теорией и методологией марксизма-ленинизма уже в те годы стали определяющими критериями эффективности научных изысканий и творческого роста профессорско-преподавательского состава БГУ имени В. И. Ленина. Те из ученых, кто опирался в своих исследованиях на положения и выводы классиков марксизма-ленинизма, внесли заметный вклад в науку (Н. М. Никольский, Б. Э. Быховский, С. Я. Вольфсон, В. И. Пичета, В. Н. Перцев и др.). Те же, кто полагался на позитивистский и прочий немарксистский философский багаж, вынуждены были признать впоследствии несостоятельность своих научных поисков.

В целом же белорусские обществоведы способствовали признанию и утверждению ленинского этапа в истории философии и атеизма, а их научные изыскания, осуществленные в рамках этого процесса, во многом не утратили своей ценности по настоящее время.

¹ Никольский Н. М. Религия как предмет науки.— Минск, 1923.— С. 41.

² См.: Вольфсон С. Я. Диалектический материализм. Изд. 6-е.— Минск, 1926.— С. 301.

³ Вольфсон С. Я. Диалектический материализм. Изд. 7-е.— Минск, 1929.— С. 459.

⁴ Митин М., Ральцевич В., Юдин П. О новых задачах марксистско-ленинской философии // За поворот на философском фронте.— М., 1931.— С. 22.

⁵ Быховский Б. Материализм и диалектика в творчестве В. И. Ленина // Под знаменем марксизма.— 1924.— № 2.

⁶ Каценбоген С. З. Историческое значение Ленина // Вперед.— 1925.— № 4.— С. 56.

⁷ Вальфсон С. Я. Аб ленинскім этапе ваяўнічага атэізму.— Мінск, 1932.— С. 24.

⁸ Там же.— С. 25.

⁹ См.: Вольфсон С. Я. Плеханов.— Минск, 1924.— С. 231, 236; Его же. Аб ленинскім этапе ваяўнічага атэізму.— С. 53.

¹⁰ Кірушын П. М. Сучасныя рэлігійныя настроі буржуазіі.— Мінск, 1931.— С. 11, 50.

Г. А. КРУГЛОВА

КРИТИКА РЕЛИГИОЗНО-ИДЕАЛИСТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ОБЩЕСТВА И ПРИРОДЫ

Проблема взаимодействия общества и природы находится в одном ряду с такими глобальными проблемами современности, как сохранение мира на Земле, прекращение гонки вооружений, предотвращение войн. «Все отчетливее вырисовывается, — говорил М. С. Горбачев на XXVII съезде КПСС, — потребность в эффективных международных процедурах, которые обеспечивали бы рациональное использование ресурсов планеты как общечеловеческого достояния»¹.

Человечество все острее испытывает отрицательные последствия неразумного обращения с природой. В развитых капиталистических странах почти 90 % всех речных бассейнов отравлены химическими отходами. Как отмечает В. Ф. Бартов, важнейшие реки Европы Рейн, Сена, Лаура «превратились в крупнейшие сточные каналы континента»². Резко повысилось содержание опасных для человека веществ и в продуктах питания, особенно морских.

Находясь в органической связи и тесно переплетаясь с социальными экономическими, политическими противоречиями современного мира, экологические проблемы неизбежно вызывают столкновение интересов различных классов, социальных групп, политических партий и т. д. Они все очевидней приобретают ярко выраженную политическую окраску и тем самым обращаются «новым фронтом классовой борьбы»³. Буржуазная идеология пытается навязать общественности такие установки и представления, которые отвечали бы интересам монополитической верхушки.

Вместе с буржуазными идеологами в разработку экологических проблем активно включились и церковные деятели. Здесь необходимо отметить тесную связь идеалистической философии и религии, на которую указывал В. И. Ленин⁴. Не ослабевает эта взаимосвязь и в наши дни. Современная буржуазная философия зачастую занимается реставрацией забытых или полужабытых учений, в том числе и религиозных, а церковь стремится использовать буржуазную философию для укрепления своих сильно пошатнувшихся позиций.

В религиозно-идеалистических экологических концепциях наряду с модными теориями, призывающими к возврату к докапиталистической стадии развития и сочетанию науки с религией, сохраняется и традиционный подход, на позиции которого стоит, например, немецкий богослов Г. Лидке. Он видит причину нарушения гармонии между человеком и природой в «первородном» грехе человечества. По мнению Г. Лидке, человек в результате грехопадения был исключен из круга природы. Восстановление этой гармонии возможно лишь в будущем и существует как эсхатологическая цель.

Эту точку зрения поддерживают и представители Русской православной церкви (митрополит Алексей и доцент Московской духовной академии М. С. Иванов), которые, объясняя причину экологического кризиса «первородным» грехом, его преодоление видят в «покаянии грешника». По их мнению, до греха человек осваивал природу гармонично, а после ему пришлось делать это трудом и ценой больших ошибок «в длительном процессе исторического развития на избранном пути познания добра и зла»⁵. Тем

самым богословы стараются всеми силами затушевать истинные социальные, классовые причины возникновения экологического кризиса.

Интересна и позиция А. Тойнби, который называет себя «мыслителем религиозного плана». Проблемы экологии он рассматривает в тесной связи с человеческой непредусмотрительностью, обусловленной якобы тем, что монотеистические религии сняли ограничения с человеческой алчности и нарушили традиционные отношения между человеком и природой. «Обожествление природы — первоначальная религия всего человечества — оказалось скрытым под непрозрачным наслоением христианства, ислама»⁶. Хищническое отношение человека к природе, считает он, сформировалось не в результате стихийно развивающихся производительных сил в антагонистических обществах. Оно является следствием отхода человека от древних религиозных культов, обожествлявших Землю со всеми ее богатствами. Отсюда делается вывод, что «лекарство, нужное современному человечеству, — это отход от монотеистического мировоззрения к политеистическому, более древнему и повсюду распространенному...», т. е. возврат назад, к древности. И далее: «Мировоззрение, которое вытекает из этих более мудрых и менее агрессивных религиозных и философских традиций, подает нам сегодня надежду на спасение человечества»⁷. Итак, спасение заключается опять же в религиозной вере. При этом А. Тойнби умалчивает, что религия древних людей была порождена определенными социально-экономическими отношениями. Он удивительным образом «не замечает», что его концепция фактически ведет цивилизацию не к улучшению взаимодействия общества и природы, а к отказу от разумного использования природных богатств на благо человечества, к отказу от всех благ.

Всемирный совет церквей тоже провозгласил, что кризис окружающей среды можно разрешить, опираясь только «на веру в сверхъестественное, веру в сотворение мира богом». При этом в экологическом кризисе обвиняются наука и техника, материализм и атеизм, но нигде не называется его истинный виновник — капитализм.

Хотя среди богословов в объяснении причин экологического кризиса и предлагаемых ими путях и средствах его разрешения имеются разногласия, однако в целом они придерживаются двух основных направлений — пессимистического и оптимистического. Теологи-пессимисты предлагают отказаться от дальнейшего экономического роста и НТР, а теологи-оптимисты утверждают, что «христианская цивилизация» избежит экологического кризиса, если поставит научно-техническую революцию под контроль церкви.

Наиболее характерной для пессимистического экологического направления является концепция «нового аскетизма» (Ф. Элдер, Д. Кобб, Г. Дали). Она созвучна с буржуазными концепциями «пределов роста», «нулевого роста», «органического роста». Использование богословами для своих концепций теоретических построений буржуазной идеологии не случайно. Как справедливо замечает П. Г. Голченко: «Религиозные прочтения и светские прогнозы о «закате цивилизации» имеют общую социальную основу — утрата оптимистической веры в будущее буржуазного класса»⁸. Идеологи этого направления считают, что именно «новый аскетизм», элементами которого являются «ограничение», «почитание всего живого», способ привести к замене «эксплуатации природы ее гармонией». «Мы, — подчеркивает Ф. Элдер, — должны быть более умеренными в потреблении природных ресурсов, ограничить рост народонаселения и развивать чувство благоговения перед живым»⁹. С подобными заявлениями выступает и Д. Кобб: «Теологи должны участвовать в разработке нового образа жизни... Нам следует развивать новый аскетизм, основой которого должна выступать не экономика, а экология»¹⁰. Главными принципами этой концепции являются: ограничение экономического роста и потребления, ограниченный рост народонаселения и «отказ от роскоши». Теологи часто с благоговением говорят о «старых добрых временах» средневекового христианства с его духом «хозяйственного аскетизма», воздают хвалу монастырям.

С точки зрения «хозяйственного аскетизма» теологи рассматривают и проблему истощения природных ресурсов. Так, например, Г. Дали призывает к экономному использованию естественных ресурсов, ограничению нашего «биофизического бюджета», что будет соответствовать тому долгу, «который возложил на людей творец, передав им управление творением»¹¹. Воспевание «всеобщего ограничения потребностей» по сути носит реакционный, антисоциальный характер. Реакционная сущность дан-

ной теории состоит уже в том, что сокращение расширенного воспроизводства влечет за собой увеличение безработицы и «замораживание» заработной платы.

Следует учитывать, что призывы к отказу от экономического роста адресуются всему миру, в них игнорируется принципиальная разница между уровнями развития и формами общественного устройства государств. Тем самым фактически предлагается закрепить экономическую отсталость стран «третьего мира», а индустриально развитым странам Запада позволить и дальше разрушать мировую природу.

Не меньшей критики заслуживает и оптимистическое направление (Ч. Бирч, А. Дюма). Суть его сводится к преувеличению роли религии, религиозной нравственности как решающих факторов в регулировании экологических процессов. Представители этого направления считают, что выход из экологического кризиса состоит в необходимости дополнения мер чисто технического порядка религиозно-этическими нормами. При этом гармоничное взаимодействие общества и природы возможно лишь с включением в эти отношения третьего его компонента — трансцендентного божественного начала — и с утверждением так называемой «жизненной этики», сущность которой сводится к известному высказыванию А. Швейцера о том, что «этика — это бесконечно расширенная ответственность перед всей жизнью»¹². Для решения экологических проблем, по мнению сторонников этой теории, необходимо «пересмотреть этику, с тем, чтобы она могла более полно отразить нашу солидарность со всеми живыми созданиями, так же как нашу ответственность перед природой»¹³. Таким путем теологи пытаются затушевать проблему классовых антагонизмов и представить церковь главной силой решения экологических проблем, главным духовным фактором преодоления всех кризисных явлений цивилизации.

В отличие от концепции «нового аскетизма» это направление получило широкое распространение и в православии (митрополит Таллинский и Эстонский Алексей, профессор Ленинградской духовной академии Н. А. Заболотский). Православные богословы не только превозносят роль христианской религии в утверждении гармоничных отношений между обществом и природой, но и непосредственно связывают отрицательные последствия их взаимодействия с искажением подлинно христианских принципов. Они пытаются доказать зависимость характера взаимодействия общества и природы от характера религиозных верований. Но еще К. Маркс доказал, что «определенное отношение к природе обуславливается формой общества и наоборот»¹⁴. А религия лишь отражает в специфической форме те отношения к природе, которые складываются в обществе под влиянием господствующих социально-экономических отношений.

Богословы не ограничиваются провозглашением общих принципов преодоления экологического кризиса. Они призывают верующих не быть равнодушными к отрицательным последствиям воздействия человека на природу, поддерживать все мероприятия по охране окружающей среды. Подобные заявления созвучны духу времени и не раскрывают мировоззренческой направленности религиозной концепции «преодоления» экологического кризиса на нравственной основе. Между тем нравственные представления богословы ставят в прямую зависимость от религиозного сознания, от веры в бога.

Богословский анализ особенностей экологического кризиса и путей его преодоления формирует извращенное представление о его реальных социальных причинах, породивших отрицательные последствия. Смещая эти причины в сферу религиозных иллюзий, теологи предлагают и иллюзорные пути преодоления экологического кризиса, в то время, как его возникновение и преодоление обусловлены целым рядом социально-экономических и общественно-политических причин.

Несмотря на многообразие религиозно-идеалистических экологических концепций, все они опираются на религию как основную силу, способную решить все проблемы. Так, Л. Уайт считает необходимым для решения экологических проблем создать новую религию или реформировать старую. У. Дуглас призывает к созданию «экологической религии». Г. Хиршфельдт считает, что решению экологических проблем будут способствовать «новое искусство и новая религия».

Утверждение, что без религии и церкви невозможно преодолеть экологический кризис, принижает значение НТР, значение человеческого разума и его силы. Подлинно научный анализ причин и способов решения

экологических проблем возможен только на основе диалектико-материалистического подхода к проблеме взаимодействия общества и природы.

¹ Горбачев М. С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза.— М., 1986.— С. 23.

² Бартов В. Ф. Разрушение природной среды.— М., 1981.— С. 19.

³ Hall G. Ecology: Can We Survive under Capitalism?— New York, 1972.— P. 83.

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 29.— С. 322.

⁵ Журнал Московской патриархии.— 1974.— № 3.— С. 45.

⁶ Тойнби А. Средство спасения? // Наука и религия.— 1974.— № 9.— С. 70.

⁷ Там же.— С. 71.

⁸ Голценко П. Г. Социальный прогресс и богословские утопии.— Одесса, 1980.— С. 39.

⁹ Elder F. The New Ascetism. // Environment and Society.— New York, 1974.— P. 327.

¹⁰ Cobb J. The Population Explosion and the Rights of the Subhuman World. // Environment and Society.— New York, 1974.— P. 321.

¹¹ Daly H. The Ecological and Moral Necessity for Limiting Economic Growth. // Faith and Science in an Unjust World.— Geneva, 1980.— Vol. 1.— P. 214.

¹² Швейцер А. Культура и этика.— М., 1973.— С. 183.

¹³ Humanity, Nature and God. // The Ecumenical Review.— Geneva, 1979.— Vol. 31.— № 4.— P. 416—417.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 3.— С. 29.

М. Ю. ТЕНЯНКО

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Методологическим основанием исследования понятия «религиозные отношения» является характеристика более общего понятия — общественные отношения. Рассмотрение закономерностей общественного развития невозможно без применения указанной категории и производных от нее понятий: «производственные отношения», «идеологические отношения», «нравственные, религиозные отношения» и др. Все общественные отношения К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин подразделяли на материальные как «первоначальные» и «духовные» как «вторичные, надстроечные»¹.

Религиозные отношения — это исторически определенные отношения между людьми, сложившиеся в результате формирования у них ценностных ориентаций, вытекающих из религиозного объяснения действительности. Эти отношения возникают тогда, когда имеются отношения господства-подчинения (например, господство над человеком сил природы или же классовый гнет).

Религиозные отношения как надстроечные нельзя рассматривать изолированно от материальных. В классово-антагонистическом обществе религиозные отношения испытывают влияние всей системы общественных отношений и, в свою очередь, оказывают определенное влияние на них. Идеологический характер религиозных отношений тесно связывает их с политическими, правовыми, моральными и другими идеологическими формами общественных отношений.

Краеугольное марксистское положение о делении общественных отношений на материальные и идеологические, о том, что идеологические отношения в отличие от материальных, прежде чем сложиться, проходят через сознание людей, позволяет понять, как осуществляется переход от материальных отношений к религиозным. Экономические и социальные отношения (прежде всего — зависимости человека) отражаются в общественном сознании. На этом уровне происходит формирование идей, представлений о сверхъестественном. Реализация же этих представлений и составляет религиозные отношения.

В отличие от других надстроечных отношений, религиозные отстоят дальше всех от материальных отношений, обладая большей относительной самостоятельностью. Это происходит вследствие того, что экономические отношения косвенно оказывают влияние на религиозные, опосредуясь политическими и правовыми. В классовом обществе политические отношения оказывают постоянное воздействие на развитие религиозных отноше-

ний, а также на деятельность церковных организаций. Но взаимодействие политических и религиозных отношений носит двухсторонний характер: не только политические отношения и деятельность тех или иных классов оказывают влияние на религиозные отношения и деятельность религиозных организаций, но и религиозные отношения, в свою очередь, играют определенную политическую роль и оказывают влияние на политическую жизнь общества. Происходит это, главным образом, потому, что, во-первых, во многих странах мира существуют различные клерикальные партии, которые оказывают значительное влияние на политику. Во-вторых, уход в религию угнетенных классов порождает у них пассивность по отношению к политике и классовой борьбе. Из всех надстроечных отношений классово-антагонистического общества политические теснее всего связаны с правовыми и религиозными отношениями. Характер взаимодействия политических, правовых и религиозных отношений зависит от многих факторов, в том числе, от влияния на массы религиозной идеологии, от той роли, которую играют в общественной жизни конфессиональные организации, от их экономического положения, объема их политических прав, от формы государственно-церковных отношений.

В зависимости от места религии в обществе религиозные отношения в большей или в меньшей степени взаимодействуют и с другими элементами идеологических отношений, в частности, нравственными и эстетическими. Нравственные и эстетические отношения, вопреки богословским утверждениям, возникли раньше религиозных. В процессе практической деятельности, независимо от религии развивались отношения сотрудничества и взаимопомощи, формировалось эстетическое отношение к окружающему миру. Нравственные отношения — это реальные взаимоотношения между личностью и определенными социальными общностями, складывающиеся под влиянием моральных норм и оценок. В этической литературе выделяется ряд функций, которые выполняют нравственные отношения: регулятивная, воспитательная, коммуникативная и др., но главной из них большинство ученых считает регулятивную функцию. Религиозные предписания касаются не только культового поведения, но и всей общественной и личной жизни человека и, таким образом, религиозные нормы, наряду с нравственными, выполняют регулятивные функции. Это приводит к тому, что в классово-антагонистических обществах нравственные отношения как бы «поглощаются» религиозными. Такое «поглощение» происходит потому, что нравственные и религиозные отношения в известном смысле дублируют друг друга, причем религия претендует на идеологическое обоснование и освящение всех норм и обычаев. Конфессиональные организации активно влияют на формирование нравственных предписаний, воздействуя при помощи их на чувства и поведение людей, на общественные отношения, подкрепляя их религиозными санкциями. Клерикальные идеологи всех направлений пытаются внушить верующим (а, по возможности, и неверующим) мнение, что нравственные отношения могут развиваться только в рамках религии. Богословы, устанавливая «необходимую» связь религиозных и нравственных отношений, заботятся, прежде всего, об авторитете религии, считая, что связь с нравственностью укрепляет влияние религии на людей. Специфика религиозной нравственности состоит в том, что ее первоисточником являются представления о сверхъестественном, страх перед ним, вера в постоянный контроль всевышнего за действиями каждого человека. Таким образом, религиозно-нравственные отношения отличаются от собственно нравственных своим трансцендентным характером, так как состоят, в значительной степени, из иллюзорных отношений людей к богу. А религиозно-нравственные нормы, которые регулируют отношения между людьми, также рассматриваются через призму отношения к богу и подчинены им. Однако, несмотря на длительное господство религиозных отношений в области нравственности в классово-антагонистических обществах, даже здесь, по выражению Г. В. Плеханова, «связь между моралью и религией, казавшаяся неразрывной, осуждена на исчезновение в силу прогресса человеческого разума»².

В настоящее время религиозные отношения занимают различное место в структуре общественных отношений, приобретают тот или иной характер в разных странах в зависимости от общественного строя, национальных традиций. Значимость религиозных отношений зависит от уровня и характера развития экономики, соотношения классовых сил, от степени активности религиозных организаций. Чем больше влияние на обществен-

ную жизнь оказывает религия, тем в большей мере религиозные отношения «срастаются» с другими идеологическими отношениями, которые в этом случае несут на себе религиозно-культовый отпечаток. По мере уменьшения влияния религии в обществе сфера влияния религиозных отношений заметно сокращается, а идеологические общественные отношения меняют сакральную «окраску» на светскую.

Для исследования содержания современных религиозных отношений необходимо рассмотреть их генезис.

В первобытно-общинном строе главными социальными отношениями людей были кровно-родственные. Через призму этих отношений первобытный человек рассматривал свое отношение к природе (так появился тотемизм) и к окружающим его людям (культ предков). Сначала человек мог осознавать только ближайшую, непосредственно воспринимаемую среду, т. е. те предметы и явления, которые имели отношение к его практической деятельности. Основываясь на этнографических, археологических исследованиях, можно сказать, что первой ступенью олицетворения была фетишизация, т. е. отношение к предметам и явлениям природы как к чему-то, обладающему сверхъестественными свойствами. Уже на ранних ступенях развития человеческого общества и религии, с появлением тотемизма, фетишизма и, особенно, анимизма мир в сознании людей как бы раздваивается (мир реальный и иллюзорный, с которым первобытный человек находится в определенных отношениях). Это раздвоение мира и усложнение отношений, как в действительном, так и в сверхъестественном мире, увеличивается с появлением классового общества. Многие элементы первобытных верований перешли в религиозные системы классовых обществ, приобретая соответствующую им направленность. В греческой, римской мифологии отношения людей к богам, «отношения между богами» несут ярко выраженный классовый характер, и таким образом отражают действительные отношения между людьми. Появившиеся политические и правовые отношения влияют на содержание религиозных отношений и, в свою очередь, освящаются религией. Земные владыки оказываются всегда прямыми наследниками богов.

В рабовладельческом обществе интенсивно протекают процессы социальной дифференциации, появляется и обособляется особая общественная группа — жрецы, священнослужители, к которым миряне относятся как к ставленникам бога на земле. Возникновение христианства отразило кризис рабовладельческих отношений. Оно довольно быстро завоевало широкие народные массы потому, что в раннем христианстве отношения в общинах строились на основе равенства всех верующих. Когда же христианство из религии угнетенных превратилось в религию господ, в нем стали преобладать отношения господства-подчинения, несвободы, зависимости, а сохранившиеся элементы отношений равенства и братства полностью переносятся в потусторонний мир.

Почему же христианские религиозные отношения и представления на протяжении многих веков составляли чуть ли не ядро идеологических общественных отношений? Одна из основных причин этого феномена заключается в том, что христианские религиозные отношения, порожденные пороками и противоречиями материальных отношений рабовладельческого общества, имели благоприятную почву в социальных антагонизмах последующих эпох.

В эпоху феодализма отношения личной зависимости эксплуатируемых и внеэкономическое принуждение составляли сложную и разветвленную иерархическую систему, пронизывая все элементы общественной жизни. Место каждого человека на социальной лестнице зависело не от его личных качеств, а от принадлежности к определенному сословию. Эти особенности нашли отражение и в религии. Католицизм и православие — это плоть от плоти феодального общества. Главное качество, которое требовалось от христианина, — подчинение авторитету церкви, покорность. Это отражало реальное положение церкви, ее могущество, которое зиждилось на экономическом и политическом базисе. Таким образом, «отношение» человека с богом зависит не от внутренних качеств этого человека, а от его отношения к церкви, от соблюдения им церковных таинств и обрядов. Религиозные отношения в эту эпоху превалировали над другими элементами идеологических отношений. В эпоху средневековья религия безраздельно господствовала над умами людей, что порождало в них мысли о незыблемости религиозных канонov, об «освящении» свыше существующих общественных отношений. Но в недрах феодализма зарождается но-

вый класс — буржуазия, которая наносит сильный удар по средневековому общественному застою. Развитие капитализма привело к преобразованию христианства, известного под названием «реформация». Христианство было поставлено на службу буржуазии. Именно это имел в виду К. Маркс, когда говорил о протестантизме как буржуазной разновидности христианства³.

Буржуазные отношения во многом отличались от общественных отношений предшествующих формаций, ибо не включали в себя внеэкономическое принуждение. Человек, освобождаясь от личной зависимости, попадает в экономическую зависимость от стихийности, кризисов производства. Стихийные законы товарно-денежного производства господствуют над ним как слепые и могущественные силы. Таким образом, зависимость человека от стихийных сил при капитализме не исчезает, но углубляется и меняет форму. Новые материальные отношения требовали и новой формы религиозных отношений. Церковь как посредник становится ненужной организацией. Человек теперь вступает в «непосредственные отношения» с богом, хотя его «зависимость» от бога не уменьшается, а увеличивается. Отношение к богу перестает быть внешней формой, а становится глубокой внутренней верой. Яркий пример типично буржуазных религиозных отношений — кальвинистское учение о божественном предопределении. Учение Кальвина о предопределении, — как писал Ф. Энгельс, — «...было религиозным выражением того факта, что в мире торговли и конкуренции удача или банкротство зависят не от деятельности или искусства отдельных лиц, а от обстоятельств, от них не зависящих»⁴.

Буржуазия в арсенале средств защиты своих классовых интересов отводит важное место религиозным отношениям, которые органически вписываются в структуру общественных отношений. Более того, религия продолжает использоваться в своих целях различные идеологические отношения, особенно нравственные. Глубокий кризис, охвативший капиталистическое общество, не мог не сказаться и на религиозных отношениях. Кризис этот выражается, прежде всего, в секуляризации идеологии, т. е. освобождении различных форм идеологических отношений от религиозного влияния.

Достижения социализма в СССР и других странах социалистического содружества, социальный и научный прогресс, подъем национально-освободительного движения, участие верующих в борьбе за переустройство мира на справедливых началах не могли не отразиться на религиозных отношениях.

Модернизация религии в целом и религиозных отношений в частности является ярчайшей иллюстрацией кризиса религиозного комплекса. В среде современных верующих изменяется отношение к сверхъестественному, становясь все более неопределенным и расплывчатым, как отмечают сами богословы. В настоящее время верующие на первый план выдвигают реальные отношения, т. е. отношения друг к другу и окружающему миру. Так, например, если раньше любая помощь человеку выдавалась за служение богу, то теперь, наоборот, само служение богу верующие понимают как служение человеку.

До социализма не было и не могло быть цельности и полноты общественных отношений. Классовая зависимость человека ограничивала и уродовала общественные отношения, придавая им сакральную окраску. С победой социализма происходит процесс освобождения общественных отношений от влияния религии. Церковь здесь в полном смысле отделена от государства, а школа — от церкви, и религия, таким образом, становится частным делом граждан. Полностью освобождены от религиозного санкционирования правовые отношения. Религиозные организации уже не могут оказывать влияния на развитие политических событий в нашей стране. Не нуждаются в религии моральные и эстетические отношения эпохи социализма. Таким образом, религиозные отношения в условиях социализма изолированы от светских общественных структур и направлены на регулирование внутриконфессиональных и межконфессиональных связей. Процесс секуляризации в нашей стране отличается глубиной, широтой и полнотой, что свидетельствует о преходящем характере религиозных отношений.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 1.— С. 162.

² Плеханов Г. В. Избр. филос. произведения: В 5 т.— Т. 3.— С. 105.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 23.— С. 89.

⁴ Там же.— Т. 22.— С. 308.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ ФРАНЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

Главной пружиной исторического развития Франции XVI—XVII веков было становление новой формы хозяйственной деятельности и выдвижение на арену социальной борьбы класса буржуазии. Развитие производительных сил и связанного с ним общественного разделения труда, разложение натурального хозяйства, имущественное расслоение крестьянства, рост мануфактурного производства знаменовали наступление нового общественного способа производства. Вместе с тем косная цеховая организация, бесчисленные феодальные поборы, архаические правила регламентации и корпоративные ограничения, налоговая политика государства тормозили капиталистическое развитие Франции. Лишенный политических прав в феодально организованном обществе новый класс вынужден был приспосабливаться, идти на компромисс с дворянско-абсолютистским государством. Этот компромисс не мог не отразиться в общественном сознании эпохи, не повлиять на ход идейного развития страны.

То мировоззренчески новое, что нес с собой класс буржуазии, вызывало ожесточенное сопротивление религиозно-феодалных идеологов. Однако успехи социального развития Франции все теснее связывались с коренными преобразованиями в технике, в области практических знаний, применяемых в производстве, строительстве, военном деле. Потребности экономического роста стимулировали научно-технический прогресс и обусловили расцвет нового естествознания. Изменяющийся статус и формы организации научной деятельности отразили растущую социальную потребность в ее результатах. Образуются крупные академические центры, ведется регулярный обмен научной информацией, от имени королевской власти приглашаются крупнейшие ученые для организации и ведения научных исследований, возникает научная периодика, ширится пропаганда новых знаний, естествоиспытатели получают общественное признание привилегированных слоев общества, наука входит «в моду». В культурном сознании эпохи усиливается и становится необратимым процесс утверждения натуралистического образа мышления, секуляризации и рационализации миропонимания.

Перемены в общественном сознании неизбежно сказались на способах упорочения основной идеологической силы Франции этого времени — религии. Стремясь не упустить из-под своего контроля движение научной мысли, духовенство идет на известную модернизацию системы образования, пытается переработать и ассимилировать научные открытия, отказывается от наиболее ветхих и одиозных построений схоластики. Этот вынужденный компромисс сочетался с традиционными приемами защиты ортодоксии путем запретов, осуждения, изгнания, насилия.

В сложном переплетении идейных позиций, столкновении убеждений и мировоззрений во второй половине XVII века все еще преобладают религиозные формы выражения. Но неуклонно возрастает удельный вес нового содержания под этой общепринятой оболочкой: наиболее острые конфликты вспыхивают вокруг проблем, затрагивающих правомерность традиции, законность правила, разумность привычного. И по всей линии обороны, занимаемой адептами религиозно-схоластических уложений и образцов (от принципов мироздания и критериев истины до литературно-художественных вкусов и педагогических норм) происходит в этот период медленное отступление, маскируемое активизацией сил реакции. Новое, рационалистическое мировоззрение, отражающее потребности социального прогресса, опирающееся на естественнонаучный фундамент и ориентированное на преобразование общественного порядка, обретает все более отчетливые формы и все более широкую поддержку в обществе. Разрушение идеологической опоры феодально-дворянского государства было исторической миссией класса буржуазии, поскольку «скроенное по мерке феодализма католическое мировоззрение не могло больше удовлетворять этот новый класс»¹. Однако основная часть этой титанической работы была осуществлена мыслителями, выразившими не узко классовые интересы буржуазии, а чаяния всех угнетенных, стремление к освобождению от политического, социального и духовного ярма феодализма. Важный вклад в эту борьбу внесли прогрессивные философы Франции второй половины XVII века.

К середине столетия утверждается традиция гуманистического свободомыслия, истоки которой восходят к антисхоластическому скепсису и рационалистической мысли Монтеня и Шаррона. Просветительский пафос деятельности французских либертинов, проникая в среду интеллектуальной элиты господствующих сословий, рождал интерес к нетрадиционному, нешаблонному образу мыслей, побуждал к самостоятельности суждений, подталкивал к критическому восприятию устоявшихся понятий. Либертины расчищали почву для распространения новых идей, приучали видеть в разуме главное средство установления истины, блага, красоты, справедливости. Как правило, не продуцируя оригинальных философских идей, не переходя полностью на позиции ни одной из соперничающих доктрин, они облегчали процесс общественного признания факта прогресса философской мысли, способствовали взаимопроникновению различных систем и образованию эклектических конструкций, которые играли роль промежуточных ступеней в утверждении нового мировоззрения. Линия французского свободомыслия пересекает весь семнадцатый век, выдвинув такие яркие имена, как Ламонт-Левайе, Сирано-де Бержерак, Сент-Эврмон. Ее венчает творчество П. Бейля, нанесшего сокрушительный удар не только по религиозно-схоластической традиции, но и много унаследовавшей от нее спекулятивной метафизике. Передавая эстафету свободомыслия веку Просвещения, веку Вольтера, Бейль мировоззренчески заострил либертинскую мысль, положив предел ее духовной раскованности и беспечности. В новых исторических условиях аристократическое либертинство постепенно утратит свое прогрессивное значение. Однако во второй половине XVII века оно составляло важное условие движения французской философской мысли, активно влияло на характер идейной борьбы.

Значительная роль в становлении нового философского миропонимания принадлежала Гассенди. Находясь у самых истоков освободительной борьбы разума против мертвой традиции средневековой псевдонауки, он создал своеобразный манифест воинствующего антисхоластицизма — «Парадоксальные упражнения против аристотеликов». Это не просто бунт мысли против рабской покорности и «перипатетической тюрьмы», а еще один прецедент посягательств мятежного ума на «хранилище вековечных истин». Гассенди отрицает потому, что открыл более глубокие основания достоверности человеческого знания, подтверждаемые и мыслью, и опытом, единные для научных изысканий и практических действий. Мыслитель стремится определить целостный образ миропонимания и жизнедеятельности, отвечающий естественному разуму и разумному естеству человека. Он еще многое ищет в прошлом, и этим близок гуманистам и либертинам. Он не покушается на права веры и даже готов защищать ее от чрезмерно самонадеянного разума, поскольку очередность задач (золотое правило новой методологии) требует еще полного сосредоточения мысли на естественных предметах. Но все его сочинения проникнуты духом интеллектуального поиска и рациональной убедительности. При этом мыслитель не скрывает своих материалистических воззрений, отвергая не только схоластический вздор средневековой философии, но и проявления идеализма в новом философском мышлении. Его полемика с Декартом, резонанс которой явственно ощущается во французской философии второй половины XVII века, определила историческую перспективу эволюции и перестройки ранних форм буржуазного философского сознания. Им по существу впервые были испытаны эвристические возможности и мировоззренческий статус спекулятивной метафизики, ставшей для этого столетия основной формой новой философии. И то, что в середине столетия имело вид ретроспективной и перспективной ориентации в антисхоластическом обновлении философской мысли, к концу века, пройдя сложный путь ректификации и универсализации, предстало, с одной стороны, как конфронтация догматизированных ортодоксальных традиций гассендизма и картезианства, а с другой, — как оппозиция идеалистической и материалистической тенденций во французской философии, внутри которых сгруппировались родственные идеи обоих мыслителей. Притязая на официальный статус, любая «школа» в конце XVII века принимала роль ревностного хранителя христианской веры и традиции. Гассендизм мало преуспел в этом, передав свободолобивый дух и прогрессивные завоевания своего великого родоначальника реформаторам французской философии Бейлю и Фонтенелю. Первый, восторженно относившийся к идеям Гассенди, глубоко понял истинные устремления французского эпикурейца и сблизил его с творцами нового научного миропонимания. Второй, развивая линию

картезианского материализма, переступил через спекулятивно-идеалистические предрассудки Декарта, против которых выступал Гассенди. Этим была подготовлена почва для разрешения конфликта во французском материализме XVIII века.

Характеризуя философскую мысль Франции второй половины XVII века и выделяя в ней исторически прогрессивные элементы, нельзя пройти мимо янсенизма, сосредоточившего вокруг себя группу выдающихся мыслителей. Идеология янсенизма — типичный продукт барочной культуры, соединивший в себе приметы двух эпох, наиболее яркое выражение мировоззрения и мироощущения переходного периода европейской истории. Новаторская научная мысль сочетается здесь с беспощадной ортодоксальностью вероисповедания, пафос просветительского гуманизма с нравственным ригоризмом и аскетизмом, высокая логическая культура с концептуальным релятивизмом, живой интерес к реальному человеку и условиям его бытия с мировоззренческим пессимизмом. В таком противоречивом контексте философская мысль рождала яркие творения, прочно утверждавшиеся в новой культуре, и одновременно воспроизводила безжизненные продукты религиозно-теологического содержания. Центральная, хотя и стоящая особняком, фигура этой идейной формации, несомненно, Паскаль. Свой след в философском развитии Франции конца XVII века оставили Арно и Николь, создатели знаменитой «Логики Пор-Ройяля». В этом же ряду стоит новаторское произведение Арно и Лансело «Всеобщая грамматика».

Главным каналом воздействия близких янсенизму мыслителей на духовную жизнь своего времени была яростная борьба против наиболее реакционной и могущественной идейной силы Франции — ордена иезуитов. Это было последнее крупное сражение в стране победившей контрреформации, отразившее антагонизм новых социальных сил и феодализма в религиозной форме. Слабый отголосок реформационных процессов янсенизм все более становился историческим анахронизмом, приобретая в религиозном отношении узко сектантский характер. Общественное значение его обнаруживалось в идейной поддержке тенденций социально-культурного прогресса, имевших внеконфессиональный смысл. Вот почему из-под пера искренне верующего янсениста могли появляться такие сочинения, как «Письма к провинциалу» Паскаля — одно из самых ярких антиклерикальных произведений общественной мысли Франции XVII века.

Еще больший, хотя не столь бросающийся в глаза, эффект деятельности янсенистов обнаруживался в пропаганде и распространении прогрессивных философских, научных, педагогических идей своего времени. Чуткие ко всему новому в культуре, они участвуют в разработке ряда проблем науки (Паскаль), глубоко усваивают принципы рационалистической методологии Декарта и дают им классическую форму (Паскаль, Арно, Николь), на базе картезианской гносеологии создают оригинальное учение о языке, осуществляют реформу школьного обучения в духе пансофической философии Коменского. Это участие янсенистов в духовном обновлении имело как самостоятельное значение, так и в качестве скрытого импульса активизации общественного интереса к идеям выдающихся мыслителей эпохи. Бесспорный приоритет здесь принадлежит Декарту, положившему начало философской традиции, которая во второй половине XVII века стала ведущим направлением, затронула все без исключения просвещенные слои общества и стала в конечном итоге доминантой духовной жизни Франции рассматриваемого периода.

Для середины XVII века научное и философское творчество Декарта явилось своеобразным фокусом, где были собраны наиболее значительные проблемы совершенствующейся интеллектуальной революции. Сумев впитать все прогрессивное, что заключала в себе наука того времени, мыслитель сформулировал и обосновал важнейшие правила рационалистической методологии, заложил базис современного математического естествознания. Однако, дав своими работами мощный импульс развитию научного познания, сообщив ему глубоко материалистическую тенденцию, Декарт стремился к универсализации новых критериев рациональности, оставаясь во многом связанным «теми интеллектуальными средствами, которые предоставляет в его распоряжение современная ему культура»². Это не могло не сказаться на характере его мышления, обнаружившего в метафизическом учении противоречивость и ограниченность идеалистического рационализма.

Метафизика Декарта и его материалистическая физика, аккумулируя

в себе прогрессивные тенденции развития человеческой мысли, выражая мировоззренческие устремления нового общественного класса, обрели самостоятельное значение и собственный путь исторической реализации. И если материалистическая традиция картезианской физики находит яркое воплощение и завершение во французском материализме XVIII века, то метафизические идеи Декарта, пройдя стадию «плоской ортодоксии», глубоко повлияли на развитие философского идеализма Нового времени вплоть до наших дней.

Христианско-спиритуалистская рецепция идейного наследия Декарта осуществлялась различными путями, от неявных заимствований до безудержной апологетики, но всегда посредством коренной перестройки целевых установок картезианского мышления и натуралистического характера его миропонимания. Метафизическая концепция философа, в силу присутствия ей спекулятивно-идеалистической основы и внутренней противоречивости, допускала разные способы трактовки и дальнейшего развития, в том числе и путь, объективно сближавший ее с религиозно ориентированным мировоззрением. Главные усилия по реализации этих потенций картезианской философии были предприняты представителями оформившегося во второй половине XVII века окказионалистского направления. Разрабатывая ряд ключевых проблем, поставленных Декартом в своем метафизическом учении, французский окказионализм воплотился в работах Мальбранша в одну из влиятельнейших, последовательно идеалистических систем, где тесно переплелись философско-гносеологические и методологические проблемы Нового времени и религиозно-теологическая форма их осмысления и решения. Таким образом, к концу столетия ясно обнаружилась радикальная конфронтация вызревших в русле новой философии, в русле картезианской традиции философских партий, представленных материалистическим по духу творчеством Фонтенеля и религиозно-идеалистической философией Мальбранша. Выхолощенная картезианская метафизика, переработанная в окказионалистский спиритуализм, станет одним из основных противников французского материализма эпохи Просвещения, впитавшего все прогрессивное, что несла с собой материалистическая традиция картезианской физики. Это составляет главную особенность развития философской мысли Франции второй половины XVII века.

¹ Энгельс Ф. Юридический социализм // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.— Т. 21.— С. 496.

² Симон Ж. Культурная историчность разума // Разум и культура.— М., 1983.— С. 24.

Науковому камунізму

В. А. ЯКУБОВСКИЙ

НАРОДНОЕ БЛАГОСОСТОЯНИЕ КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

В условиях реализации выработанного XXVII съездом КПСС стратегического курса на ускорение социально-экономического развития страны подъем народного благосостояния на новый качественный уровень стал настоятельной необходимостью. Объективный анализ состояния социалистического общества позволил обосновать положение Программы КПСС о том, что «воздействие социальной политики на повышение эффективности экономики, на все стороны общественной жизни будет усиливаться»¹. Иными словами, подъем народного благосостояния, находящийся в центре социальной политики, является не только целью, но и важнейшим средством дальнейшего общественного развития.

Стимулирующий эффект подъема народного благосостояния отражается в сфере трудовой деятельности на развитии основной производительной силы — человека, совершенствовании его способностей и дарований. Причем этот эффект не сводится к тому, что работник, обладающий благоприятными условиями потребления и быта — лучший работник по своим индивидуальным свойствам и личностным параметрам. Гораздо большее значение имеет общественный интерес работника, его стремление к более эффективному труду, к развитию своих творческих способностей и приложению их на общественном поприще. Именно исследование этой связи — обратного воздействия народного благосостояния на создающий и обеспечивающий его труд — и является актуальной задачей обществоведов.

Постановка этой задачи предполагает в первую очередь выяснение механизма превращения народного благосостояния в целом и отдельных его факторов в стимулы трудовой деятельности. Что касается стимулов труда, то они, будучи поняты в широком смысле слова как важнейшие моменты научного управления социалистическим обществом, заняли достаточно прочное место среди основных социально-политических категорий. Иное дело с понятием народного благосостояния. В литературе понятие «народное благосостояние», как правило, трактуется как некий аналог, дублирующий термин иных социально-экономических понятий. Чаще всего в качестве параллельного термина ему служит понятие «уровень жизни».

В современных условиях содержание понятия «уровень жизни», остающегося социально-экономическим по своей природе, выходит за пределы сферы формирования доходов и потребления благ. Это обстоятельство нашло отражение в партийных документах, где, в сущности, дана новая качественная характеристика уровня жизни, который определяется как социалистическая цивилизованность².

Понятие народного благосостояния неизмеримо шире понятия «уровень жизни». Связь формирования народного благосостояния не только с непосредственно производственными, экономическими факторами, но и с собственно социальными, духовными, с одной стороны, и важнейшая роль в этом процессе одного из основных социально-политических явлений — социалистического образа жизни — с другой стороны, позволяют рассматривать народное благосостояние в качестве одной из основных социально-политических категорий.

Рассмотрим некоторые из указанных факторов, их связь с народным благосостоянием. Это даст возможность выяснить характер и специфику стимулирующего воздействия благосостояния на отношение человека к труду, внести существенный вклад в выработку эффективных путей превращения труда в первую жизненную потребность личности. Прежде всего необходимо отметить, что понятие «народное благосостояние» приобретает реальное содержание лишь в условиях коммунистической общественно-экономической формации. При капитализме обращение к понятию «народное благосостояние» может использоваться лишь в демагогических целях. В антагонистическом обществе, где благополучие одной части населения достигается за счет эксплуатации, угнетения другой его части, всерьез говорить о благосостоянии по отношению к понятию «народ» не приходится.

Кроме того, некорректным будет и употребление самого термина «благосостояние» при анализе капиталистического общества. Дело в том, что комплексный, междисциплинарный характер понятия «народное благосостояние» предполагает помимо установления уровня развития потребностей, степени их удовлетворения и других объективных показателей также учет психологических факторов. По мнению Л. П. Буюевой, «экономические, как и всякие иные общественные отношения, освобожденные от социально-психологических форм проявления, существуют только в научных абстракциях, а не в реальной действительности, где действуют, производят и обменивают продукты своей деятельности реальные люди»³.

Поэтому важным моментом народного благосостояния является отношение самого субъекта к объективным показателям, положительная оценка им своего собственного состояния, определяемая как «благо», осознание субъектом созданных объективными факторами условий как перспективы развития родовой, человеческой, общественной сущности. Подобная трактовка содержания народного благосостояния снимает необходимость рассуждать о наличии такового или о возможности его достижения при капитализме. В силу отсутствия социального единства в капиталистическом обществе даже при условии относительного материального благополучия отдельных слоев этого общества состояние их не может быть охарактеризовано как благосостояние, так как достигается всегда за счет эксплуатации, ограбления, становится возможным лишь при наличии известной части обездоленных. Причем формирование этих социальных слоев происходит стихийно. Поэтому всякое благополучие лишено социальных гарантий, веры в завтрашний день и не может восприниматься субъектом как благосостояние. Более того, индивид ищет гарантии упреждения своего благополучного положения в удалении от общества, в сокрытии от него своих устремлений, т. е. в конечном счете — на путях буржуазного индивидуализма, жесточайшей конкуренции, утраты своей человеческой родовой сущности.

Напротив, в социалистическом обществе осознание его членом благополучности своего состояния безусловно сочетается с оптимизмом и верой в будущее, в прочность социальных гарантий сохранения и развития такого состояния. Само же осознание благосостояния выступает как результат реализации определенных общественных идеалов, ставших ориентирами и ценностями индивида, элементами его внутренней структуры. Именно так, по сути дела, был поставлен вопрос на XXVII съезде КПСС, выдвинувшем задачу до конца нынешнего столетия «радикально решить насущные, особо важные для всех слоев общества проблемы материального благополучия и духовного развития»⁴, в которой четко выражены два основных компонента благосостояния.

Таким образом, народное благосостояние представляет собой заключительное звено в цепи, другими звеньями которой являются выработка и внедрение в сознание трудящихся определенных общественных идеалов (системы разумных потребностей, выражающих общественную сущность человека), создание объективных условий для реализации этих идеалов, выработка научно обоснованных критериев оценки общественного прогресса, мобилизация усилий трудящихся на достижение этих целей.

Классики марксизма-ленинизма неизменно рассматривали задачу удовлетворения потребностей человека не как самоцель, но лишь как условие развития его социальных сил. Ф. Энгельс убедительно показал, что только с переходом к социализму «станет реальным осуществить возможность обеспечить всем членам общества путем общественного производства не только вполне достаточные и с каждым днем улучшающиеся

материальные условия существования, но также полное свободное развитие и применение их физических и духовных способностей»⁵. А В. И. Ленин, формулируя центральное требование партийной программы, прямо объединял обеспечение «полного благосостояния и свободного всестороннего развития **в с е х** членов общества»⁶. Такой подход определяет подлинные категориальные рамки народного благосостояния, обуславливающего «развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы», начинающееся «по ту сторону его (материального производства. — В. Я.)»⁷.

Объективные процессы, происходящие при социализме, убедительно подтверждают марксистские положения, дают исследователям основания для важных выводов. Так, В. П. Нестеренко, рассматривая высшую цель социалистического общества с точки зрения ее реализации, считает целесообразным выделить помимо двух общепризнанных элементов высшей цели — обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития каждого члена общества, третий, относительно самостоятельный элемент — обеспечение все более полной и свободной реализации всех сил и способностей каждого члена общества⁸. Здесь обращают на себя внимание два момента: интегративный характер указанного третьего элемента по отношению к двум предшествующим и его деятельностная опосредованность. Этот вывод тесно смыкается с мнением, что «развитие человека как потребителя — задача изначальная и относительно ограниченная... Всестороннее, универсальное развитие человека в истинном значении этого слова — это процесс активного творческого труда, в котором растут и реализуются в общественно-полезных результатах способности индивидов»⁹. В программном положении о повышении роли человеческого фактора как важнейшем условии решения намеченных партией задач марксистско-ленинские установки нашли выражение, адекватное современному этапу развития общества.

Указанные обстоятельства, а именно: более широкое содержание понятия «народное благосостояние» по сравнению с «уровнем жизни», его качественная определенность в условиях коммунистической общественно-экономической формации, а также растущая роль народного благосостояния в качестве не только цели, но и средства функциональной политики дают основание считать одной из основных сфер функционирования понятия «народное благосостояние» систему социально-политических категорий. В свою очередь, это позволяет более конкретно подойти к использованию народного благосостояния и механизмов, его формирующих, в осуществлении задач партии «по развитию и укреплению социализма, его планомерному и всестороннему совершенствованию, дальнейшему продвижению советского общества к коммунизму»¹⁰.

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. Новая редакция. — М., 1986. — С. 37.

² См.: Материалы Пленума ЦК КПСС. 14—15 июня 1983 г. — М., 1983. — С. 13.

³ Буюева Л. П. Человек: деятельность и общение. — М., 1978. — С. 118.

⁴ Рыжков Н. И. Об основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года. — М., 1986. — С. 12.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 20. — С. 294.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 6. — С. 232.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 25. — Ч. II. — С. 387.

⁸ См.: Нестеренко В. П. Высшая цель социалистического общества и средства ее реализации. — Киев, 1982. — С. 123.

⁹ Мелентьев А. Основной экономический закон социализма и превращение труда в первую жизненную потребность // Коммунист. — 1983. — № 2. — С. 45.

¹⁰ Горбачев М. С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. — М., 1986. — С. 118.

Т. И. АДАМОВИЧ

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОЙ ФОРМЫ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Созидание новой, коммунистической цивилизации требует познания закономерностей становления коммунистической формы производственных отношений. Выявить же их тем труднее, чем меньше раскрыты общие закономерности становления новой формы производственных отношений как таковой. Работа Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» дает отправные пункты для анализа этих закономерностей.

Ф. Энгельс отмечает, что переход земли «в полную частную собственность совершается **постепенно** (подчеркнуто мной — Т. А.) и параллельно с переходом парного брака в моногамию. Отдельная семья становится хозяйственной единицей общества, «силой, которая угрожающе противостоит роду»¹. На смену общинному хозяйству приходит домашнее хозяйство отдельной семьи, отрицающее хозяйство общины и содержащее в себе зародыш всех будущих форм частного хозяйства.

Далее Ф. Энгельс обращает внимание на то, что сельское население современной ему Ирландии живет еще представлениями родовой эпохи. «Землевладелец, у которого крестьянин арендует землю, представляет последнему, — пишет он, — все еще своего рода вождем клана, обязанным распоряжаться землей в интересах всех; крестьянин полагает, что уплачивает ему дань в форме арендной платы, но в случае нужды должен получить от него помощь»².

В этих представлениях ирландского крестьянина отражались, по-видимому, не только отношения родового строя, но и переходные отношения от общинной к частной собственности.

Исследование эволюции первобытных коллективистских отношений Ю. И. Семеновым показало, что в условиях, когда сокращение объема продукта происходило «в таких масштабах, что весь он становился жизнеобеспечивающим, нередко вырабатывалась такая форма обеспечения существования членов общества (а тем самым и самого общества), как обратимость производственных отношений»³. Это хорошо иллюстрируется на примере жизнедеятельности эскимосского (Аляска, Канада, Гренландия) общества. «Согласно утверждению подавляющего большинства исследователей, — пишет Ю. И. Семенов, — во всех эскимосских группах существовало то, что они именуют личной, индивидуальной или даже частной собственностью. Причем многие из них (этих ученых — Т. А.) заявляют, что в собственности отдельных лиц или семей находилась пища... И прежде всего это относилось к пище, запасаемой на зиму. Как утверждают исследователи, взять пищу из чужого зимнего склада считается серьезным преступлением... Однако... когда наступает голодная пора, все ограничения снимаются и пища становится общей собственностью. Каждый получает полное право взять из склада любой семьи пищу, в которой нуждается»⁴. Тем самым общество сохранялось ценой некоторого ослабления становящейся частной собственности и укрепления разрушаемой общинной собственности.

Таким образом, в период разрушения старой и становления новой формы производственных отношений обществу (государству) нередко приходится на время прекращать атаки на старую форму и использовать ее

для обеспечения жизнеспособности нового общества, поскольку новая форма полностью обеспечить ее еще не в силах. Сохранение нового общества достигается в таком случае ценой неизбежного усиления старой формы производственных отношений.

Тем самым в поступательном развитии производственных отношений данного общества наблюдается определенный регресс. Но постепенно, по мере ликвидации трудных условий (благодаря использованию старой формы и поддержке общества) новая форма производственных отношений берет реванш и производственные отношения развиваются по пути прогресса.

Общие закономерности становления новой формы производственных отношений, наличие в этих закономерностях такого явления, которое Ю. И. Семенов характеризует как «обратимость производственных отношений», проливают свет на проблему становления **коммунистической** формы производственных отношений. Ярким примером временного прекращения атаки на старую (товарную) форму производственных отношений в условиях социалистического строительства служит новая экономическая политика, связанная с переходом от продразверстки к продналогу. Благодаря этому отступлению, являющемуся на деле скрытой формой наступления против остатков старого строя, была обеспечена победа социализма в СССР.

Сегодня эта общая закономерность проявляется в использовании возможностей личных подсобных, а точнее подсобных домашних хозяйств. Домашнее хозяйство, являясь самой древней формой производства, вместе с тем активно взаимодействует со всякой очередной новой формой производственных отношений. Будучи ею полностью побежденной, она содержит в себе в снятом виде «зерна» всех предшествующих форм. При соответствующих условиях эти «зерна» могут дать ростки той или иной прежней формы производственных отношений.

Перестав быть хозяйственной единицей, отдельная семья со своим домашним хозяйством играет лишь подсобную роль в жизнеобеспечении социалистического общества в целом и его членов в частности. Домашнее подсобное хозяйство ведут в СССР около 32,5 млн. семей. На их долю приходится 5,9 % основных производственных фондов, примерно 3 % посевной площади, около 20,6 % крупного рогатого скота⁵. С социалистическим общественным хозяйством оно взаимодействует как своей личной (натуральной), так и частной (товарной) стороной. Так к началу 80-х годов домашними хозяйствами производилось 25 % всей валовой продукции сельского хозяйства, в том числе около 31 % продукции животноводства и примерно 11 % его товарной продукции⁶. Семьи колхозников, например, удовлетворяли за счет домашнего подсобного хозяйства свои потребности в картофеле на 95, в овощах — на 74, в молоке и молочных продуктах — на 80 %, в потреблении яиц — почти полностью⁷, воспроизводя тем самым свои физические трудовые способности для работы в общественном хозяйстве. С другой стороны, в 1984 году на долю домашних подсобных хозяйств приходилось 38 % товарной продукции картофеля, 14 овощей, 13 мяса, 5 яиц, 2 % молока. За проданную государству и торговым организациям продукцию семьям, ведущим подсобное домашнее хозяйство, было выплачено 10,2 млрд. рублей. Если семье рабочего и служащего подсобное домашнее хозяйство принесло в том же году 3,2 % доходов, то семье колхозника — 25,1 %⁸.

Взаимодействие подсобного домашнего хозяйства частной стороной с общественным хозяйством неизбежно требует определения границ, меры их взаимодействия. Ведь не секрет, что решение проблемы жизнеобеспеченности социалистического общества и его членов достигается в этом случае ценой некоторого ослабления новой, коммунистической формы производственных отношений в сельском хозяйстве и оживления частного-собственного аспекта активно функционирующих подсобных домашних хозяйств. Неслучайно поэтому даже сторонники взгляда на подсобное домашнее хозяйство как на форму производства, «производную от общественного хозяйства», предупреждают, что «чрезмерное расширение размеров ЛПХ чревато серьезными негативными последствиями, противоречиями между интересами отдельного работника и общества»⁹. И это верно. Что же касается формы, производной от общественного хозяйства, то таковой является не подсобное домашнее хозяйство, а подсобные хозяйства социалистических предприятий, учреждений и организаций.

Использование возможностей старой (товарной) формы производственных отношений с целью решения проблемы жизнеобеспечения общества

характерно и для современного этапа развития народного хозяйства нашей страны. «Задача, которую нам предстоит решить в самый короткий срок, — сказал М. С. Горбачев на XXVII съезде КПСС, — полное обеспечение страны продовольствием... В аграрном секторе нужен решительный перелом... По сути речь идет о творческом использовании ленинской идеи о продналоге применительно к современным условиям»¹⁰. Причем использование возможностей старой (товарной) формы касается также и промышленного сектора экономики.

Партией четко определен критерий осуществляемого взаимодействия старой (товарной) и новой (плановой) форм производственных отношений: «...высшим критерием совершенствования управления, как и всей системы производственных отношений, должно быть... укрепление социализма на деле»¹¹. Отсюда и границы взаимодействия обеих форм. Новым элементам общества, которые постоянно стоят на страже упрочения плановой формы и атакуют старую (товарную) форму производственных отношений «пора преодолеть... предубеждение относительно товарно-денежных отношений, их недооценку в практике планового руководства экономикой»¹² на современном этапе. Старым элементам общества, которые мыслят социалистическое производство как всеобщее товарное производство и предлагают заменить централизацию децентрализацией на основе товарных и денежных отношений, «важно иметь в виду: через деятельность центральных органов реализуются огромные преимущества плановой экономики»¹³.

Исследование становления новой формы производственных отношений как таковой позволяет понять и теоретически определить основные направления развития новой (плановой) формы социалистических производственных отношений, реализуемой через систему управления. «Решение новых задач в экономике, — подчеркивалось на XXVII съезде КПСС, — невозможно без... создания целостной, эффективной и гибкой системы управления, позволяющей полнее реализовать возможности социализма»¹⁴.

Сегодня проблема совершенствования управления состоит в расширении самостоятельности низовых звеньев, в переходе к самоуправлению. Она решается в тесной связи с технологической перестройкой производства, вызванной потребностями общества на новой, технологической стадии современной НТР. В результате этой перестройки нарождается новый, передовой отряд рабочего класса — работников преимущественно умственного труда, обслуживающих современные гибкие производственные системы, насыщенные робототехническими комплексами и ЭВМ. Рабочие новой генерации выходят из непосредственного процесса производства и становятся его контролерами и регулировщиками. Эти изменения в положении нового рабочего в процессе производства диктуют необходимость соответствующих изменений и в управлении экономическими процессами. Передав исполнительские функции роботам, рабочий новой генерации становится планификатором, организатором, контролером и корректировщиком своей трудовой деятельности. Всеми этому призваны обучить его хозяйственные руководители. Только в этом случае станет возможной замена управления людьми управлением вещами, переход от управления к самоуправлению. При необходимости общество всегда сможет временно сделать и обратный переход: от самоуправления к управлению.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 21.— С. 164, 162.

² Там же.— С. 133.

³ Советская этнография.— 1977.— № 2.— С. 18.

⁴ Там же.— С. 19.

⁵ См.: Экономические науки.— 1985.— № 8.— С. 128.

⁶ См.: Там же.— 1981.— № 4.— С. 78.

⁷ См.: Там же.— № 2.— С. 72.

⁸ См.: Народное хозяйство СССР в 1984 г.: Стат. сборник.— М., 1985.— С. 234, 236, 237, 432, 434.

⁹ Экономические науки.— 1982.— № 3.— С. 42, 44.

¹⁰ Горбачев М. С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза.— М., 1986.— С. 38, 40.

¹¹ Там же.— С. 49.

¹² Там же.— С. 51.

¹³ Речь товарища Горбачева М. С. на встрече с трудящимися города Тольятти.— Экономическая газета.— 1986.— № 16.— С. 4.

¹⁴ Горбачев М. С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза.— С. 41.

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗЯХ ФОНДА ЖИЗНЕННЫХ СРЕДСТВ И КАЧЕСТВА ЛИЧНОГО ФАКТОРА ПРОИЗВОДСТВА

Стратегия ускорения экономического и социального развития страны, выдвинутая XXVII съездом КПСС, немислима без активизации личного фактора производства. Деятельность непосредственного производителя, с одной стороны, является главным двигателем научно-технического прогресса, а, с другой стороны, условия воспроизводства работника непосредственно связаны и определяются результатами научно-технической революции, которая в последнюю четверть века обеспечила начало «гигантского приращения материальных и духовных возможностей человека»¹. Поэтому успех намеченного дела в решающей мере зависит от того, насколько деятельным окажутся преобразования, способствующие усилению роли личного фактора, его совершенствованию.

Качественный уровень личного фактора социалистического производства формируется через механизм воспроизводства, во-первых, его абстрактных физических способностей («...люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.»²), во-вторых, конкретных физических способностей — опыт, квалификация — («Для того, чтобы преобразовать общечеловеческую природу так, чтобы она получила подготовку и навыки в определенной отрасли труда, стала развитой и специфической рабочей силой, требуется определенное образование или воспитание»³) и, в-третьих, его социальных качеств, так как сущность рабочей силы «составляет не ее борода, не ее кровь, не ее абстрактная физическая природа, а ее социальное качество»⁴.

Таким образом, все три группы, воздействующие на качественные изменения личного фактора, выступают своеобразной подсистемой в системе производственных отношений социализма, и дальнейшее развитие каждой из них характеризуется определенными закономерностями.

Две первые группы в воспроизводственном механизме работника образуют фонд жизненных средств, который постоянно должен производиться и воспроизводиться. Рамки его расширяются до того объема потребления, который, с одной стороны, допускается наличной производительной силой общества и которого, с другой стороны, требует полное развитие индивидуальности. В денежной форме фонд жизненных средств представляет собой совокупность цен продовольственных и промышленных товаров, оплат различного рода услуг (например, бытовое обеспечение), а также услуг, предоставляемых трудящимся через общественные фонды потребления (например, содержание детей в детских дошкольных учреждениях, медицинское обслуживание и др.) и предварительно оцененных в денежной форме.

Поскольку функцией работника является труд, то качество личного фактора выступает исходным моментом, предпосылкой, а эффективность труда — следствием, результатом. Более высокое качество работника обуславливает достижение больших производственных результатов при тех же объективных условиях. Поэтому количественной характеристикой качества личного фактора социалистического производства, на наш взгляд, является увеличение вновь созданной стоимости (размера национального дохода), точнее, той его доли, которая создается за счет нового качественного уровня непосредственного производителя.

Теоретически можно выделить составляющие параметры фонда жизненных средств, которые оказывают влияние на качественное формирование личного фактора. Выбор их ограничивается возможностью количественного описания и наличием статистической информации.

Для первой группы воспроизводственного механизма, описывающей абстрактные физические способности личного фактора, выбраны следующие показатели: X_1 — розничный товарооборот государственной и кооперативной торговли, включая общественное питание; X_2 — затраты из общественных фондов потребления на здравоохранение и физкультуру (бесплатная медицинская помощь, санаторно-курортное обслуживание, физическое воспитание и др.); X_3 — затраты государства из ОФП на содержание жилищного фонда; X_4 — объем реализации бытовых услуг.

Воспроизводство абстрактных физических способностей формируется,

главным образом, через сферу услуг, путем индивидуально-семейной формы личного потребления. Причем основная часть воспроизводства в данном случае совершается внутри и посредством семьи. Развитие сферы материальных и нематериальных услуг (согласно действию закона возрастающих потребностей) как опосредованно, так и непосредственно влияет на процесс качественного совершенствования личного фактора. В результате действия закона экономии рабочего времени, который, согласно К. Марксу, выступает первым экономическим законом производства на коллективной основе, а также сокращения затрат на ведение домашнего хозяйства создается возможность постоянно увеличивать свободное время, обеспечивая таким образом условия для развития определенных творческих способностей трудящихся.

Для изучения воспроизводства личного фактора на уровне конкретных физических способностей выбраны такие параметры, как X_5 —затраты государства на подготовку (выпуск) квалифицированных рабочих в ПТУ; X_6 —затраты на подготовку специалистов со средним специальным образованием; X_7 —затраты на подготовку специалистов с высшим образованием; X_8 —затраты на обучение новым рабочим профессиям и специальностям (на подготовку квалификации рабочих); X_9 —затраты на обучение рабочих по повышению квалификации.

Очевидно, что наиболее важными для данной группы характеристиками личного фактора являются его квалификация, профессиональное мастерство. В условиях современной научно-технической революции рост сложности труда выступает объективной действительностью для самого работника, реально проявляемой через его производственную деятельность. Сложный труд требует не только специальной подготовки, но и непрерывного пополнения объема знаний, новой информации, совершенствования навыков, проявления творческой активности. Таким образом, объективный ход развития общественного производства требует наличия такой системы подготовки и переподготовки кадров, которая способствовала бы росту удельного веса высококвалифицированных рабочих, труд которых создает в единицу времени больше продукции высшего качества, а следовательно, способствует увеличению национального дохода.

Но одних умозрительных рассуждений недостаточно для того, чтобы определить, насколько велико влияние каждого из составляющих процесса воспроизводства (фонд жизненных средств) на качество личного фактора. Исследование наиболее существенных параметров, воздействующих на увеличение вновь созданной стоимости, возможно только с помощью математических методов, позволяющих рассматривать качество и количество как обуславливающие друг друга определенности.

Для изучения интенсивности подобных экономических связей широко применяется корреляционный анализ. С его помощью осуществляется выбор наиболее значимых факторов путем количественного измерения тесноты связи между каждым из них (в нашем случае—составляющие фонда жизненных средств) и результирующим показателем (долей национального дохода, полученной в результате качественного совершенствования личного фактора). И причинные факторы, и результирующий показатель представлены нами в виде статистических рядов их значений за 15 лет (1960—1974). Данные взяты из статистических сборников ЦСУ БССР.

Количественная мера интенсивности связи для каждого из исследуемых параметров определяется с помощью коэффициента корреляции r^5 , который может принимать количественные значения от 0 до 1. Если он равен нулю, то связь между исследуемыми величинами отсутствует, а при $0,95 \leq r \leq 1,00$ наблюдается практически функциональная зависимость. Расчеты показывают, что связь большинства параметров, составляющих фонд жизненных средств и описывающих качественный уровень личного фактора производства, с величиной национального дохода весьма значительна.

Значения коэффициентов корреляции для показателей первой группы: $r_1=0,992$, $r_2=0,977$, $r_3=0,978$, $r_4=0,992$, а для второй группы— $r_5=0,887$, $r_6=0,995$, $r_7=0,996$, $r_8=0,860$, $r_9=0,746$. Из анализа видно, что слабее связь результата с такими параметрами, как затраты на подготовку квалифицированных рабочих в ПТУ (r_5), на обучение новым рабочим профессиям и специальностям (r_8) и на повышение квалификации (r_9). Это говорит о том, что существующая система профессиональной подготовки рабочих кадров не отвечает требованиям сегодняшнего дня. Госу-

дарство не получает полноценной отдачи от средств, вложенных в квалификационную подготовку рабочих.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что изучение взаимосвязи фонда жизненных средств и качества личного фактора производства дает возможность сознательно и планомерно использовать механизм воспроизводства работника для повышения эффективности общественного производства, достижения ускорения в развитии общества.

¹ Горбачев М. С. Политический доклад ЦК КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза.— М., 1986.— С. 11.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 19.— С. 350.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 23.— С. 182.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 1.— С. 242.

⁵ См.: Математико-статистические методы исследования взаимосвязей в экономике.— М., 1977.— С. 19.

В. Т. СОРОКА

РАЙОННОЕ АГРОПРОМЫШЛЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИИ

Активная роль экономической теории в совершенствовании социально-экономических отношений актуализирует в современных условиях ее практическую направленность. Выделяя в качестве объекта исследования совершенствование отношений собственности в аграрно-промышленном комплексе, следует иметь ввиду сложность структуры образования АПК, включающего ряд подсистем: технопроизводственные отношения и отношения собственности.

Чтобы достаточно точно определить место районного агропромышленного объединения в структуре общественного производства и наметить перспективы его развития, необходимо исследовать ряд взаимосвязанных изменений в технопроизводственных отношениях, вызванных интеграцией сопряженных производств сельского хозяйства и промышленности. Эти изменения происходят под воздействием обобществления производства. Проследив этот процесс, мы тем самым фиксируем развитие отношений собственности, проявляющееся в направленности экономического развития, в изменении содержания и структуры экономических интересов, степени социальной общности.

Важен также факт сознательного совершенствования производственных отношений. В этом случае общество, используя прогнозный вариант развития системы производственных отношений, изменяет внутреннюю структуру производительных сил в соответствии с их новой формой. С этих позиций следует подходить и к анализу районного агропромышленного объединения, рассматривая его как закономерный этап обобществления сельскохозяйственного производства и как реализацию обществом возможности совершенствования форм организации производства и производственных отношений.

В процессе развития сельскохозяйственного производства формируется совокупность связей, определяемая отраслевым и территориальным разделением труда и создающая экономическую обособленность территорий, что является одним из важнейших признаков АПК. Земля как основное средство производства в сельском хозяйстве «закрепляет» стабильность таких территориально-производственных комплексов, а процесс обобществления «оформляет» в виде региональных агропромышленных комплексов. Усиление функциональных связей между хозяйственными единицами требует создания соответствующих условий для их деятельности, что предопределяет способность данного образования обеспечивать воспроизводственный процесс. Процесс воспроизводства в условиях межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции вызвал появление новых агентов производства, в лице межхозяйственных производственных объединений, усложнивших реализацию общенародного интереса. Это проявляется в том, что ведомственные интересы при образовании централизованных фондов финансирования и материально-технического обеспечения стали преобладающими, создавая трудности эффективному использованию производственного потенциала района.

Появление межколхозных, государственно-колхозных и других объ-

единений не сопровождалось адекватными изменениями в отношениях распределения, обмена, планирования и управления производством. Именно поэтому главным направлением совершенствования работы АПК XXVII съезд КПСС определил¹ обеспечение интеграции интересов партнеров по агропромышленному комплексу на основе становления единого хозяйственного механизма. Такой подход полностью отвечает позиции В. И. Ленина (на организацию социалистического производства), указывавшего на необходимость «...образцовой постановки небольшого «целого», но именно «целого», т. е. не одного хозяйства, не одного предприятия, а суммы всех хозяйственных отношений, суммы всего хозяйственного оборота, хотя бы небольшой местности»². Чтобы дать более полную оценку проблемы совершенствования производственных отношений (хозяйственного механизма АПК) в условиях становления районных агропромышленных объединений, необходима определенная субординация процессов, приводящих к изменению отношений присвоения, и, в первую очередь, оценка места и роли обобществления производства.

Переход сельского хозяйства к новому качественному состоянию — агропромышленному производству обуславливается интеграционными процессами технологически связанных стадий промышленности и сельского хозяйства, образующих единый воспроизводственный процесс, что, в свою очередь, усиливает новые явления в формах организации производительных сил. Концентрация, специализация, кооперирование, отраслевая структура производства отражают как комбинацию средств производства, так и работников, что позволяет рассматривать эти формы как систему технопроизводственных отношений. И в этом своем качестве они образуют материальную основу для совершенствования производственных отношений и отношений собственности, в частности.

Обобществление производства — один из качественных критериев оценки развития способа производства, определяемый действием многих факторов, формирующих «один общественный производительный процесс»³. Как содержание развития способа производства обобществление определяет характер и уровень связи производительных сил и производственных отношений. Здесь оно предстает как единство материально-вещественного содержания и социальной формы, но единство, охватывающее главное в них: степень их готовности для изменения отношений присвоения. Следует поэтому согласиться с теми экономистами, которые выделяют подсистемы производственных отношений для оценки уровня развития всей системы, что дает возможность лучше связать теоретическую функцию политической экономии с практической.

Рассматривая районное агропромышленное объединение в качестве условия и фактора развития отношений собственности, мы исходим из того, что формирование нового качества в отношениях присвоения в значительной мере зависит от изменений на «стыке» производительных сил и производственных отношений, в процессе развития технопроизводственных связей. «Данные связи составляют часть производственных отношений в широком смысле — а именно: технопроизводственные отношения»⁴. Составляя материальную основу обобществления производства, они позволяют выявить результаты обобществления и в производственных отношениях. К ним можно отнести: развитие плановости, социалистическое соревнование, участие в управлении, сотрудничество и взаимопомощь в использовании средств производства и др. Тем самым фиксируется новое качественное состояние фактического использования средств производства, следовательно, и изменений в отношениях собственности.

С этой точки зрения районное агропромышленное объединение как составная часть АПК представляет собой, во-первых, форму организации производства, соответствующую данному уровню развития производительных сил. Действительно, появление новых высокопроизводительных орудий труда в кормопроизводстве, животноводстве, для индустриальных технологий в земледелии поставило на повестку дня использование их на уровне нескольких хозяйств и даже района. Например, комбайн КСК-100 не может достаточно эффективно использоваться в отдельном хозяйстве, что в немалой степени способствовало появлению районных кормозаготовительных отрядов и звеньев. В результате этого появились новые формы организации и оплаты труда, координирующая деятельность из одного центра. Во-вторых, — социальное формирование, конкретизирующее современный этап развития производственных отношений в аграрном секторе социалистического производства. Формирование РАПО явилось след-

ствием дальнейшего углубления процессов межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции, когда экономические связи колхозов и совхозов на прежней основе в значительной степени исчерпали себя. Межхозяйственные предприятия, оформившие интеграционные процессы в сельском хозяйстве, охватили лишь частичные виды деятельности. При этом экономическая обособленность сельскохозяйственных предприятий сохранилась. Разрешение противоречия, связанного с региональной формой обобществления и наличием относительной обособленности колхозов и совхозов, может осуществляться только централизацией ряда функций, как хозяйственных, так и социальных.

Для того чтобы районное агропромышленное объединение реально стало первичным звеном АПК, необходимо достичь такого этапа совместного функционирования относительно обособленных сельскохозяйственных предприятий, когда повышение эффективности производства в каждом из них будет в значительной мере достигаться централизованными действиями всех партнеров. Но для того, чтобы ведомственная принадлежность не сыграла негативную роль в становлении рассматриваемых нами образований, необходим хозяйственный механизм, который направлял бы ведомственный интерес в русло общенародного.

Рассматривая РАПО как фактор развития социалистических форм собственности, необходимо учитывать, что социально-экономические различия между субъектами присвоения связаны в значительной мере с их экономической обособленностью. АПК на уровне района является звеном, в котором происходит разрешение одного из противоречий социализма: между непосредственно-общественным присвоением средств производства и относительным экономическим обособлением социалистических предприятий. Обеспечивая социально-экономическое выравнивание, преодолевая экономическую обособленность хозяйственных звеньев, общество усиливает непосредственно-общественный характер труда, что свидетельствует о возрастании уровня развития отношений собственности.

Таким образом, общий ход развития производительных сил неизбежно вызывает потребность в совершенствовании социальной формы первичного звена агропромышленного производства, о чем свидетельствует возникновение РАПО. Но сформировавшаяся единая система управления АПК показывает, что эти изменения отражают уже и совершенствование отношений собственности. Важно видеть в этом тот случай, когда новое в отношениях присвоения предшествует развитию всей системы производственных отношений. Следовательно, будучи составной частью агропромышленного комплекса, РАПО еще формируется как система производственных отношений, хотя с точки зрения субъектов присвоения оно уже выделилось в качестве первичного звена агропромышленного производства.

С этих позиций районное агропромышленное объединение необходимо рассматривать не только как организационную форму управления агропромышленным производством, координирующую деятельность входящих в него предприятий. Это, в первую очередь, система производственных отношений, оформляющая сдвиги в производительных силах и являющаяся содержанием развития государственной и колхозно-кооперативной собственности.

Опыт, накопленный районными агропромышленными объединениями в организации материально-технического снабжения, в развитии производственной и социальной инфраструктур, создании централизованных фондов, показывает, «что это наиболее рациональная и эффективная форма сближения двух форм собственности»⁵.

¹ См. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза.— М., 1986.— С. 296—297.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 43.— С. 234.

³ Там же.— Т. 1.— С. 253.

⁴ Экономический строй социализма.— М., 1984.— Т. 1.— С. 167.

⁵ Прогнозирование и планирование развития отношений социалистической собственности // Экономические науки.— 1982.— № 10.— С. 30.

А. А. ГОЛОВКО

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Демократия — это такое состояние общественных отношений, при котором все члены общества активно участвуют в его развитии. Глубинную сущность социалистической демократии составляет «управление народа посредством самого народа»¹. Для граждан СССР и стран социалистического содружества демократия — величайшая социально-политическая победа и ценность, именно она характеризует социалистический строй, все сферы управления государственной и общественной жизнью, всесторонний расцвет личности и социалистического образа жизни. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии М. С. Горбачев отметил, «...что ускорение развития общества немыслимо и невозможно без дальнейшего развития социалистической демократии, всех ее сторон и проявлений»². Программа КПСС в новой редакции называет неуклонное развитие социалистического самоуправления народа стратегической линией функционирования советской политической системы.

Раскрытие сущности демократии, форм ее проявления и эффективности воздействия постоянно привлекает внимание советских ученых-философов и юристов. Рассмотрим отдельные теоретические аспекты сущности социалистической демократии.

Истоками социалистической демократии являются социалистические производственные отношения, основанные на социалистической системе хозяйства, социалистической собственности на средства производства. При характеристике социалистической демократии нельзя не учитывать и такие социально-политические явления, как союз рабочих, крестьян, интеллигенции и иных социальных групп, образующих единую социальную общность людей — советский народ; равноправие и равенство наций и народностей, мужчин и женщин; руководящую роль Коммунистической партии, обеспечивающей и гарантирующей расширение и углубление социалистической демократии. Таким образом, в социалистическом обществе следует рассматривать истоки общенародной демократии комплексно с учетом экономического строя и многих социально-политических явлений.

Экономической основой социалистической демократии является социалистическая собственность, позволяющая использовать средства производства непосредственным их производителям, коллективным собственникам и устраняющая социальный антагонизм в производственных отношениях. Она приводит к совпадению экономических интересов классов, социальных групп, наций и народностей. Отсюда вытекает принцип полновластия народа, а также максимальное удовлетворение его постоянно растущих материальных и духовных потребностей.

Политическую основу социалистической демократии составляют Коммунистическая партия, Советы народных депутатов — самые представительные органы трудящихся.

Социальной основой социалистической демократии является союз и равноправие рабочих, крестьян, интеллигенции, всех наций и народностей, составляющих единую социальную общность — советский народ.

Классовый анализ общества дает возможность раскрыть сущность демократии, показать истоки и преимущества социалистической демократии

перед буржуазной. Если социалистическая демократия распространяется и на политику, и на экономику, то буржуазная демократия — лишь на политику. Реальность социалистической демократии и ее динамичность возможны только при осуществлении советскими гражданами гарантированных им широких прав, свобод и добросовестном выполнении возложенных на них социальных обязанностей. Развитие социалистической демократии проявляется в передаче функций отдельных государственных органов в ведение общественных организаций, добровольных обществ, творческих союзов, органов общественной самодеятельности граждан.

Таким образом, при объяснении истоков демократии социалистического общества необходим анализ не только экономических (основных), но и ряда политических и социальных явлений в их взаимосвязи, взаимозависимости и единстве. Такой подход к раскрытию истоков социалистической демократии дает возможность объяснить формы ее проявления и многие характерные стороны. Обычно в литературе различаются две основные формы социалистической демократии: представительная и непосредственная (прямая). Однако эти формы не поглощают всего многообразия проявления социалистической демократии. За их пределами остается демократия, проявляющаяся в организации и деятельности органов советского государственного управления, суда и прокуратуры. Приведенные в научную логическую последовательность формы демократии и составляют систему социалистической демократии.

Что касается комплекса марксистско-ленинских идей и взглядов о демократии, а также правовых институтов, регулирующих общественные отношения в области осуществления социалистической демократии и не правовых норм, то они никак не укладываются в понятие «система социалистической демократии». Это теория, а не сама демократия.

В научной литературе очень мало внимания уделяется такой важнейшей черте демократии, как ее эффективность, т. е. активное воздействие самоуправления народа на все стороны общественной жизни. А ведь преимуществами социалистической демократии перед буржуазной наиболее ярко можно показать лишь по результатам ее воздействия на все стороны государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства.

Многочисленные формы социалистической демократии переплетаются, тесно взаимодействуют. В этих условиях возникает острая необходимость в рациональном управлении демократическими процессами со стороны КПСС и соответствующих органов Советского государства с тем, чтобы обеспечить их целеустремленность, слаженность, высокую эффективность.

Являясь субъектами политической и экономической власти, советские граждане должны проявлять все большую политическую и трудовую активность в решении задач коммунистического строительства. Социалистическая демократия как политическая надстройка активно воздействует на процессы развития экономики, политики, социальной среды общества, культуры. Ни одна задача социалистического и коммунистического строительства не решалась без эффективного влияния социалистической демократии. Да и сама социалистическая революция являлась демократическим актом, ибо совершалась большинством народа против меньшинства, в интересах большинства.

«...В жизни демократизм никогда не будет «взят отдельно», а будет «взят вместе», оказывать свое влияние и на экономику, подталкивать ее преобразование, подвергаться влиянию экономического развития и т. д.»³. В. И. Ленин в связи с этим требовал поголовного участия населения в работе государственного аппарата⁴. Вовлечение масс в управление всеми жизненными процессами в социалистическом обществе и государстве является потребностью, закономерностью его развития.

Социалистическая демократия — это регулируемые нормами права и морали общественные отношения (состояние), в которых сам народ или создаваемые им органы и организации решают экономические и социально-политические вопросы. При таком положении создается возможность управления демократическими процессами и повышения их эффективности. Повышается роль социального и государственного управления, а также норм советского права. С помощью постоянного усовершенствования советского законодательства совершенствуется и демократия, повышается социально-политическая и трудовая активность народа.

Исходя из требований XXVII съезда КПСС, считаем целесообразным подготовить и издать два общесоюзных закона: Закон об общественных организациях СССР и Закон об общественных самодеятельных организа-

циях граждан СССР. Они должны помочь установить полномочия и формы участия этих общественных организаций в коммунистическом строительстве.

Особое внимание следует обратить на повышение ответственности и инициативы каждого звена, каждого работника государственного аппарата на строжайшее соблюдение плановой, финансовой и вообще государственной дисциплины, на более чуткое отношение к творческой инициативе трудящихся, к их нуждам и заботам. Дальнейшее развитие и совершенствование социалистической демократии — не самоцель, а средство повышения активности самоуправления народа.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 17.— С. 350.

² Горбачев М. С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду КПСС.— М., 1986.— С. 69.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 33.— С. 79.

⁴ См.: Там же.— Т. 36.— С. 74.

С. В. ДОЛГОРУКОВ, В. П. ЛАГОЙСКИЙ
**МЕСТО ПРИНЦИПА НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ
В СИСТЕМЕ ОСНОВНЫХ НАЧАЛ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Принципы советского уголовного процесса представляют собой совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных начал, которые в сочетании друг с другом выражают социальную и правовую сущность уголовного судопроизводства, обеспечивают решение задач социалистического правосудия, оказывают активное воздействие на всю организацию борьбы с преступностью в социалистическом обществе. Все принципы советского уголовного процесса представляют собой взаимосвязанную систему, и нарушение любого из них влияет на степень осуществления остальных принципов. Последовательная реализация любого из этих принципов предполагает и строжайшее соблюдение всех других. В подтверждение сказанного достаточно указать на то, что без неперемennого осуществления принципа социалистической законности трудно обеспечить последовательную реализацию и принципа неприкосновенности личности, и принципа обеспечения обвиняемому права на защиту; без обязательного осуществления принципа национального языка судопроизводства трудно ожидать полноценной реализации принципа равенства всех граждан перед законом и судом.

Тесная взаимосвязь принципов уголовного судопроизводства вытекает из основополагающих положений материалистической диалектики, которая исходит из того, что все явления объективной действительности находятся во взаимосвязи и взаимозависимости, что их возникновение, изменение, развитие невозможно в изолированном, обособленном состоянии. Весь окружающий нас мир представляет собой единое целое, по отношению к которому каждое отдельное выступает лишь как часть целого. В полной мере эти положения находят свое отражение и в системе основных начал уголовного судопроизводства, где каждый принцип относится к системе, как часть к целому. Объясняется это тем, что все, что характеризует принципы уголовного процесса, выражается не в каждом из них в отдельности, а в их совокупности, общности. Тесная взаимосвязь принципов уголовного судопроизводства обусловлена также единством задач, осуществлению которых призваны служить эти принципы.

Взаимосвязь всех принципов советского уголовного процесса отнюдь не исключает различных форм ее проявления. Одни принципы процесса могут быть связаны между собой непосредственно, другие опосредованно, через ряд промежуточных звеньев. Учитывая это различие в характере взаимосвязи основных начал уголовного процесса, важно проанализировать связь принципа неприкосновенности личности с другими принципами. Без уяснения этой связи невозможно определить место принципа неприкосновенности личности в системе основных начал уголовного судопроизводства, его воздействие на отправление правосудия.

Поскольку неприкосновенность личности характеризуется недопустимостью ограничения ее общественно полезных проявлений, постольку неприкосновенность личности и ее границы определяются законом. Именно

законом устанавливаются средства, основания и порядок воздействия на личность, причинившую или причиняющую вред интересам общества, государства, правам других граждан. Поэтому принцип неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве не может быть реализован без принципа социалистической законности, означающего, что производство по уголовному делу осуществляется в строгом, точном и неуклонном исполнении всех требований материального и процессуального закона¹. Как отметил Генеральный прокурор СССР А. М. Рекунов: «Активная борьба с преступностью неотделима от строжайшего соблюдения законности в уголовном судопроизводстве»². Необоснованное привлечение граждан к уголовной ответственности не только подрывает авторитет социалистического правосудия, снижает его действенность, но и нарушает права и законные интересы советских граждан, включая право на неприкосновенность личности.

Соблюдение принципа неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве невозможно без точного выполнения всех требований уголовно-процессуального закона. Органы, производящие расследование, применяя различные меры, направленные на раскрытие преступлений, обязаны соблюдать установленные уголовно-процессуальным законом условия, основания и формы применения таких следственных действий, как обыск и выемка, освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования, наложение ареста на имущество, кратковременное задержание в качестве подозреваемого, заключение под стражу и применение иных мер пресечения в отношении обвиняемого и подозреваемого. Несоблюдение условий, оснований и форм применения перечисленных следственных действий порождает незаконное ограничение прав и свобод советских граждан, нарушение принципа неприкосновенности. На непосредственную связь принципа неприкосновенности личности и принципа социалистической законности указывает и то, что нарушение одного из них ведет к безусловному нарушению другого. Так, задержание лица без достаточных оснований, перечисленных в законе, является не только нарушением принципа неприкосновенности личности, но и принципа социалистической законности. Поэтому можно сказать, что принцип социалистической законности является необходимым условием последовательного осуществления принципа неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве. В свою очередь, соблюдение принципа неприкосновенности личности является гарантией социалистической законности.

Принцип неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве тесно связан и с принципом всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела. Достижение задач уголовного судопроизводства, в том числе и охрана прав и свобод советских граждан, невозможны без всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела. На необходимость принятия к этому всех предусмотренных законом мер указывает ст. 15 УПК БССР. Всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела призвано обеспечить установленный уголовно-процессуальным законом порядок судопроизводства, при котором органы дознания, следствия, прокуратуры и суда беспристрастно, непредвзято выясняют и учитывают все обстоятельства, имеющие значение для законного, обоснованного разрешения вопросов, возникающих в процессе расследования преступлений и принятия процессуальных решений. Так, применение мер пресечения возможно лишь при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, находясь на свободе, скроется от следствия и суда или воспрепятствует установлению истины по уголовному делу, или будет заниматься преступной деятельностью (ст. 84 УПК БССР). Только при наличии перечисленных в ст. 119 УПК БССР условий, оснований, лицо может быть задержано по подозрению в совершении преступления. Равным образом, только при наличии достаточных оснований полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица находятся орудия преступления, предметы и ценности, добытые преступным путем, а также другие предметы или документы, которые могут иметь значение для дела, следователь вправе произвести обыск (ст. 167 УПК БССР). Очевидно, что для применения перечисленных мер лицо, производящее расследование, обязано всесторонне и объективно исследовать обстоятельства дела. Одностороннее исследование лишь обвинительных доказательств и игнорирование доказательств оправдательных, уяснение не всех обстоятельств, которые могут повлиять на правильность решения о применении принудительных мер, предвзятость, предубежденность влекут за

собой существенное ограничение свободы советских граждан, нарушают гарантируемое законом право на неприкосновенность жилища, ведут к нарушению принципа неприкосновенности личности. Из принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела вытекает требование, согласно которому суд, прокурор, следователь, лицо, производящее дознание, не могут домогаться показаний обвиняемого и других участвующих в деле лиц путем насилия, угроз и иных незаконных мер (ч. 3 ст. 15 УПК БССР). Таким образом, принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела является важной гарантией неприкосновенности личности в уголовном процессе, одним из необходимых условий его обеспечения.

Принцип неприкосновенности личности невозможно рассматривать в отрыве от принципа участия общественности в уголовном судопроизводстве. Этот принцип выражает демократизм советского уголовного процесса, пронизывает и характеризует всю деятельность органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда по раскрытию преступлений, изблечению и наказанию лиц, их совершивших. Широкое привлечение общественности к деятельности органов, ведущих борьбу с преступностью, является не только воплощением ленинской идеи о привлечении трудящихся к повседневной работе по управлению государством, но и одной из важных форм контроля общественности за деятельностью органов дознания, следствия, прокуратуры и суда. Участие общественности в уголовном судопроизводстве обеспечивает не только законность и обоснованность возбуждения, расследования и разрешения уголовных дел, но и является надежной гарантией обеспечения прав и свобод личности. Именно поэтому уголовно-процессуальный закон предусматривает участие общественности при производстве следственных действий, в той или иной мере связанных с ограничением неприкосновенности личности. Так, отсутствие понятых, выступающих в процессе в качестве представителей общественности при предъявлении для опознания, обыске и выемке, наложении ареста на имущество является грубым нарушением уголовно-процессуального закона, влекущим нарушение принципа неприкосновенности личности.

Прослеживается тесная связь принципа неприкосновенности личности и с принципом недопустимости привлечения в качестве обвиняемого иначе, как на основаниях и в порядке, установленных законом. Закрепленный в законе порядок предусматривает, что лицо может быть привлечено в качестве обвиняемого лишь при наличии достаточных доказательств для предъявления обвинения в совершении преступления, т. е. наличии такой совокупности собранных и проверенных доказательств, которая без сомнения указывает на конкретное лицо как на совершившее преступление.

Большое значение в уголовном судопроизводстве имеет принцип публичности, пронизывающий деятельность всех органов Советского государства. Публичность уголовного процесса заключается в том, что суд, прокурор, следователь и орган дознания обязаны в каждом случае обнаружения признаков преступления применять все предусмотренные законом меры для установления события преступления, изблечения и наказания лиц, виновных в его совершении. Однако принцип публичности не сводится только к обязанности соответствующих органов государства вести борьбу с преступностью, но и включает обязанность всемерно обеспечивать защиту прав и законных интересов граждан, вовлекаемых в уголовный процесс.

Итак, принцип неприкосновенности личности занимает важное место в системе основных начал советского уголовного процесса. Он не изолирован от других принципов, а действует во взаимосвязи с ними, но эта взаимосвязь принципов процесса не лишает каждый из них самостоятельного содержания и значения. В совокупности они выражают социальную сущность уголовного судопроизводства, обеспечивают необходимый уровень его функционирования.

¹ См. Кобликов А. С. Законность — конституционный принцип советского уголовного судопроизводства. — М., 1979. — С. 17; Уголовный процесс БССР / Под ред. С. П. Бекешко, Е. А. Матвиенко. — Минск, 1979. — С. 60, 61; Советский уголовный процесс / Под ред. С. В. Бородина. — М., 1982. — С. 50.

² Рекунков А. М. Отчет Генерального прокурора СССР о деятельности прокуратуры // Социалистическая законность. — 1985. — № 8.

Нашы юбіляры

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ БАЗЫЛЕВ

Исполнилось 50 лет со дня рождения кандидата экономических наук, доцента, заведующего кафедрой политической экономии естественных факультетов БГУ имени В. И. Ленина Николая Ивановича Базылева.

Н. И. Базылев родился в д. Юзёфовка Хотимского района Могилевской области в крестьянской семье. После окончания в 1954 году средней школы работал в колхозе, с 1955 по 1958 год служил в рядах Советской Армии. В 1958 году Н. И. Базылев поступил на первый курс исторического факультета БГУ имени В. И. Ленина, по окончании которого учился в аспирантуре при кафедре политической экономии университета. В 1967 году он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Экономическая эффективность повышения культурно-технического уровня колхозных механизаторов».

С 1966 года Н. И. Базылев работает в Белгосуниверситете имени В. И. Ленина преподавателем, старшим преподавателем, доцентом. В сентябре 1975 года был назначен исполняющим обязанности заведующего кафедрой политической экономии естественных факультетов, а в мае 1976 года избран заведующим этой кафедрой.

За 20 лет педагогической и научно-исследовательской деятельности Н. И. Базылев проявил себя высококвалифицированным педагогом, умелым организатором, чутким и отзывчивым товарищем. Он внес большой вклад в разработку актуальных проблем политической экономии социализма, подготовку научно-педагогических кадров республики. По результатам научных исследований Н. И. Базылевым опубликовано 8 монографий, большое количество научных статей, написан ряд глав в учебниках и учебных пособиях, общим объемом свыше 150 п. л. Наиболее значительными из его трудов являются монографии: «Становление экономической теории социализма в СССР» (1975), «Вопросы научного творчества студентов» (1976), «Экономическая теория социализма: вопросы развития и методологии в переходный период в СССР» (1981), «Обобществление производства и развитие отношений собственности» (1983), «Политическая экономия социализма. Содержательно-логические схемы» (1986), «Критика антикоммунизма по проблемам строительства социализма в СССР в переходный период» (в соавторстве с учеными Йенского университета, 1986). Под его руководством подготовлено 5 кандидатов наук.

Педагогическую и научную деятельность Н. И. Базылев успешно сочетает с общественной работой. Он является внештатным лектором ЦК КПБ, членом секций политической экономии НТС Минвуза СССР и Минвуза БССР, ответственным секретарем специализированного совета Белгосуниверситета имени В. И. Ленина по присуждению ученой степени кандидата экономических наук, ответственным секретарем редколлегии журнала «Вестник БГУ имени В. И. Ленина» (Серия 3), членом редколлегии межведомственного сборника «Политическая экономия».

Заслуги Н. И. Базылева отмечены грамотами Минвуза БССР, Белгосуниверситета имени В. И. Ленина. Он награжден значком «За отличные успехи в работе» в области высшего образования.

Свое 50-летие Николай Иванович встречает в расцвете творческих сил. Поздравляя с юбилеем, коллектив кафедры политической экономии естественных факультетов, редколлегия журнала «Вестник БГУ имени В. И. Ленина» желают ему крепкого здоровья, счастья, новых творческих успехов.

Детерминизм: Системы, развитие / В. Г. Бондарев, Т. С. Васильева, П. А. Водопьянов и др.—Минск: Наука и техника, 1985.—261 с.

Большую роль в формировании единой научной картины мира играют философские принципы. Отражая коренные объективные связи и отношения, они соединяют различные законы и категории в целостную научную систему, являясь подлинными основаниями науки. Принцип детерминизма—один из важнейших в материалистической диалектике. Его исследованию и посвящена рецензируемая коллективная работа. Авторы исследуют проблему детерминизма применительно к сложным развивающимся системам природы и общества, обобщая новейшие достижения системного подхода в естественных и общественных науках.

Системный подход позволяет полнее раскрыть логико-методологическую, эвристическую роль концепции детерминизма, его формы и механизм действия в природе, обществе, деятельности ученых. Авторы исследования обосновывают детерминацию научного познания, обусловленную социальным прогрессом, научно-технической революцией, развитием культуры и гуманизма.

В I главе дается логико-гносеологическое обоснование проблемы детерминизма с точки зрения исторического, онтологического, гносеологического подходов, критикуются различные направления буржуазной философии, отрицающие детерминированность знаний, познание объективных причин и законов.

Детерминизм, выражающий обусловленность явлений, в качестве своей существенной стороны включает причинные отношения, но не сводится к последним (с. 21). Это важное методологическое положение дает возможность понять сущность детерминизма и механизм его действия в сложных живых системах, проблему

самоорганизации, самодетерминации.

В свете концепции детерминизма рассматриваются проблемы случайности, неопределенности, вероятности событий, процессов, что имеет важное значение не только для научного познания, но и для практического решения социально-экономических, экологических проблем. Большое внимание уделено социальной детерминации, особенностям социально-культурной детерминации познания, а также анализу системы предпосылок и установок научного исследования.

Во II главе анализируются формы детерминации в различных природных системах: макросистемы космического порядка, живые организмы, популяции животных. Выявляются особенности детерминации целостных систем. Делается очень важный вывод, что «жизнеспособность биологических систем является продуктом собирательной детерминации» (с. 73), раскрывается механизм детерминации информационных систем, условия их устойчивости и сохранения.

В III главе анализируется механизм детерминации в социально-экологических системах, где основным элементом выступает человек. Антропогенные факторы оказывают существенное влияние на процессы природной самоорганизации и самодетерминации. Акцентируется внимание на необходимости глубокого изучения детерминации системы «общество—природа», проблем оптимизации биосферы, согласованности человеческой деятельности с законами природы. Дается обоснование актуальности экологических проблем, становления глобальной экологии, ее предмета и задач.

Вместе с проблемой детерминированности всей человеческой деятельности в монографии особо рассматривается детерминация деятельности ученых, их ответственность за результаты своей деятельности, особенно в науках о живом.

В рецензируемой работе затронут

ряд новых важных проблем взаимоотношения общества и природы, углублено представление о методологической роли принципов диалектики. Все это, несомненно, привлечет внимание ученых-исследователей, педагогов, пропагандистов.

Э. В. Клесова

Р. И. Поляков. Обобществление производства в условиях развитого социализма.—Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1985.—223 с.

Разработанная и одобренная XXVII съездом КПСС концепция ускорения социально-экономического развития предусматривает дальнейшее усиление процесса обобществления производства, органическое соединение науки и производства. В нем раскрывается сущность обобществления производства как экономической категории социализма. Обобществление производства рассматривается в качестве такого общественного механизма, посредством которого структура производства приводится в соответствие с характером функционирования производительных сил. Но обобществление производства—не только общественный механизм совершенствования производительных сил, но, одновременно, и двигатель развития социалистической собственности, накопитель ее материально-вещественного и социально-экономического содержания. Под его воздействием осуществляется не только производство, но и реализация отношений общественной собственности. Специальный раздел монографии посвящен характеристике обобществления производства как основы совершенствования хозяйственного механизма развитого социалистического общества, как средства разрешения противоречий социалистической экономики, как материальной базы формирования социально однородной структуры социалистического общества.

Монографическое исследование Р. И. Полякова привлекает обилием литературных источников, квалифицированной, корректной оценкой позиций других ученых по различным проблемам политической экономии. Однако нам представляется не совсем аргументированной точка зрения автора на особенности взаимодействия обобществления производства и товарно-денежных отношений при социализме. На с. 157 он пишет: «Аксиомой политэкономии является положение о том, что при социализме потребительная стоимость является воплощением и носителем цели социалистического производства, средством удовлетворения растущих потребностей членов общества и т. д., а стоимость—средством достижения цели». Вряд ли это так: цель социализма всегда хороша и благородна, а потребительная стоимость, создаваемая на

социалистических предприятиях, может быть плохой; отрасли машиностроения производят «ширпотреб», создают стоимость, но все еще далеки от достижения цели социализма. На с. 164 обобществление рассматривается как материальное условие развития товарной и планомерной организации производства. Товарное производство трактуется как «динамичная форма разрешения противоречия, существующего общественному производству», в частности между обобществлением производства и экономическим обособлением производителей. Скорее, наоборот, обобществление производства способствует разрешению противоречий товарного производства и является не условием развития, а средством относительного сужения сферы товарно-денежных отношений.

И. И. Терешков

Н. В. Пахомова. Экономическая структура социалистического природопользования: становление, функционирование, совершенствование.—Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1985.—168 с.

Автор обстоятельно раскрывает сложную систему экономических отношений по поводу производства, охраны и потребления природных ресурсов. Под воздействием обобществления производства формируется непосредственно-общественный характер социалистического природопользования. Природно-индустриальный комплекс, по мнению автора, представляет собой совокупность межотраслевых комплексов, охватывающих последовательные ступени технологической цепочки по использованию-воспроизводству различных естественных ресурсов. Формирование природно-индустриального комплекса выступает следствием развития обобществления производства в рамках всего народного хозяйства и в области производства, охраны и потребления природных ресурсов. В качестве важнейших звеньев природно-индустриального комплекса выделяются прежде всего природно-хозяйственные отрасли (первое звено), отрасли, занятые непосредственно восстановлением, воспроизводством природных производительных сил, различных компонентов окружающей среды. К этим отраслям относятся сельское, лесное, рыбное, охотничье, водное хозяйство, геологоразведка, рекультивационная служба. Вторым звеном комплекса выступают природоэксплуатационные отрасли, осуществляющие разработку, заготовку естественных ресурсов, а также перерабатывающие добытое сырье. В третье звено входят специализированные отрасли машиностроения и капитального строительства, производящие технические средства для производственно-индустриального комплекса. Наконец, четвертое звено представлено производственной

и социально-бытовой инфраструктурой производственно-индустриального комплекса.

В составе производственно-индустриального комплекса могут быть выделены относительно самостоятельные подкомплексы: агропромышленный, лесопромышленный, рыболовственный, минерально-сырьевой, охотопромысловый и др. Основной формой обобществления производства в отраслях природопользования выступают региональные производственные объединения. Кроме этого идет процесс формирования межотраслевых территориально-производственных объединений. Но, как справедливо замечает автор, «процесс обобществления в природопользовании получает завершенные, эффективные формы лишь в том случае, если интеграция отраслей на народнохозяйственном уровне и создание межотраслевых народнохозяйственных комплексов сопровождается интеграцией производственных звеньев различной ведомственной принадлежности в пределах определенной территории и на уровне основного производственного звена» (с. 101).

В работе раскрывается также механизм планового управления природно-индустриальным комплексом, анализируются хозяйственные отношения и раскрывается их воздействие на усиление процесса обобществления производства в сфере природопользования. Хотелось бы, однако, чтобы в подобном рода работах более строго и четко выдерживались терминологические принципы (на с. 3 читаем, что природопользование представляет собой основную область и форму взаимодействия общественного производства и окружающей среды, что это есть система специализированных видов деятельности, одновременно — сфера занятости людей, оно же — звено общественного производства (с. 13). Неудачны, на наш взгляд, термины «всеобщественная организация производства», «всеобщественный характер производительных сил» и т. д.

В целом для монографии Н. В. Пахомовой характерны высокий уровень анализа экономических процессов и значимость поставленных проблем. Надеемся, что рецензируемое исследование будет с интересом встречено читателем.

Н. И. Базылев

А. В. Дулов. Основы расследования преступлений, совершенных должностными лицами. — Минск: Изд-во Университетское, 1985. — 168 с.

Монография профессора А. В. Дулова посвящена одной из наиболее важных проблем борьбы с преступностью. Преступления данной категории отличаются особой сложностью, латентностью, неочевидностью, длительностью и тяжестью последствий. Характерен субъект преступления.

Это, как правило, люди высокообразованные, знающие механизм функционирования предприятия или учреждения, в котором работают и совершают преступления. В связи с этим содержание работы можно рассмотреть в двух аспектах: криминалистическом и криминологическом.

В работе дан глубокий системно-структурный анализ должностных преступлений, который позволяет читателям получить целостное представление обо всей системе преступных проявлений данной категории. Автор предлагает оригинальную структуру методики расследования должностных преступлений, выделяя подструктуры с «технологическими» закономерностями отдельных подвидов преступлений. Изложенные подструктуры составляют прогностическую часть методики расследования, которая содержит задачи, цели, методы прогнозирования. Значительный интерес представляет прогностическое исследование проблемы с позиций анализа субъективных решений должностных лиц, возможных процессов взаимодействия преступника с иными лицами.

Элементами системы расследования должностных преступлений являются также теоретическая и прикладная части, в которых излагаются теоретические обоснования и даются практические рекомендации. Автор раскрывает этапы построения модели расследования должностных преступлений.

По-новому излагается проблема исследования деятельности должностных лиц. Анализ функций должностного лица рассматривается с позиций криминалистического матрицирования. Под матрицей понимается установленная в ходе следствия совокупность фактов, характеристик, закономерностей, общих требований, регулирующих деятельность учреждения, должностного лица, требования к изделию, к производственному или иному процессу. Разработка матриц функций должностных лиц позволит практическим работникам сопоставлять данную матрицу с реальным выполнением функций конкретным должностным лицом, а затем определять, какие элементы следует собирать, чтобы установить степень вины должностного лица.

Значительный практический и теоретический интерес представляет раздел работы о проведении тактических операций при расследовании должностных преступлений. Достаточно глубоко описывается и профилактическая деятельность следователя, что делает монографию законченной и всесторонне освещающей рассматриваемую проблему.

К несомненным достоинствам работы А. В. Дулова можно отнести то, что автор глубоко рассмотрел сложные процессы расследования преступлений и поднял важные, малоразработанные проблемы криминалистики.

Это — проблемы криминалистического прогнозирования и криминалистического матрицирования, позволяющие с позиций системно-структурного анализа изучать деятельность конкретного должностного лица и оптимизировать (алгоритмировать) работу следователя.

Достоинством работы является также выделение дефектности личностных качеств должностного лица, включающих комплекс свойств, знаний, умений. Важное место здесь отводится дефектам направленности личности — отсутствию идеалов, стойких жизненных принципов. Отсутствие высоких нравственных качеств — честности, чуткости, внимательности к людям составляет психологическую основу возникновения административно-чванства, бюрократизма, которые порождают правовой нигилизм, веру отдельных руководителей в то, что по мере восхождения по служебной лестнице ответственности как бы ослабевает их личная зависимость от закона: правовые нормы, обязательные для других, для них якобы уже не обязательны. Речь идет о профессиональной деформации личности руководителя, с которой необходимо вести решительную борьбу.

В книге достаточно глубоко освещена профилактическая деятельность следователя. Эффективность этой деятельности в значительной степени зависит от полноты выявления обстоятельств, способствовавших совершению преступления должностным лицом. Автор конкретизирует основные направления сбора доказательственных фактов, необходимых для полного установления всех причин и условий, таких, как выявление дефектов в осуществлении функций должностного лица и причин их появления, исследование особенностей предприятия, учреждения, где было совершено преступление.

Монография профессора А. В. Дулова написана на актуальную тему и вносит весомый вклад в современную криминалистическую науку.

**Г. Г. Шиханцов,
Г. А. Зорин**

И. С. Тишкевич. Личная собственность граждан под охраной закона: Уголовно-правовые аспекты. — Минск: Изд-во БГУ, 1983. — 143 с.

В книге профессора И. С. Тишкевича раскрывается значение охраны личной собственности граждан СССР соответствующим законодательством, обстоятельно характеризуются виды и признаки преступных посягательств на

личную собственность, а также наказания за их совершение. Глубокое теоретическое исследование вопросов в монографии удачно сочетается с их научно-практическим комментарием. В заслугу автору следует поставить и то, что он анализирует наиболее сложные, спорные вопросы и дает им, на наш взгляд, правильную правовую оценку. Сложные теоретические проблемы излагаются доступным для читателя языком.

Значительное место в работе отведено рассмотрению действий корыстного характера, направленных на извлечение материальной выгоды виновным за счет причинения имущественного ущерба потерпевшему (кража, грабеж, разбой, мошенничество и вымогательство). При этом дается характеристика не только общих признаков уголовно-наказуемого завладения чужим личным имуществом, но и подробно анализируются признаки конкретных преступлений данной группы, а также квалифицированные и особо квалифицированные виды этих преступных деяний. Полезные и обоснованные рекомендации даны по разграничению разных форм преступного завладения чужим личным имуществом, отграничению их от одноименных преступных посягательств на социалистическую собственность.

Важное практическое значение имеют положения раздела, посвященного ответственности за преступления против личной собственности, совершенные на территории нескольких союзных республик (этот раздел написан прокурором отдела по надзору за рассмотрением в судах уголовных дел прокуратуры г. Минска С. И. Тишкевичем).

В рецензируемой книге имеются и отдельные недостатки, спорные положения, а изложение некоторых вопросов нуждается в уточнении. Так, не дано определения общего (родового) понятия преступлений против личной собственности граждан; обойден молчанием вопрос об объекте этой группы преступлений. Неточным является и утверждение, что за большинство преступлений против личной собственности ответственность наступает с 16-летнего возраста и лишь за некоторые — с 14 лет (с. 32—33). В отдельных случаях для иллюстрации теоретических положений приведены не совсем удачные примеры из судебной практики.

Высказанные замечания носят частный характер и не снижают положительной оценки работы, полезной как для научных, так и практических работников правоохранительных органов.

М. А. Гельфер, Е. В. Ворошилин

Памяці таварыша

АНАТОЛИЙ ДЕНИСОВИЧ МОЛОЧКО

После тяжелой болезни скончался директор Института повышения квалификации преподавателей общественных наук—проректор Белгосуниверситета имени В. И. Ленина, член КПСС с 1939 года, профессор Анатолий Денисович Молочко.

А. Д. Молочко родился 17 февраля 1916 года в д. Лесковичи Сиротинского района Витебской области в семье сельских учителей. В 1931 году 16-летним подростком он пришел на знаменитый своими пролетарскими революционными традициями Киевский завод «Арсенал», где получил первую рабочую и комсомольскую закалку. В 1935 году после окончания рабфака А. Д. Молочко становится студентом Ленинградского института инженеров водного транспорта, а в 1940 году—слушателем Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б). С 1942 по 1950 год Молочко работает в партийных органах Казахстана и Белоруссии. Он избирался секретарем Минского горкома и обкома Компартии Белоруссии, членом ее Центрального Комитета, работал заведующим отделом пропаганды и агитации

ЦК КП(б)Б.

С 1950 года А. Д. Молочко работает в высшей школе: старшим преподавателем, доцентом Минского медицинского института, с 1961 по 1973 год—заведующим кафедрой истории КПСС МГПИ имени А. М. Горького, а с мая 1973 года и до последних дней жизни—директором Института повышения квалификации преподавателей общественных наук при БГУ имени В. И. Ленина. Под его руководством был организован новый институт, создана учебно-материальная база, подобран высококвалифицированный профессорско-преподавательский состав. Во многом благодаря последовательным усилиям А. Д. Молочко в институте существует творческая принципиальная и доброжелательная атмосфера, создавшая ИПК заслуженный авторитет среди преподавателей общественных наук высших учебных заведений страны.

Большую организаторскую работу профессор А. Д. Молочко сочетал с плодотворной научной деятельностью. Многолетняя творческая разработка проблем теории и истории социалистических наций и национальных отношений, ленинской национальной политики КПСС выдвинула его в число видных специалистов республики в этой области. Им опубликовано свыше 70 печатных работ, в том числе 2 индивидуальные и 2 коллективные монографии, более 10 брошюр, общим объемом свыше 150 п. л. Он являлся одним из авторов известного «Курса лекций по истории КПСС» и главным редактором его третьего, дополненного и переработанного издания. Под его руководством и при активном участии Институтом издано свыше 15 работ по методике преподавания общественных наук в вузах.

А. Д. Молочко отдавал много сил и времени подготовке научно-педагогических кадров. Более 20 его учеников успешно защитили кандидатские диссертации. Он являлся членом специализированного совета БГУ имени В. И. Ленина по присуждению ученых степеней, членом Белорусского республиканского совета по координации научно-исследовательской работы в области истории КПСС и партийного строительства Института истории партии при ЦК КПБ, членом редколлегии межведомственного сборника «Вопросы истории КПСС».

Коммунистическая партия и Советское государство высоко оценили общественно-политическую, организаторскую и научно-педагогическую деятельность А. Д. Молочко, наградив его орденами «Трудового Красного Знамени» и «Знак Почета», пятью медалями, пятью почетными Грамотами Верховного Совета БССР. Ему было присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры БССР».

Светлый образ Анатолия Денисовича Молочко, честного, принципиального и скромного коммуниста, видного ученого, крупного организатора, человека большой души и обаяния, навсегда сохранится в сердцах и памяти всех, кому довелось знать его и работать вместе с ним.

ЗМЕСТ

РАШЭННІ ХХVІІ З'ЕЗДА КПСС — У ЖЫЦЦЕ

<i>Коршук В. К.</i> XXVII съезд КПСС: стратегия ускорения	3
<i>Дронь П. П., Шалькевич В. Ф.</i> Гуманизм социальной политики КПСС	6
<i>Давыденко Л. Н., Базылев Н. И.</i> Обобщение социалистического производства и рационализация природоохранных мероприятий	9
<i>Дробязко С. Г., Тихиня В. Г.</i> Проблемы советской юридической науки в свете решений XXVII съезда КПСС	12

ГІСТОРЫЯ

<i>Осмоловский В. П.</i> Организационно-политическое укрепление Советов Белоруссии весной и летом 1918 года	15
<i>Сидорцов В. Н.</i> Развитие и укрепление связи рабочего класса БССР с Красной Армией в довоенный период	18
<i>Бадулин А. Н.</i> Авангардная роль партийного подполья Гомельской области в организации борьбы против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны	21
<i>Дмитриченко А. В.</i> Партийное руководство социалистическим соревнованием между коллективами промышленных предприятий Белоруссии и Литвы (1971—1980)	23
<i>Афонина К. И.</i> Вольная русская печать о Белоруссии	26
<i>Акулич М. А.</i> Белорусская учебная книга XVI — первой четверти XVII веков на Балканах	28
<i>Нгуен Кхак Тхай.</i> Особенности формирования первых политических организаций национально-освободительного движения во Вьетнаме в эпоху «пробуждения Азии»	30
<i>Анна Луиза Лопес Пенья.</i> О социально-экономическом положении кубинского пролетариата (1933—1935)	32

ФІЛАСОФІЯ

<i>Лойко А. И.</i> Диалектическое единство эмпирического и теоретического при построении космологических моделей	35
<i>Медведева И. А.</i> Динамика представлений о стиле научного мышления	38
<i>Шутко Р. В.</i> Сущность и структура социалистического быта	41
<i>Тиговец А. А.</i> Ученые БГУ имени В. И. Ленина в борьбе за утверждение ленинского этапа научного атеизма	44
<i>Круглова Г. А.</i> Критика религиозно-идеалистических концепций взаимоотношения общества и природы	47
<i>Теняню М. Ю.</i> Проблема социально-исторической детерминации религиозных отношений	50
<i>Грушевой Г. В.</i> К характеристике философской мысли Франции второй половины XVII века	54

НАВУКОВЫ КАМУНІЗМ

<i>Якубовский В. А.</i> Народное благосостояние как социально-политическая категория	58
--	----

ЭКАНОМІКА

<i>Адамович Т. И.</i> О некоторых проблемах становления новой формы производственных отношений	61
<i>Ланко Г. А.</i> К вопросу о взаимосвязях фонда жизненных средств и качества личного фактора производства	64
<i>Сорока В. Т.</i> Районное агропромышленное объединение в системе социалистических производственных отношений	66

ПРАВА

<i>Головко А. А.</i> Некоторые теоретические аспекты социалистической демократии	69
<i>Долгоруков С. В., Лагойский В. П.</i> Место принципа неприкосновенности личности в системе основных начал уголовного судопроизводства	71

НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

Николай Иванович Базылев	74
------------------------------------	----

РЭЦЭНЗІІ

<i>Клесова Э. В.</i> Детерминизм: Системы, развитие	75
<i>Терешков И. И. Р. И. Поляков.</i> Обобществление производства в условиях развитого социализма	76
<i>Базылев Н. И. Н. В. Пахомова.</i> Экономическая структура социалистического природопользования: становление, функционирование, совершенствование	76
<i>Шиханцов Г. Г., Зорин Г. А. А. В. Дулов.</i> Основы расследования преступлений, совершенных должностными лицами	77
<i>Гельфер М. А., Ворошилин Е. В. И. С. Тишкевич.</i> Личная собственность граждан под охраной закона: Уголовно-правовые аспекты	78

ПАМЯЦІ ТАВАРЫША

<i>Анатолий Денисович Молочко</i>	79
---	----

ПРАВИЛА

подготовки рукописей для опубликования в журнале

1. Статьи, напечатанные на пишущей машинке через два интервала на одной стороне листа, представляются в редакцию редколлегией в двух экземплярах.

2. Объем статьи не должен превышать 8 страниц машинописного текста (включая приложения).

3. К статье должны быть приложены: рекомендация кафедры, рецензия и сведения об авторе (место работы, должность, адрес, рабочий и домашний телефоны).

4. Формулы и буквенные обозначения необходимо аккуратно и разборчиво вписывать в два экземпляра от руки темными чернилами и разметить карандашом: греческие буквы обвести красным карандашом; латинские подчеркнуть волнистой чертой; прописные — двумя черточками снизу ($\underline{\underline{A}}$), строчные — двумя черточками сверху ($\overline{\overline{a}}$). Сле-

дует различить буквы $\underline{\underline{O}}$ (прописную), $\underline{\underline{o}}$ (строчную) и $\underline{\underline{0}}$ (ноль), для чего буквы $\underline{\underline{O}}$ и $\underline{\underline{o}}$ подчеркивают двумя черточками и ноль отмечают квадратной скобкой снизу ($\underline{\underline{O}}$, $\underline{\underline{o}}$, $\underline{\underline{0}}$).

Необходимо различать в написании буквы $\underline{\underline{l}}$ (эль), $\underline{\underline{e}}$, а также $\underline{\underline{I}}$ и $\underline{\underline{J}}$ (йот), для чего

$\underline{\underline{l}}$ пишут, как римскую единицу, подчеркивая ее двумя черточками снизу.

5. Рисунки (не более 3 для статьи и не более 2 для краткого сообщения) представляют в двух экземплярах в виде графиков, схем, фотографий отдельно от текста; фотографии, отпечатанные на глянцевой бумаге с накатом, должны иметь четкое и контрастное изображение. Чертежи и схемы выполняют тушью на плотной бумаге или кальке 150×200 мм. На обороте карандашом необходимо указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка.

6. Таблицы и подписи к рисункам следует печатать на отдельных листах. Кривые на рисунках нумеруются арабскими цифрами, которые расшифровываются в подписях к рисункам. Представление одного и того же материала в виде таблиц и рисунков не допускается. Места для таблиц и рисунков необходимо указать на полях рукописи.

7. Список литературы дается в конце статьи на отдельном листе и оформляется следующим образом:

а) для книг: фамилия и инициалы автора, полное название книги, место издания, год издания, страницы;

б) для журнальных статей: фамилия и инициалы автора, принятое сокращение журнала, год издания, том (например, т. 2), номер выпуска, страницы. В списке литературы не должно быть работ, на которые нет ссылок в тексте статьи.

8. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации и авторефераты не допускаются.

9. В случае возвращения статьи автору для доработки первоначальный текст статьи необходимо вернуть в редакцию. При задержке статьи автором на месяц и более первоначальная дата поступления не сохраняется.

10. Корректурa статьи с исправлениями ошибок типографии за подписью автора должна быть через три дня после ее получения возвращена в редакцию. Изменения и дополнения как в тексте, так и в рисунках (таблицах) не допускаются.

11. Редакция оставляет за собой право производить редакционные изменения и сокращения рукописей.

80 кап.

Індэкс 74853

Вesn. Беларускага ун-та.
Сер. 3, гіст., філас., навук. кам., экан., права.—1986.— № 2.—80 с.